

Шекспир Уильям Генрих IV

Несомненно, что замысел "Генриха IV" возник у Шекспира тогда, когда он завершал хронику о Ричарде II, продолжением которой являются две пьесы о царствовании Генриха IV. За это говорит даже не столько то, что в конце "Ричарда II" епископ Карлайль пророчески предвещает о бедах, ожидающих Англию в наказание за свержение законного короля, сколько упоминание о бесчинствах молодого принца Генри, наследника нового монарха Болингброка. Последний жалуется на то, что уже три месяца не видел сына, и посылает на поиски в таверны, где он бражничает со всяким сбродом ("Ричард II", V, 3). Упоминание принца в таком контексте является анахронизмом для данной пьесы. Ему во время низложения Ричарда II было всего тринадцать лет, и явно, что, вводя эту характеристику, Шекспир уже носил в голове, а может быть, начал излагать на бумаге историю беспутного принца.

Именно она и является основным сюжетным мотивом хроники "Генрих IV" в гораздо большей степени, чем судьба его отца, чьим именем названы обе пьесы. Ясно также и то, что уже в это время у Шекспира созрел план драматизации всей истории принца, а впоследствии короля Генриха V, прославленного в анналах истории Англии своими победами над Францией в Столетней войне. Его биография и история царствования были красочно описаны в летописях Холиншеда и других историков. О Генрихе V в народе ходили легенды, и он был в сознании масс таким же мужественным, справедливым, «хорошим» королем, каким во Франции позже представляли себе Генриха IV Наваррского.

Героический образ короля-воина рано привлек внимание английских драматургов эпохи Возрождения, и его история была инсценирована еще до Шекспира. Когда над Англией нависла опасность испанского вторжения, театры, поддерживая патриотический дух народа, ставили пьесы, прославлявшие прошлые победы англичан над чужеземцами. Тогда-то и появилась первая пьеса на данный сюжет — "Славные победы Генриха V", написанная неизвестным автором. Она была поставлена не позднее 1588 года. (Это установлено благодаря тому, что сохранились сведения об участии комика Тарлтона в исполнении пьесы, а так как он скончался в 1588 году, то это приблизительно фиксирует дату.)

Пьеса имела успех и довольно долго продержалась на сцене. В 1592 году Томас Нэш в памфлете "Пирс безгрошовый", хваля театры за то, что они развивают в народе чувство национальной гордости, упоминает эту хронику: "Как замечательно, что на сцене показывают Генриха V, взятие им в плен французского короля и то, как он вынуждает его и дофина присягнуть ему на верность". Вероятно, именно эта пьеса под названием "Генрих V" была занесена в 1594 году в реестр книг, предполагавшихся к печатанию, и о ней же идет речь в документе о представлении, состоявшемся в 1595 году. Она была напечатана в 1598 году, и это издание сохранилось, благодаря чему исследователи могли сравнить пьесу с шекспировскими хрониками на тот же сюжет.

"Славные победы Генриха V" — примитивная инсценировка известных исторических фактов и легенд об этом короле. Это откровенно пропагандистская пьеса биографического характера, с невыразительной обрисовкой персонажей. Но при всем том ее неизвестный автор проявил некоторую выдумку, создав беглый и местами живой сценический рассказ о жизни и деяниях Генриха V. Следуя преданиям о беспутной молодости короля, он ввел сцены, изображающие его в компании веселых собутыльников, среди которых есть опустившийся рыцарь сэра Джон Олдкас — прообраз Фальстафа. Есть в пьесе и эпизод, когда принц дает пощечину верховному судье. Наконец, мы находим здесь и сцену, подавшую Шекспиру идею изобразить принца и Фальстафа репетирующими сцену встречи короля с принцем. В "Славных победах" это происходит иначе: там двое из трактирной компании комически повторяют ссору принца с верховным судьей. Не приходится сомневаться в том, что Шекспир воспользовался пьесой своего предшественника. Он не

только заимствовал из нее отдельные детали, она в целом послужила ему канвой и для двух частей "Генриха IV" и для "Генриха V".

Инсценировка предшественника была скупой на факты и схематичной по построению. Явно, что Шекспир дополнил многое по Холиншеду. Но с обоими источниками Шекспир обращался вольно, подчиняя отдельные факты и характеристики своей, совершенно самостоятельной концепции пьесы. Ничто так наглядно не свидетельствует о творческой зрелости, достигнутой в это время Шекспиром, как свежесть и смелость, с какой он обработал материалы своих предшественников.

Особенно стремился Шекспир к рельефности фигур главных персонажей, сочетая их по признаку контраста. Для этого он не постеснялся отступить от хронологии. Возраст Генриха IV Шекспир значительно увеличил, представив его человеком на склоне лет, приближающимся к могиле, тогда как на самом деле в год битвы при Шрусбери ему было всего тридцать шесть лет. Хотспер был даже старше короля, а Шекспир сделал его намного моложе, сравнив по годам с принцем Генрихом, и разница в характере и поведении их от этого стала особенно выразительной. А во второй части "Генриха IV", где уже нет Хотспера, Шекспир для сохранения контраста ввел фигуру другого сына короля, Джона Ланкастерского, которого ни Холинshed, ни другие историки не упоминают в связи с данными событиями. Шекспиру он понадобился, чтобы опять-таки оттенить беспутство принца Генриха по сравнению с чопорным и надменным другим королевским сыном. В летописях в связи с данными событиями женщины не упоминаются. Шекспир создал образы леди Мортимер и леди Перси. Наконец, из слегка намеченных эпизодов с собутыльниками принца Шекспир создал бесподобные фальстафовские сцены, принадлежащие к лучшим образцам его юмора.

Первая часть "Генриха IV" была напечатана в 1598 году без имени автора, переиздана в 1599 году с указанием на авторство Шекспира, печаталась дополнительно в 1604, 1608, 1613 годах и еще три раза после смерти Шекспира, попав также в фолио 1623 года. Вторая часть вышла в 1600 году и была повторена в фолио. В 1844 году был найден "манускрипт Деринга" — рукописный вариант, сделанный в начале XVII века, по-видимому, для какого-то домашнего спектакля. Эта рукопись, следовавшая печатным текстам, интересна как первая дошедшая до нас попытка монтажа двух частей хроники.

Основой современного текста первой части является кварто 1598 года, как самое полное. Для второй части более надежным оказался текст фолио 1623 года. Он на 150 строк полнее кварто 1600 года. В недавнее время Л. Л. Шюкинг (1930) и А. Харт (1934) убедительно доказали, что сокращения в кварто в основном были сделаны по цензурным соображениям, так как в некоторых репликах могли быть усмотрены намеки на королеву Елизавету, так же как это было со сценой низложения Ричарда II (см. статью о "Ричарде II" в третьем томе настоящего издания).

Две пьесы о царствовании Генриха IV составляют срединную часть тетралогии, началом которой является "Ричард II", а концом — "Генрих V". Хотя все они связаны последовательностью исторических событий и общностью некоторых персонажей, пьесы о царствовании Генриха IV выделяются, образуя самостоятельное художественное целое, отличаясь по содержанию, духу и тону от хроник, обрамляющих тетралогию.

В "Ричарде II" преобладает трагическая тональность, в "Генрихе V" тональность эпико-героическая. И здесь и там с предельной ясностью проводится определенный политический тезис: в "Ричарде II" — критика "божественного права" королей, в "Генрихе V" — воинственный патриотизм. Определить «идею» "Генриха IV" в такой же тезисной форме едва ли возможно. Эта пьеса вообще меньше всего поддается определениям в духе традиционных рубрик.

Начать с того, что она уже по своему объему превосходит любую из пьес Шекспира. Если каждая из частей "Генриха VI" представляет собой законченное драматическое произведение, то этого нельзя сказать о двух частях "Генриха IV". Верно, что каждая из них требует отдельного спектакля, но тем не менее идейно и художественно они образуют

единое целое. В этом сходится большинство критиков, начиная с С. Джонсона вплоть до Дж. Довер Уилсона. Единство обеих частей прежде всего определяется тем, что их содержанием является судьба трех лиц — короля Генриха IV, принца Генриха и Фальстафа. В полном объеме облик каждого из них раскрывается лишь в ходе действия, охватывающего обе хроники.

Против этого можно возразить, сказав, что каждая из пьес имеет свою фабулу. Но фабула первой части не является вполне законченной. Развязка первой части не содержит драматургического решения всех узлов, завязанных началом пьесы. Здесь решается лишь та часть драматического конфликта, которая строится на противопоставлении принца Генриха и Хотспера, а это хотя и существенно в общем плане пьесы, но все же не больше, чем эпизод. Драматургическая конструкция "Генриха IV" вообще характеризуется эпическим нанизыванием эпизодов. Американский шекспировед Феликс Шеллинг правильно определил "Генриха IV" как хронику эпического типа, в отличие от хроник-трагедий "Ричард III" и "Ричард II". Но это не было возвратом Шекспира к несколько рыхлой манере второй и третьей частей "Генриха VI". В "Генрихе IV" при полном отсутствии единства действия есть изумительно осуществленное "единство интереса". Он сосредоточивается на судьбах отдельных людей и на судьбах целой страны, картина жизни которой раскрывается с такой полнотой, что перед нами возникает зрелище истории, как она реально творится.

"Генрих IV" — грандиозная историческая драма, содержание которой столь обширно, что оно не уместилось в рамки одного спектакля, и Шекспир, никогда не считавшийся с формальными правилами, написал пьесу в десяти актах. Художественная задача, взятая им на себя, была тем труднее, что в сюжете не было такого стержня, как, например, в "Ричарде III", и Шекспир нашел новые средства, чтобы держать внимание публики в напряжении. В других хрониках Шекспира драматизм определялся в первую очередь тем, ч_т_о происходит. В "Генрихе IV" Шекспир покоряет изображением того, к_а_к совершаются события, к_а_к творится история. Справедливости ради скажем, что в предшествующих хрониках Шекспир уже стремился к этому, но в полной мере он решил данную художественную задачу впервые именно в "Генрихе IV".

Поэтому-то каждая часть "Генриха IV" интересна сама по себе. Но и отдельные эпизоды внутри каждой из частей тоже обладают качествами, придающими им самостоятельный интерес. Более того, некоторые из них обладают своей внутренней законченностью. Все сцены, связанные с ограблением купцов на большой дороге, нападением принца и Пойнса на грабителей, и, наконец, рассказ Фальстафа об этом происшествии составляют законченную комедию фарсового типа, точно так же как эпизоды Хотспера составляют трагедию, вкрапленную в общую композицию "Генриха IV". Это не просто линии действия, а драматически завершенные, сюжеты. Они есть и во второй части. Фальстаф и миссис Куикли, король и принц Генрих — в одном случае фарс, в другом — драма взаимоотношений отца и сына — образуют такого рода законченные, самостоятельные драматические сюжеты,

Самое изумительное в драматургической композиции "Генриха IV" — это, однако, то сложное единство, которое создается сплавом всех разнообразных элементов, входящих в драму. Из малозначительных баронских восстаний XV века Шекспир извлек материал для создания исторической драмы большого социального смысла. Может быть, именно то обстоятельство, что, взятые сами по себе, данные события не отличались большой красочностью, и позволило Шекспиру сосредоточить внимание на характерах, показать их в живой связи с историей.

Мы могли видеть по предшествующим хроникам, что главное внимание Шекспира было обращено на формирование централизованного национального государства. Подобно другим пьесам этого жанра, как в первой, так и во второй части "Генриха IV" драматический конфликт имеет в основе борьбу между королевской властью и феодалами. Но нигде раньше Шекспир не достигал такой широты изображения исторического процесса и такой глубины в раскрытии его движущих пружин, как в "Генрихе IV".

Конфликт между Генрихом IV и его феодалами раскрывается в такой живой конкретности, что это типичное противоречие эпохи обретает неповторимо индивидуальный облик. Участники конфликта предстают перед нами каждый с своеобразными чертами, и именно эта индивидуализация их таит глубочайший смысл, создавая в конечном счете ощущение поражающей жизненной полноты действия. Максимальная степень реализма достигается благодаря тому, что Шекспир не создает прямого соответствия между моральным обликом персонажа и той государственной, политической идеей, носителем которой он является.

В этом смысле, с точки зрения композиционной, ясно выявляется, что цель драмы — утвердить принцип централизованной монархии. Но король Генрих IV, являющийся живым носителем этого государственного принципа, далеко не идеальный монарх. Более того, он несет в себе противоречие этому принципу, ибо сам достиг власти посредством свержения законного монарха. Это противоречие между личностью короля и принципом, который он отстаивает, делает для нас живой и исторически правдивой картину процесса, изображаемого Шекспиром. Сознал ли Шекспир это, или такое изображение явилось результатом, не предусмотренным автором, но в его изображении обнаруживаются двойственность и противоречивость абсолютистской государственности, утверждающей, с одной стороны, законность, а с другой — подчиняющей эту законность индивидуальной воле и, в конечном счете, произволу одного человека.

Сам король ощущает противоречивость своего положения. Его душу постоянно терзает сознание вины в убийстве Ричарда II. Он полон недоверия к окружающим феодалам, особенно к тем, кому обязан был своим возвышением. Неумолимая логика властолюбия побуждает его в первую очередь укротить именно своих наиболее энергичных пособников, ибо они представляют для короля главную опасность. Опасны в глазах правителя те, кто, не разделяя священного трепета толпы перед властью, знают, что приобретение ее — дело рук человеческих. А Нортемберленд, Перси и другие знают «технику» оттого дела, ибо сами приводили в действие колеса механизма, вознесшего Генриха IV на трон. Именно поэтому они, в свою очередь, полны притязаний и непокорства, так как им кажется, что, посадив Генриха на трон, они связали его вечным обязательством благодарности... Но логика классовой политики такова, что как раз обязанность быть благодарным в первую очередь и побуждает Генриха IV к неблагодарности.

Слишком поздно понимают бывшие соратники Генриха IV по бунту, что они ошиблись. В их руках, правда, остается прежнее оружие — бунт против короля, которого они сами поставили у власти. Но самый их мятеж обнаруживает главную внутреннюю и, мы бы сказали, исторически predeterminedенную слабость их позиции. Нортемберленд, Вустер, Хотспер, восставая против Генриха IV, лихорадочно ищут союзников даже среди прежних врагов. Шекспир с гениальной прозорливостью раскрывает беспринципность политических оппозиций, имеющих в основе корыстные, властолюбивые стремления меньшинства. И вот в лагере противников короля оказываются законный претендент на власть — Мортимер, наследник Ричарда II, шотландец Дуглас, воевавший с Англией, предводитель мятежного Уэльса Глендаур, с которым только что воевали английские феодалы. Самое разительное то, что Хотспер, недавний победитель шотландца Дугласа, теперь вынужден объединиться с ним.

Семейство Перси, являющееся душой мятежа, вступает в союз со всеми внутренними и внешними врагами английской монархии. Логика борьбы делает их врагами своей же нации, тогда как Генрих IV при всей его личной моральной безупречности оказывается защитником национальных интересов. Морально-политически он более прав, чем его противники, каковы бы ни были его личные недостатки и пороки.

Лагерь мятежников как в первой, так и во второй части изображен Шекспиром с поразительным многообразием. Все они — носители принципа феодального сепаратизма. Каждый из них движим эгоистическими соображениями, но сколь различны они между собой! Вот Нортемберленд, старый прожженный политик, хладнокровный в своих расчетах,

а рядом — его брат Вустер, беспокойный, подозрительный и беспощадный интриган. За ними наследственный опыт бесчисленных феодальных склок, мятежей, придворных интриг. Они, так сказать, носители «цивилизованного» интриганства. С ними заодно феодалы иной, исторически более низкой и примитивной ступени — шотландец Дуглас и уэльский бунтарь Глендаур. В Дугласе мы видим сочетание храбрости, горца с хитростью политика, привыкшего к сложным отношениям вечно враждовавших кланов. Поэтому он выбирает, когда пускаться в ход воинственный задор и когда — выждать. Наконец, Глендаур — феодал самого примитивного варварского склада. Воинственный и хвастливый, он то ли в самом деле верит в колдовство, то ли устрашает врагов и друзей своим знанием магии и умением заставить служить себе таинственные силы стихий природы, во всяком случае, он одновременно храбрец и шарлатан.

Удивительное историческое чутье побудило Шекспира очень ярко изобразить то, что противниками короля и самого принца абсолютной монархии были носители отсталых понятий и представлений. Личное честолюбие, надменность, хвастовство, коварство — все это как нельзя точнее характеризует феодальных мятежников. Но есть среди них один, выделяющийся своими качествами, хотя и близкий им по многим чертам, — это Хотспер.

Он — само воплощение феодальной воинственности. Честь — его кумир. Но понимает он ее как типичный феодал. Она в том для него, чтобы утверждать свое превосходство силой. Хотспер — своеобразный поэт кулачного права, в этом отношении бесстрашный и по-своему безупречный. У него нет холодной расчетливости его отца, Нортемберленда, нет ни придворного интриганства, ни варварского коварства. Он прям, горяч и откровенен. Хотя и он сражается за весьма реальные интересы и феодальные права, в известном смысле его можно назвать самым бескорыстным и убежденным борцом за принципы феодального рыцарства. Он последний представитель рыцарственного героизма среди других феодалов, которые уже борются не только мечом, но и оружием политической хитрости. Их политиканству он противопоставляет рыцарскую мужественность, бесстрашие, готовность сражаться в самых неблагоприятных условиях. И есть нечто обаятельное в его горячем безрассудстве, когда, покинутый своими союзниками, он вступает в неравный бой, в котором и гибнет смертью героя. И тогда его победитель, принц Генрих, тот самый, который справедливо пародировал феодальную воинственность Хотспера (часть первая, II, 2), столь же искренне восхищается чистой мужественностью, бессмысленно растроченной воинственным Перси (V, 4)

Итак, два лагеря противостоят друг другу на авансцене истории: лагерь короля и лагерь мятежных баронов. Как богато и многообразно показан конфликт между ними через раскрытие живых образов людей, составляющих обе партии! Общий антагонизм между ними дополняется бесчисленными мелкими антагонизмами внутри каждого лагеря. Мы уже очертили разнообразие облика и нравственного склада мятежников. В королевском лагере главный антагонизм — между Генрихом IV и его сыном, принцем Генрихом. В том, что принц чуждается двора, якшается со всяким сбродом, Генрих IV видит не только своего рода кару свыше за свершенное им злодеяние, но и постоянный живой упрек себе. В отчуждении сына ему чудится осуждение принцем своего отца. Так воспринимает свои отношения с сыном король.

Для принца во всем этом иной смысл. Он живет в атмосфере, где интересы власти непрестанно душат человечность. Власть требует от своих носителей непреклонности, жестокости. Давая человеку в руки огромное могущество, она в то же время лишает его элементарных человеческих удовольствий — веселья, дружбы, возможности по желанию распоряжаться собой. Принц видит, что его отец, в сущности, не принадлежит себе. А молодому Генриху хочется быть самим собой, не втискивать свое тело и душу в корсет придворных условностей и обязанностей, связанных с королевским званием. По контрасту он выбирает себе общество людей, совершенно отвергнувших какие бы то ни было нравственные принципы и обязательства в жизни. С ними ему по крайней мере легко и весело, здесь, в таверне, он чувствует себя непринужденно, имея возможность в любой миг

сказать и грубую правду в лицо своим собутыльникам.

Если он бежал от двора и нашел прибежище в таверне, то это еще не значит, что он признал своим этот низменный мир. С самого начала мы слышим речь принца (1, 2), ясно свидетельствующую о том, что душой он не принадлежит и этому миру. Принц ищет такой принцип нравственности, который позволил бы сочетать полную духовную и практическую свободу с требованиями человечности. Он жаждет естественности. Поэтому начинает он с того, что опускается в среду, где царят простые, первобытные, физические инстинкты. Это лучше, чем подчинение искусственному ритуалу власти, стесняющему человечность, и лучше подчинения ложному принципу чести, заставляющему Хотспера утверждать свое достоинство бесконечными убийствами. Но ошибаются Фальстаф и его другие собутыльники, думая, будто принц безраздельно с ними. На самом деле они для него — только проявления природы в ее низшем естестве, и ему доставляет удовольствие потешаться над ними, особенно над Фальстафом, которого он одновременно любит и презирает. Любит за жизнерадостность и непосредственность, за веселый нрав и шутливость, презирает за то, что, свободный от морали, Фальстаф — раб своей плоти.

Яснее всего нравственная проблема, над решением которой бьется принц, раскрывается в троекратно повторенном мотиве отношения к чести. Для Хотспера честь — фетиш, принцип, которому он слепо подчиняет всю свою жизнедеятельность (монолог Хотспера о чести, I, 3). Для Фальстафа понятие чести — пустой звук (V, 1). Ригористическое следование принципу чести приобретает у Хотспера несколько аскетический оттенок. У Фальстафа, наоборот, отрицание чести доходит, до потворства самым низменным животным инстинктам.

Принц Генрих хочет сохранить верность «природе», но в нем живет и сознание своего личного и общественного долга: личного — перед отцом и общественного — перед государством. Когда наступает критический момент отцу грозит потерять корону, может быть, даже жизнь, а государству угрожает анархия, — принц бросает забавы, проникается сознанием своего долга и борется за честь семьи, государства, но — и это Шекспиром подчеркнуто — не за личную честь. Одержав победу над самым страшным и сильным противником, Хотспером, он даже не протестует, когда Фальстаф пытается приписать эту заслугу себе. Принцу Генриху не важно, узнают ли другие о его подвиге, для него существеннее сознание выполненного долга.

Но все это — поиски принцем своего морального кодекса как частного лица. В первой части хроники мы видим его на той стадии личного развития, когда он решает вопрос о своих жизненных нормах как индивид, один из многих в обществе и государстве. Принц Генрих отстаивает свое право жить так, как он хочет. В этом отношении он типичный человек начинающего утверждаться буржуазного миропорядка. Здесь принц выступает как носитель партикуляризма, сочетающего свободный выбор образа жизни с признанием элементарных обязанностей по отношению к государству, в котором он живет и которое должно обеспечить ему право на эту свободу.

Во второй части хроники положение принца становится иным. Здесь всячески подчеркивается близкая перспектива возведения его в королевский сан. Принц Генрих и сам все более осознает, что он не простое частное лицо, а наследник престола. В нем живет внутреннее сопротивление этому. Нагляднее всего это проявляется в оскорблении верховного судьи.

Если в первой части узловым нравственной проблемой была честь, то во второй — закон. Отношение индивида к закону раскрывается через образ Фальстафа прежде всего. Фальстаф презирает закон. Он любыми средствами будет пытаться обойти его, как он это делает, когда его привлекают к ответственности за неуплату долгов. Но, с другой стороны, Фальстаф не прочь и воспользоваться законом, если откроется такая возможность. Одним словом, он смотрит на закон с точки зрения личной выгоды. Он возлагает большие надежды на то, что сможет хорошо погреть руки, когда его приятель принц Генрих станет королем. Известие о возведении принца на престол разжигает самые безудержные мечты толстого

рыцаря, когда, держа в руках бразды закона, он сможет творить любые беззакония. На предупреждения принца по этому поводу Фальстаф не обращает внимания, а между тем Генрих с самого начала очень иронически отвечал на рассуждения Фальстафа о том, что они смогут сделать, когда Гарри станет королем.

Впрочем, и сам принц до поры до времени относится к закону и его представителям враждебно. Однако, в отличие от Фальстафа, принц никогда не смотрел на законность с точки зрения своей выгоды. Он соотносил ее только со своим стремлением к личной свободе. Именно утверждая свою независимость, он и дал затрещину верховному судье, за что тот посадил его в тюрьму.

И вот умирает Генрих IV. Глядя на его корону, принц размышляет о "золотом бремени", каким она является для ее обладателя. Но он готов принять его на себя, и теперь принц Генрих отлично сознает, что, став королем, он должен отречься от прежней свободы. Отныне у него будут только обязанности. Напрасно опасается умирающий Генрих VI, будто воцарение его сына приведет к разгулу беззакония. Принц будет еще вернее следовать закону, чем его отец.

Два эпизода завершают формирование личности Генриха V. Первый — встреча с верховным судьей. Теперь он может отплатить ему за то, что тот посадил его в тюрьму. Но принц признает правоту судьи. Тот действовал по закону, и его не остановило даже то, что нарушителем закона был сам наследный принц. То обстоятельство, что законность в государстве он ставит выше личностей, распространяя ее даже на особу короля и его наследника, делает верховного судью идеальным представителем законности. Новый король с уважением склоняется перед ним, прощая ему личную обиду.

Второе испытание принца, ставшего королем, — встреча с Фальстафом. Толстый рыцарь спешит на коронацию, как если бы короновали его самого. Во всяком случае, он убежден, что теперь начнется его царство. А Генрих V делает вид, что даже не узнал его. Для него теперь Фальстаф — это дурной сон его молодости. Старика он призывает остепениться и поручает надзор за ним верховному судье. Закон победил беззаконие, но, хотя нравственный принцип торжествует, мы ощущаем некое неразрешимое противоречие в чувствах. Конечно, с точки зрения высокой нравственности поведение новоиспеченного короля правильно. Но вместе с тем мы видим, что милый, обаятельный в своей безыскусственности принц преобразился, очерствел. Он утрачивает что-то от своей человечности. И, хотя Шекспир с логической последовательностью обрисовал нам путь принца Генриха, хотя с точки зрения морали такой конец является обоснованным, на самом деле проблема, поднятая самим Шекспиром, не получила и не могла получить действительного решения.

Со свойственной ему способностью резко обнажать противоречия действительности Шекспир остро поставил проблему «естественной» человечности и ее отношения к существующей государственности. Примирить их было нельзя, ибо природа того государства, которое Шекспиру хотелось увидеть как идеал, была такова, что она неизбежно вступала в противоречие с человечностью. В пределах личной жизни Шекспиру еще видится возможность некоего среднего пути, компромисса. В государстве этот компромисс оказывается невозможным. В "Генрихе V" Шекспир вернется к этой теме и даст ей то же самое решение. И неизбежность этого была не только в природе тогдашнего государства, но и в социальной природе человеческой личности, как она формировалась вместе с ростом буржуазных общественных отношений. Всякого рода индивидуализм — все равно, будь то хищнический, эгоистический, принципиальный или бездумный, жестокий или идеальный — оказывался в неразрешимом противоречии с принципом идеальной государственности, иллюзию которой питали гуманисты.

Рассматривая обе хроники "Генрих IV" под этим углом зрения, мы можем сказать, что Шекспир нарисовал не только картину конфликтов феодального общества. В том своеобразном сочетании прошлого с современным, которое присуще всей драматургии Шекспира, феодальное своеволие баронов ничем, в сущности, не отличается от буржуазного

индивидуализма. В этом смысле "Генрих IV" не только историческая драма, но и произведение глубоко современное для людей шекспировской эпохи. В конечном счете здесь та же проблематика, что и в великих трагедиях Шекспира, отразивших коренные противоречия эпохи Возрождения.

В "Генрихе IV" Шекспир, однако, еще старается удержаться на позициях гуманистического оптимизма. Вот почему для него все конфликты, изображенные в пьесе, являются все же отходящей в прошлое историей. Процесс ее развития, как думается Шекспиру, дает основания для веры в торжество лучших начал. Но, как мы показали, сам реализм Шекспира подтачивает этот оптимистический вывод, формально утвержденный в финале пьесы, но художественно опровергаемый обеднением личности того, кто искал этот идеал, — принца Генриха.

Широкое полотно исторической жизни, созданное Шекспиром, не представляет собой, таким образом, просто хроники событий и яркой обрисовки индивидуальных судеб. Все проникнуто у Шекспира глубокой идейностью. Нити ее тянутся, сплетаясь и перекрещиваясь, через все многообразное действие пьесы, и мы здесь наметили лишь основные мотивы, далеко не исчерпав всего богатства проблематики обширной шекспировской драмы.

Однако, как ни увлекательно следить за мыслью художника, его идейными поисками, отраженными в конфигурации персонажей, в их характеристиках, сила этой драмы прежде всего и больше всего в ее мощном реализме, в богатстве жизни и движения, в динамике конфликтов, резких контрастах, бурных столкновениях людей и классов.

Шекспир соединил в одном потоке и трагедию гибнущего феодального рыцарства, и драму несправедливой власти, и духовные искания героя (им мы считаем принца Генриха), и неподражаемую комедию нравов лондонского дна, историю и быт.

Большие исторические события уже самим своим драматизмом всегда в чем-то театральны. Эта театральность истории была почувствована уже молодым Шекспиром, когда он еще только начинал свой драматургический путь. Чем глубже проникала мысль великого художника в существо исторического процесса, тем яснее становилось для него, что за величественным фасадом истории кроется многое, чего нельзя упускать из виду. В "Генрихе IV" Шекспир полностью отказался от какой бы то ни было парадности в изображении истории. Театральная эффектность, на которую явно рассчитывают такие люди, как Хотспер, снимается иронией других, а сам исторический процесс в целом предстает в своей реалистической наготе благодаря обнаружению не идеальных, а действительных и вполне практических стремлений борющихся друг с другом людей.

Шекспир показал не только то, что творилось на авансцене истории, но и то, что происходило на ее задворках. Фальстафовские сцены, справедливо считающиеся главным украшением пьесы, являются самым ярким выражением шекспировского реализма. Недаром они затеяют все остальное, особенно во второй части, где читатель или зритель только и ждет, когда на сцене снова появится Фальстаф.

В "Генрихе IV" критика давно увидела смелейший пример сочетания возвышенного и комического. Надо при этом заметить: то, что формально следует считать возвышенным (рыцарские и придворные сцены), Шекспиром снижено до уровня, когда маски внешнего благородства падают с представителей знати, а комические сцены, изображающие "низменную среду", подняты на такую идейную и художественную высоту, что иные из "высоких комедий" кажутся мелкими и низменными по сравнению с огромным человеческим содержанием, вложенным Шекспиром в самый, казалось бы, грубый фарс — «фальстафиаду». Здесь с наибольшей силой выразил Шекспир дух Ренессанса, отразил противоречия старого и нового в своей эпохе, пока еще в том же оптимистическом духе, которым проникнута и «серьезная» часть хроники. Но это уже не составляет нашей темы, и мы отсылаем читателя к статье А. Смирнова о "Виндзорских насмешницах" и образе Фальстафа.

А. Аникст

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих IV
Генрих, принц Уэльский
сыновья короля.
Джон, принц Ланкастерский
Граф Уэстморленд.
Сэр Уолтер Блент.
Томас Перси, граф Вустер.
Генри Перси, граф Нортемберленд.
Генри Перси, по прозванию Хотспер, его сын.
Эдмунд Мортимер, граф Марч.
Ричард Скруп, архиепископ Йоркский.
Арчиболд, граф Дуглас.
Оуэн Глендаур.
Сэр Ричард Вернон.
Сэр Джон Фальстаф.
Сэр Майкл, друг архиепископа Йоркского.
Пойнс.
Пето.
Гедсхил.
Бардольф.
Франсис.
Леди Перси, жена Хотспера и сестра Мортимера.
Леди Мортимер, дочь Глендаура и жена Мортимера.
Миссис Куикли, хозяйка трактира в Истчипе.
Лорды, офицеры, шериф, трактирные слуги,
извозчики, путешественники, слуги.
Место действия — Англия в начале XV века.

АКТ I

СЦЕНА 1

Лондон. Дворец.
Входят король Генрих, принц Джон Ланкастерский,
граф Уэстморленд, сэр Уолтер Блент и другие.
Король Генрих
Пусть мы в тревоге, от забот больны,
Но все ж дадим затравленному миру
Передохнуть, чтоб снова кличем бранным
На берегах далеких разразиться.
Не будет обагрять земля родная
Уст жаждущих своих сыновней кровью;
Не будет бороздить полей война,
И впредь не будет вражий конь топтать
Цветы лугов; враждующие лорды
Одной природы, кровного родства,
Чьи взоры, словно молнии в бурном небе,

Еще недавно скрещивались грозно
В междоусобной яростной борьбе,
Теперь, сомкнувшись стройными рядами,
Пойдут одним путем и не восстанут
На родичей, и близких, и друзей.
Клинок войны не поразит владельца,
Как меч не ранит, вложенный в ножны.
Итак, ко гробу дальнему Христа.
Чьим воином себя мы нарекли,
Под чьим крестом сражаться дали клятву,
Мы англичан на подвиг поведем.
Призвал их в чреве матери господь
Изгнать неверных из полей священных,
Которых господа стопы касались,
Четырнадцать веков тому назад
Нас ради пригвожденные к кресту.
Уж скоро год, как принято решение,
И снова это обсуждать — излишне.
С другою целью мы теперь собрались.
Поведайте, кузен мой Уэстморленд,
Что наш Совет вчера постановил,
Чтоб сердцу дорогой поход ускорить.
Уэстморленд
Король, вопрос тот с жаром обсуждали,
И были многие статьи расходов
Вчера утверждены, когда примчался
Гонец из Уэльса с тяжкими вестями;
И худшая гласит, что Мортимер,
Который вел людей из Херфордшира
В бой с лютым, необузданным Глендауром,
Попался в руки грубые уэльца.
До тысячи солдат его убито,
И над телами мертвыми уэльки
Так мерзостно, так зверски надругались,
Что даже совестно вам рассказать.
Король Генрих
Я полагаю, весть об этой битве
Задержит наш поход в Святую землю.
Уэстморленд
Другое — в том же роде, государь.
Еще тревожнее, мрачнее вести
Пришли к нам с севера — и вот о чем.
В воздвижение юный Гарри Перси,
Что прозван Хотспером, и Арчиболд,
Прославленный и доблестный шотландец,
Сразились в Холмдоне.
Кровавый, горестный им выпал час,
Судя по грому ярой канонады
И по различным признакам другим.
Гонец в разгар жестокого сраженья,
Еще не зная об его исходе,
Вскочил в седло и ускакал стремглав.

Король Генрих
Здесь верный, ревностный и милый друг наш
Сэр Уолтер Блент, — он только что с копя,
И платье у него в пыли дорожной,
Из Холмдона он в Лондон прискакал
И радостные вести нам привез.
Разбит граф Дуглас; видел сам сэр Уолтер,
Как десять тысяч храбрецов шотландских
И двадцать знатных рыцарей лежали
На поле брани, истекая кровью.
Отважным Перси были взяты в плен
Мордек, граф Файфский, Дугласа наследник,
И графы Атол, Меррей, Ангус, Ментит.
Не правда ли, почетная добыча?
Трофеи славные? Ведь так, кузен?
Уэстморленд
Бесспорно,
И принц такой победой бы гордился.
Король Генрих
Ты огорчил меня и вводишь в грех.
Завидно мне, что лорд Нортемберленд
Отец такого доблестного сына,
Чье имя вечно на устах у Славы;
Он в нашей роще самый стройный ствол,
Фортуны он возлюбленный и гордость.
А я меж тем, хвале его внимая,
Взираю, как распутство и позор
Пятнают Гарри моего чело.
О, если б сказка обернулась былью,
И по ночам порхающая фея
Младенцев наших в люльках обменяла,
И мой бы звался Перси, а его
Плантагенет! Да, мне б такого сына!..
Но бог с ним! — Что вы скажете, кузен,
О дерзком поведенье Гарри Перси?
Всех пленников, захваченных в сраженье,
Он за собой оставил и готов
Мне передать лишь одного Мордека.
Уэстморленд
Тут наущенье дяди — это Вустер,
Заклятый недруг ваш; вот почему
Так хорохорится пред вами Перси
И дерзко поднял юный гребень свой.
Король Генрих
Но я уже призвал его к ответу.
Все это принуждает нас отсрочить
До времени поход в Святую землю.
Мы в будущую среду созовем
Совет в Виндзоре; известите лордов
И возвращайтесь поскорей, кузен.
Пусть наш остынет гнев, — тогда рассудим
И действовать начнем как надлежит.

Уэстморленд
Исполню, государь.
Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Дом принца Уэльского в Лондоне.

Входят принц Генрих Уэльский и Фальстаф.

Фальстаф

Скажи-ка, Хел, который теперь час, дружище?

Принц Генрих

У тебя, я вижу, до того ожирели мозги от старого хереса, от обжорства за ужином и от спанья на лавках после обеда, что тебе невдомек спросить о том, что тебя кровно касается. На кой черт тебе знать, который час? Вот если бы часы вдруг стали кружками хереса, минуты — каплунами, маятник — языком сводни, циферблат — вывеской непотребного дома, а само благодатное солнце пригожей горячей девкой в платье из огненной тафты, — тогда, я понимаю, тебе был бы смысл спрашивать, который час.

Фальстаф

Ну да, ты попал в точку, Хел! Ведь нам, охотникам за кошельками, потребна Луна да Большая Медведица, а совсем не Феб, этот "прекрасный странствующий рыцарь". И вот о чем я тебя попрошу, милый друг: когда ты станешь королем, — храни господь твою милость... виноват, я хотел сказать: твое величество, потому что милости божьей тебе вовек не видать.

Принц Генрих

Почему это не видать?

Фальстаф

Ей-богу, не видать, даже той, которая испрашивается перед трапезой.

Принц Генрих

Ну, а дальше что? Валяй! Напрямик! Напрямик!

Фальстаф

Так вот, милый друг, когда ты станешь королем, смотри не позволяй, чтобы нас, ночную гвардию, обзывали дневными грабителями. Пусть нас зовут лесничими Дианы, рыцарями мрака, любимцами Луны и пускай говорят, что у нас высокая покровительница, потому что нами управляет, как и морем, благородная и целомудренная владычица Луна, которая и потворствует нашим грабежам.

Принц Генрих

Здорово сказано и чертовски верно! Все мы — подданные Луны, потому и наше счастье то прибывает, то убывает, совсем как море, — ведь и оно управляется Луной. Вот тебе пример: золото, подхваченное одним махом в понедельник вечером, растрачено с размахом во вторник утром; захвачено с возгласом: "Отдавай!" — а истрачено с криком: "Подавай!" Иной раз, когда отлив, скатишься к подножию лестницы, а другой раз, когда прилив, взлетишь на вершину... виселицы.

Фальстаф

Твоя правда, дружок... А что, разве наша трактирщица, с которой я гуляю, не сладкая бабенка?

Принц Генрих

Как мед Гиблы, старый греховодник!.. А что, разве не сладко тебе будет прогуляться за решеткой в куртке из буйволово́й кожи?

Фальстаф

Что такое? Что ты там мелешь, дуралей? Это что еще за подвохи и подковырки? Какое мне, черт возьми, дело до буйволово́й куртки?

Принц Генрих

А мне, черт подери, какое дело до нашей трактирщицы?

Фальстаф

Да ведь ты же не раз требовал ее к себе, чтобы сводить с ней счеты.

Принц Генрих

А разве я когда-нибудь требовал с тебя твою долю?

Фальстаф

Нет, надо отдать тебе справедливость, здесь ты платил за все сам.

Принц Генрих

Ну да; так бывало здесь и всюду, пока у меня водились наличные, а уж когда я садился на мель, то пускал в ход свой кредит.

Фальстаф

Ну да, и пользовался им так широко, что всякий с полным правом мог назвать тебя полноправным наследником... Но скажи мне, милый друг, неужели, когда ты вступишь на престол, в Англии все еще будут красоваться виселицы? А этот старый шут закон неужели по-прежнему будет душить ржавыми цепями всякое проявление мужества? Смотри не вешай воров, когда станешь королем.

Принц Генрих

Нет, это будешь делать ты.

Фальстаф

Я? Вот замечательно! Ей-богу, из меня выйдет бравый судья!

Принц Генрих

Вот уж ты и неверно судишь, — я хочу сказать, что тебе будет поручено вешать воров, и из тебя выйдет замечательный палач.

Фальстаф

Ну что ж, Хел, уверяю тебя, мне это даже в некотором роде по душе, это не хуже, чем заседать в суде.

Принц Генрих

Здесь тоже есть чем поживиться, правда?

Фальстаф

Ну да, ведь палачу достается платье казненного, и всякий знает, что у него богатый гардероб... Черт подери, я тоскую, как старый кот или как медведь на привязи.

Принц Генрих

Или как дряхлый лев, или как лютня влюбленного.

Фальстаф

Ну да, или как ноющая линкольнширская волынка.

Принц Генрих

А что если я сравню тебя с зайцем или с мрачным Мурским рвом?

Фальстаф

Вечно у тебя на языке всякие ядовитые сравнения! Ей-богу, ты самый изобретательный, канальский, расчудесный принц на свете! Но прошу тебя, Хел, не искушай меня всякой суетой! Видит бог, хотел бы я раздобыть себе доброе имя, да не знаю, где продается такой товар. Один старый лорд из Совета на днях вздумал отчитывать меня на улице — а все из-за вас, сэр! Положим, я и бровью не повел, но все-таки он говорил как мудрец. Правда, я даже не оглянулся, а все-таки он говорил как сущий мудрец, и к тому же на улице.

Принц Генрих

Ты правильно поступил. Ведь сказано: "Премудрость вопиет на стогнах, и никто не внемлет ей".

Фальстаф

Ах, какая у тебя пагубная страсть к этим текстам! Ты, право же, способен совратить и святого. Ты причинил тяжкий вред моей душе, Хел, — да простит тебе бог! До знакомства с тобой я не был знаком с пороком, а теперь, по правде сказать, я здорово смахиваю на

распутника. Но я решил исправиться и непременно исправлюсь. Ей-богу, если я этого не сделаю, я буду сущим подлецом. Не желаю я губить свою душу из-за какого-то королевского сынка.

Принц Генрих

Где бы это нам завтра раздобыть денег, Джек?

Фальстаф

Черт возьми, где хочешь, дружище. Уж я-то раздобуду, а если нет, обзови меня подлецом и ругай на чем свет стоит.

Принц Генрих

Я вижу, что ты и впрямь вступил на путь истинный: от молитв да на охоту за кошельками.

Фальстаф

Что делать, Хел, это мое призвание, Хел, а для человека не грех следовать своему призванию.

Входит Пойнс.

А, Пойнс! Сейчас мы узнаем, наладил ли дело Гедсхил. О, если бы людям воздавалось по заслугам, то он наверняка угодил бы в самую пасть к сатане. Вот самый отъявленный из мерзавцев, что кричат честному человеку: "Стой!"

Принц Генрих

Здравствуй, Нед.

Пойнс

Здравствуй, любезный Хел. Ну, что говорит мсье Кающийся Грешник? Что говорит сэръ Джон Сладкий Херес? Ну, Джек, как вы поладили с чертом насчет твоей души? Ведь ты ее продал ему в страстную пятницу за кружку мадеры и ножку холодного каплуна.

Принц Генрих

Сэръ Джон верен своему слову — черт получит по договору сполна; ведь до сих пор сэръ Джон всегда поступал согласно народной мудрости и "отдавал черту его долю".

Пойнс

Значит, Джек, ты угодишь в ад за то, что сдержал слово, данное черту.

Принц Генрих

Или же он угодит в ад за то, что обманул черта.

Пойнс

Слушайте, братцы мои, завтра в четыре часа утра всем быть у Гедсхила; в Кентербери направляются паломники с богатыми дарами, а в Лондон едут купцы-толстосумы. Маски припасены у меня для всех, а лошади у вас свои. Гедсхил ночует нынче в Рочестере. Я заказал на завтрашний вечер ужин в Истчипе. Мы все это обделаем, как за каменной стеной. Если вы поедете со мной, я набью ваши кошельки кронами, а не желаете, так сидите себе дома, и чтоб вас всех повесили!

Фальстаф

Слушай ты, Эдуард, если я не поеду с вами и останусь дома, я повешу вас всех за то, что вы поехали.

Пойнс

Да неужели, мясная туша?

Фальстаф

Ты едешь с нами, Хел?

Принц Генрих

Как! Чтобы я стал грабить? Чтобы я стал разбойником? Да ни за что на свете!

Фальстаф

Нет в тебе ни на грош ни честности, ни мужества, ни товарищеских чувств, и вовсе ты не королевский сын, если не умеешь раздобыть и десятка шиллингов.

Принц Генрих

Ну ладно, быть мне раз в жизни сумасбродом!

Фальстаф

Здорово сказано!

Принц Генрих

Ну, будь что будет, а я остаюсь дома.

Фальстаф

Ей-ей, когда ты взойдешь на престол, я стану изменником.

Принц Генрих

А мне наплевать.

Пойнс

Сэр Джон, дай мне, пожалуйста, поговорить с принцем с глазу на глаз. Я ему приведу такие доводы в пользу нашей затеи, что он согласится.

Фальстаф

Хорошо. И да пошлет тебе господь дух вразумления, а ему — слух, открытый к поучениям, дабы сказанное тобой подвигло его, а услышанное им вызвало в нем доверие и настоящий принц ради помехи стал бы мнимым вором, ибо в наше скучное время надо же чем-нибудь позабавиться. Продайте. Мы встретимся в Истчипе.

Принц Генрих

Прощай, запоздалая весна! Прощай, бабье лето!

Фальстаф уходит.

Пойнс

Слушайте, мой милый, драгоценный принц, поедemте завтра с нами. Я придумал славную шутку, но одному мне ее не разыграть. Фальстаф, Бардольф, Гедсхил и Пето ограбят людей, которых мы уже выследили; ни вас, ни меня при этом не будет; но даю вам голову на отсечение, что, как только они захватят добычу, мы ограбим их самих.

Принц Генрих

А как нам удастся отстать от них по дороге?

Пойнс

Мы им назначим место встречи, а сами выедем либо раньше, либо позже их. От нас будет зависеть не приехать вовремя, и тогда они отважатся одни на этот подвиг. Но не успеют они его совершить, как мы нагрянем на них.

Принц Генрих

Да, но они сразу узнают нас по коням, по костюму и по другим приметам.

Пойнс

Полноте! наших коней они не увидят — я привяжу их в лесу; маски мы переменим, когда расстанемся с ними; и к тому же, дружище, у меня припасены на этот случай клеенчатые плащи: они прикроют наше платье, которое им хорошо знакомо.

Принц Генрих

Все так, но я боюсь, что нам с ними не сладить.

Пойнс

Чего там! Двое из них чистокровные трусы, у них пятки всегда смазаны салом, а что до третьего, то не носить мне больше оружия, если он будет драться хоть на минуту дольше, чем следует. Вот будет потеха: какой невообразимый вздор станет молоть этот жирный плут, когда мы встретимся за ужином, — как он сражался по меньшей мере с тридцатью противниками, какие выпады делал, какие удары наносил, каким опасностям подвергался; мы с вами уличим его во вранье — и в этом вся соль шутки.

Принц Генрих

Ладно, я поеду с тобой. Приготовь все необходимое и завтра вечером приходи за мной в Истчип, я буду там ужинать. Прощай.

Пойнс

Прощайте, милорд. (Уходит.)

Принц Генрих

Я знаю всех вас, но до срока стану

Потворствовать беспутному разгулу;
И в этом буду подражать я солнцу,
Которое зловещим, мрачным тучам
Свою красу дает скрывать от мира,
Чтоб встретили его с восторгом новым,
Когда захочет в славе воссиять,
Прорвав завесу безобразных туч,
Старавшихся затмить его напрасно.
Когда б весь год веселый праздник длился,
Скучней работы стали б развлеченья;
Но редки празднества — и в радость всем.
Лишь необычное бывает мило.
Так я, распутные повадки бросив
И уплатив неожиданно старый долг,
Все обману дурные ожидания,
Являя людям светлый образ свой;
И, как в породе темной яркий камень,
Мой новый лик, блеснув над тьмой греховной,
Величьем больше взоров привлечет,
Чем не усиленная фольгой доблесть.
Себе во благо обращаю я злое
И, всем на диво, искуплю былое.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лондон. Дворец.
Входят король Генрих, Нортемберленд, Вустер, Хотспер,
сэр Уолтер Блент и другие.
Король Генрих
Была чрезмерно кровь моя спокойной,
Холодной, не вскипала от обид,
И вы постигли нрав мой и попрали
Мое терпенье. Но предупреждаю:
Я буду впредь, как требует мой сан,
Суровым, грозным, вопреки природе.
Я был нежней елея, мягче пуха
И потому утратил уваженье,
Что гордый дух лишь к гордому питает.
Вустер
Мой государь, наш дом не заслужил
Таких угроз от королевской власти
Той самой власти, чье величье он
Своей рукою создал.
Нортемберленд
Государь...
Король Генрих
Уйди отсюда, Вустер. Вижу я
В твоих глазах вражду и непокорство.
О сэр, вы дерзки и высокомерны,
А государь не может потерпеть,
Чтоб хмурил брови перед ним вассал.

Покиньте ж нас; коль помощь и совет ваш
Потребуется, мы вас призовем.
Вустер уходит.
(Нортемберленду.)
Сказать вы что-то собирались?
Нортемберленд
Да,
Мой государь. На ваше приказанье
Вам выдать пленных, взятых Гарри Перси
Под Холмдоном, им не было дано,
Он говорит, столь резкого отказа,
Как это было передано вам.
Итак, во всем повинны кривотолки
Иль чья-то злая зависть, но не сын мой.
Хотспер
Я, государь, не отказал вам в пленных.
Но, помнится, по окончанье боя,
Когда, в крови, разгорячен резней,
Без сил, едва переводя дыханье,
Я, опершись на меч, стоял, — подходит
Какой-то лорд, опрятен, расфранчен,
Свеж, как жених; на ниву после жатвы
Был подбородок выбритый похож;
Как продавец духов, благоухал он;
Меж средним пальцем и большим держал
Он табакерку с порошком душистым
И то и дело подносил к ноздрям,
А нос чихал сердито всякий раз;
Болтал, смеялся франт; когда ж солдаты
Убитых проносили мимо, он
Мерзавцами, невежами бранил их
За то, что скверный, грязный труп тащили
Под носом его светлости при ветре.
Изысканно, по-дамски выражаясь,
Он стал расспрашивать меня и вдруг
Потребовал для вас, король, всех пленных.
А я, от ран запекшихся страдая,
Болтливым попугаем раздраженный,
Терпенье потеряв, в досаде крайней,
Небрежно отвечал не помню что:
Отдам иль не отдам; меня бесил
Его блестящий вид, и запах сладкий,
И то, что он, как фрейлина, болтал
О пушках, ранах, рвах — помилуй бог!
И уверял, что от ушибов тяжких
Божественное средство — спермацет;
И крайне жаль, твердил он, в самом деле,
Что из утробы благостной земли
Противную селитру извлекают,
Которой столько славных рослых малых
Погублено коварно, и, не будь
Проклятых пушек, он бы стал солдатом.

На дерзкую, пустую болтовню
Уклончиво ему ответил я,
И вас прошу — не придавайте веры
Доносу лживому, чтоб он не встал
Меж верностью моей и вашей властью.
Блент
При данной обстановке, государь,
Все, что тогда ответил Гарри Перси
В такое время и в подобном месте
Подобному лицу, — все, что сказал он,
Пускай умрет и не воскреснет вновь
Ему во вред; он взял слова обратно.
Король Генрих
Но все ж готов он пленников отдать
Лишь с оговоркою и при условии,
Чтоб выкуплен на средства наши был
Его безумный шури Мортимер.
Клянусь, умышленно тот предал на смерть
Своих людей, которых в бой повел
С Глендауром, этим колдуном проклятым.
Чью дочь недавно, говорили нам,
В супруги взял граф Марч. Ужели мы
Свою казну опустошим на выкуп
Предателя? Заплатим за измену?
И сделку с трусом заключим, спасая
Тех, кто сгубил и предал сам себя?
Нет, пусть в горах бесплодных голодает!
Мне никогда не будет другом тот,
Кто у меня на выкуп Мортимера
Крамольника — просить хоть пенни станет.
Хотспер
Крамольник Мортимер!..
Он, государь, от вас бы не отпал,
Когда бы не превратности войны.
Об этом говорят красноречиво
Уста зияющие ран кровавых,
Тех ран, что принял на берегах Северна,
Поросших тростником, когда грудь с грудью
Он в поединке бился добрый час
С Глендауром славным, в храбрости с ним споря.
Бой трижды прерывался, трижды пили
Противники из быстрых струй Северна,
Что, кровожадным взором их испуган,
Бежал средь камышей дрожащих, пряча
Взлохмаченную голову под берег,
Борцов горячей кровью обагранный.
Нет, низменная хитрость никогда
Не прикрывалась ранами такими,
И никогда достойный Мортимер
Себя бы не изранил так для виду.
Так не корите же его крамолой!
Король Генрих

Солгал ты, Перси, про него, солгал:
С Глендауром никогда он не сражался.
Я говорю тебе:
Скорее станет с дьяволом он биться,
Чем с Оуэном Глендауром в поединке.
Не стыдно ли тебе? Но слушай, впредь
Не смей мне говорить о Мортимере!
Пришли своих мне пленных поскорей,
Не то к таким крутым прибегну мерам,
Что рад не будешь! — Лорд Нортемберленд,
Вам разрешаю удалиться с сыном.
Скорее пленных шли — иль берегись!
Король Генрих, Блент и другие
приближенные короля уходят.
Хотспер
Когда б, рыча, стал требовать их черт,
Я не прислал бы их! Пойду к нему
И выскажусь. Все ж облегчу я сердце,
Хотя своей рискую головой.
Нортемберленд
Ты гневом пьян! Постой и обожди.
Вот дядя твой.
Возвращается Вустер.
Хотспер
Молчать о Мортимере?
Проклятье! Буду говорить о нем!
Пусть не видать мне рая, если я
Его не поддержу! Да, для него
Всю кровь из этих жил за каплей каплю
Пролью на пыль дорог, но подниму
Растоптанного в прахе Мортимера
На высоту, где блещет Болингброк,
Король неблагодарный и порочный!
Нортемберленд
Брат, королем взбешен племянник твой.
Вустер
Что без меня зажгло такой пожар?
Хотспер
Он, черт возьми, потребовал всех пленных!
Когда же я заговорил опять
Про выкуп шурина, он побледнел
И на меня метнул взор, полный гнева,
При имени его одним дрожа.
Вустер
Я не браню его: ведь Мортимера
Наследником признал покойный Ричард.
Нортемберленд
Признал, я был тому свидетель сам;
То было в день, когда король несчастный
(Господь нам да отпустит грех пред ним!)
В Ирландию с войсками отправлялся,
Откуда возвратился он внезапно,

Чтоб, трон утратив, пасть от рук убийц.
Вустер
В убийстве том винят нас и порочат
С тех пор широкие уста молвы.
Хотспер
Постойте! Говорите вы, что Ричард
Признал своим наследником законным
Эдмунда Мортимера?
Нортемберленд
Да, при мне.
Хотспер
Так не браню я короля, что смерти
Ему желает средь бесплодных гор.
Но вы-то, что корону возложили
На голову забывчивому пэру
И до сих пор из-за него несете
Клеймо зачинщиков убийства, — вы-то
Ужель терпеть согласны тьму проклятий.
Пособниками преступленья слыть
Иль низшими орудьями его
Веревкой, лестницей иль палачом?
Простите, что прибег к сравненьям грубым,
Изображая ваше положенье
И место при лукавом короле.
Ужели — о позор! — в дни наши скажут
Или потомки в хрониках прочтут,
Что два таких могучих, знатных лорда
Пошли на столь неправедный поступок
Низвергли Ричарда — прости, господь!
И, вырвав с корнем сладостную розу,
Терн, язву Болингброка посадили?
И скажут ли еще — о верх позора!
Что одурачил нас, отверг, прогнал
Тот, для кого позору мы подверглись?
Нет, время не ушло; еще возможно
Вам возвратить утраченную честь
И славу добрую восстановить.
Отметите за насмешки и презренье
Монарху гордому, что день и ночь
Мечтает лишь о том, чтоб заплатить вам
За ваши все дела кровавой смертью!
Итак, я говорю...
Вустер
Молчи, племянник.
Я книгу тайн раскрою пред тобой
В ответ на твой вполне понятный гнев
И строки важные тебе прочту
О дерзком предприятии, что исполнить
Опасней, чем по зыбкому копыю
Через поток ревущий перебраться.
Хотспер
А кто упал — прощай! — иди ко дну

Иль выплывай! Коль движется опасность
С востока к западу, наперерез
Честь устремится с севера на юг,
И пусть дерутся! О, на льва охота
Кровь горячит сильнее, чем травля зайца!
Нортемберленд
Одна лишь мысль о подвигах отважных
Его за грань терпенья унесла.
Хотспер
Клянусь душой, мне было б нипочем
До лика бледного Луны допрыгнуть,
Чтоб яркой чести там себе добыть,
Или нырнуть в морскую глубину,
Где лот не достигает дна, — и честь,
Утопленницу, вытащить за кудри;
И должен тот, кто спас ее из бездны,
Впредь нераздельно ею обладать.
Не потерплю соперников по чести!
Вустер
Он целым миром образов захвачен,
Но лишь не тем, что требует вниманья.
Племянник дорогой, дай мне сказать...
Хотспер
О, смилуйтесь!
Вустер
Шотландцев благородных,
Что взял ты в плен...
Хотспер
Оставлю за собой.
Клянусь, ему не дам ни одного.
Хотя б душа его без них погибла,
Не дам, клянусь рукой!
Вустер
Занесся ты,
Моих не хочешь слушать рассуждений.
Ты пленных сохрани...
Хотспер
Ну да! Еще бы!
Он выкупать не хочет Мортимера!
Я говорить не смей о Мортимере!
Но проберусь к нему в опочивальню
И крикну зычно в ухо: "Мортимер!"
Нет, больше!
Я терпеливо обучу скворца
Твердить одно лишь слово «Мортимер»
И Болингброку подарю его,
Чтоб вечно в короле будил он ярость.
Вустер
Племянник, дай сказать хоть слово!
Хотспер
От всех занятий отрекусь; одно лишь
Желанно мне — злить, жалить Болингброка!

И, если б я не знал, что принц Уэльский,
Буян и бражник, королю не мил
И тот несчастьем с сыном будет рад,
Я б дал ему отраву в кружке эля.
Вустер
Прощай, племянник; мы поговорим,
Когда ты будешь расположен слушать.
Нортемберленд
Ты что, осой ужален, сумасброд?
Потоком слов по-женски разразился,
Не внемлешь никому, лишь сам себе!
Хотспер
Мне кажется, меня бичами хлещут,
Бьют розгами, иль жжет меня крапива,
Кусают муравьи, лишь речь зайдет
О хитреце проклятом Болингброке.
В дни Ричарда, — как замок тот зовется?
Ах, чтоб ему! — еще он в Глостершире,
Им Йорк владел, его безмозглый дядя,
И там впервые я склонил колени
Пред королем улыбок Болингброком...
Проклятее!..
Когда из Ревенсперга прибыл он...
Нортемберленд
То замок Баркли.
Хотспер
Он самый!
Ах, сколько нежных, сахарных речей
Там расточал мне этот льстивый пес?
"Когда мое младенческое счастье
Войдут в года...", "Отважный Гарри Перси!",
"Любезный родич"... Черту он родня!
Прости, господь! — Мы слушаем вас, дядя.
Я все сказал.
Вустер
Нет, коль не все, — кончай.
Мы подождем.
Хотспер
Я все сказал, клянусь.
Вустер
Тогда вернемся вновь к шотландцам пленным.
Без выкупа их передай немедля,
А сам чрез сына Дугласа собирай
В Шотландии войска. Я полагаю
На основании различных данных,
Которые в письме вам изложу,
Что без труда добьемся мы успеха.
(Нортемберленду.)
А вы, пока займется этим Перси,
В доверие, милорд, старайтесь вкрасться
К прелату славному, что всеми чтим:
Архиепископ он...

Хотспер
Йоркский? Не так ли?
Вустер
Да
На государя злобу он питает:
Ведь брат его, лорд Скруп, казнен в Бристоле.
Все, что сказал я, не предположенья
И не догадки личные мои,
Нет, взвешено, рассчитано все это
И решено. Теперь предлог лишь нужен,
Чтоб в исполнение привести мой план.
Хотспер
Я чую: будет толк, клянусь в том жизнью.
Нортемберленд
Не поднят зверь, а ты спускаешь свору.
Хотспер
Что ж, сразу видно: замысел прекрасен.
А к Мортимеру ведь примкнут шотландцы
И йоркские войска? Да?
Вустер
Без сомненья.
Хотспер
Придумано, ей-богу, превосходно.
Вустер
У нас причин немало торопиться.
Снесем главу, чтоб головы сберечь.
Ведь, как бы скромно ни держались мы,
Он не забудет, что у нас в долгу:
Подозревать в нас будет недовольство,
Пока предлог не встретит для расплаты.
И, посмотрите, он уж начинает
Взор недовольный отвращать от нас.
Хотспер
Ну да! Ну да! Отмстим ему за все!
Вустер
Прощай, племянник. Действуй в тех пределах,
Что в письмах вам подробно укажу.
Когда приспееет срок — что будет вскоре,
Примкну к Глендауру я и к Мортимеру.
Устрою так, чтоб там собрались сразу
И вы, и Дуглас, и все наши силы.
И счастье крепко в руки заберем,
Которое сейчас мы еле держим.
Нортемберленд
Прощайте, брат. Надеюсь на успех.
Хотспер
Прощайте! О, скорей бы день кровавый,
Когда в огне мечом стяжаем славу!
Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Рочестер. Двор гостиницы.

Входит первый извозчик с фонарем в руке.

Первый извозчик

Эй! Пусть меня вздернут, если сейчас не четыре часа утра. Большая Медведица стоит как раз над новой трубой, а моя лошадь еще не навьючена. Эй, конюх!

Конюх

(за сценой)

Сейчас, сейчас!

Первый извозчик

Прошу тебя. Том, выколоти седло у Корноухого да подложи ему малость войлоку под луку: бедная скотина страсть как натерла себе загривок.

Входит второй извозчик.

Второй извозчик

Горох и бобы здесь до черта сырые, а от этого, известное дело, у бедной скотины заводятся черви в брюхе. В этом доме все пошло вверх дном с той поры, как помер конюх Робин.

Первый извозчик

Бедняга! Как вздорюжил овес, ему и свет стал не мил; это и свело его в могилу.

Второй извозчик

Думается мне, на всей лондонской дороге нет хуже этого дома по части блох. Я стал весь пестрый, совсем как рябчик.

Первый извозчик

Как рябчик! Истинный бог, ни одного христианского короля еще не кусали так здорово, как нынче меня после первых петухов.

Второй извозчик

Ну да, от них не допросишься посуды; пруди себе прямо в камин, а от этого, известно, разводятся блохи, прямо как мальки.

Первый извозчик

Эй, конюх! Иди сюда живей! Чтоб тебя вздернули! Да иди же!

Второй извозчик

Мне надобно доставить в Черинг-Кросс окорок ветчины да два тюка имбиря.

Первый извозчик

Господи боже мой! Индюшки-то у меня в корзине совсем подышают с голоду. — Эй, конюх! Чума на тебя! Есть у тебя глаза ко лбу? Или ты оглох? Будь я подлецом, если проломить тебе башку не такое же благое дело, как выпивка! Иди сюда! Чтоб тебя вздернули! Совести в тебе нету!

Входит Гедсхил.

Гедсхил

С добрым утром, молодцы. Который час?

Первый извозчик

Думается мне, два часа-то уж будет.

Гедсхил

Одолжи мне, пожалуйста, фонарь, — мне надо проведать и конюшне своего мерина.

Первый извозчик

Нет уж, дудки! Знаю я штуки почище твоих, ей-богу!

Гедсхил

Ну так ты одолжи мне, прошу тебя.

Второй извозчик

Одолжить-то я одолжу, но когда? А ну, угадай! Одолжить, говоришь ты? Черт побери,

сначала я посмотрю, как тебя повесят.

Гедсхил

Скажите-ка, молодцы, к которому часу думаете вы добраться до Лондона?

Второй извозчик

Да в таком часу, что в пору будет ложиться спать при свечах, верно тебе говорю. — Идем, сосед Мегс, пора будить господ. Они желают ехать с попутчиками, потому как у них уйма поклажи.

Извозчики уходят.

Гедсхил

Эй, слуга!

Трактирный слуга

(за сценой)

Мигом, как говорит грабитель.

Гедсхил

Это все равно что сказать: "Мигом, как говорит трактирный слуга". Ведь ты отличаешься от вора, как зачинщик от исполнителя: тебе принадлежит честь замысла.

Входит трактирный слуга.

Трактирный слуга

С добрым утром, мистер Гедсхил. Дело обстоит именно так, как я докладывал вам вчера вечером. У нас остановился один землевладелец из Кентских лесов; он везет с собой триста марок золотом; вчера за ужином он при мне рассказывал об этом своему спутнику. А тот смахивает на аудитора; у него тоже пропасть поклажи, не знаю уж, что там у него. Они уже встали и велели подать себе завтрак; скоро тронутся в путь.

Гедсхил

Даю голову на отсечение, что они повстречаются с молодцами святого Николая.

Трактирный слуга

Очень мне нужна твоя башка, — лучше побереги ее для палача. Ведь мне доподлинно известно, что ты не за страх, а за совесть чтишь святого Николая.

Гедсхил

Что ты мне там толкуешь про палача? Уж если мне суждено быть повешенным, то будет болтаться жирная пара висельников, потому что вместе со мной вздернут и старого сэра Джона, а уж он-то далеко не скелет. Брось! Среди нас есть такие троянцы, какие тебе и во сне не снились: ради забавы они готовы оказать честь нашему ремеслу, а ежели дело выведут на чистую воду, они, спасая свое доброе имя, мигом все уладят. Я вожу компанию не с какими-нибудь бездомными бродягами, не с какими-нибудь громилами, что готовы тебя пристукнуть дубинкой из-за шести пенсов, не с какими-нибудь краснорожими усатыми пьянчугами, а с господами знатными и весьма приятными, с бургомистрами и богачами, которые умеют за себя постоять, которые охотнее ударят, чем откроют рот, охотнее говорят, чем пьют, и охотней пьют, чем молятся. Но нет, черт возьми, я соврал: они то и дело молятся своей святой покровительнице — государственной казне, или, вернее, они не умоляют ее, а умаляют, потому что стригут ее день и ночь и сделали из нее себе сапоги.

Трактирный слуга

Как! Из казны — сапоги? А они не промокнут в непогоду на дурной дороге?

Гедсхил

Ничего-ничего, благодаря правосудию они выйдут сухими из воды. Мы грабим как за каменной стеной, в полной безопасности. Мы раздобыли папоротниковый цвет и теперь ходим невидимками.

Трактирный слуга

Ну, положим, вас делает невидимками ночная темнота, а не папоротник.

Гедсхил

Итак, по рукам! Ты получишь свою долю добычи. Слово честного человека!

Трактирный слуга

Нет, уж лучше дай мне слово прожженного вора.

Гедсхил

Да ну тебя! Слово homo подходит для каждого человека. Вели конюху вывести моего мерина из конюшни. Прощай, паршивый черт!

Уходят.

СЦЕНА 2

Большая дорога близ Гедсхила.

Входят принц Генрих и Пойнс.

Пойнс

Скорей-скорей, прячьтесь! Я увел коня у Фальстафа, и теперь он коробится от ярости, как накрахмаленный бархат.

Принц Генрих

Отойдем в сторонку.

Входит Фальстаф.

Фальстаф

Пойнс! Пойнс! Чтоб тебя вздернули! Пойнс!

Принц Генрих

Тише ты, толстобрюхий болван! Будет тебе горланить!

Фальстаф

Где же Пойнс, Хел?

Принц Генрих

Он вздумал взобраться на вершину холма. Пойду его поищу. (Делает вид, что ищет Пойнса.)

Фальстаф

Что за проклятье — грабить вместе с этим жуликом! Мерзавец увел моего коня и привязал его черт знает где. Стоит мне пройти пешком еще четыре шага — и я задохнусь! А между тем я крепко надеюсь умереть как честный человек, если только меня не повесят за то, что я укукошу этого негодяя. Вот уже двадцать два года, как я каждый день и каждый час даю клятву, что брошу с ним водиться, по меня словно черт веревочкой связал с этим подлецом. Пусть меня повесят, если этот злодей не опоил меня приворотным зельем! Да, так оно и есть, хлебнул-таки я зелья. Пойнс! Хел! Чума на вас! Бардольф! Пето! Пусть я с голоду подохну, если сделаю еще хоть один шаг вперед! Пусть я буду последним из проходимцев, что даром жуют хлеб, если бросить этих жуликов и стать порядочным человеком не такое же благое дело, как выпивка! Для меня пройти пешком восемь ярдов по неровной почве — все равно что для другого прошагать добрых семьдесят миль, и эти бессердечные негодяи отлично это знают. Последнее дело, если воры обманывают друг друга!

Слышен свист.

Фью! Чума на всех вас! Отдайте мне коня, мошенники вы этикие! Отдайте мне коня! И чтоб вас всех повесили!

Принц Генрих

Тише ты, пузан! Ложись ничком, припади ухом к земле и прислушайся — не едут ли путники?

Фальстаф

А у вас есть рычаги, чтобы снова поднять меня на ноги? Черт подери! За все деньги, какие есть в казне твоего отца, не потащусь другой раз пешком в этукую даль! Какого черта вы надо мной так измываетесь? Я совсем опешил.

Принц Генрих

Врешь: не опешил, а спешился.

Фальстаф

Прошу тебя, дорогой мой принц Хел, помоги мне отыскать коня, добрейший

королевский сын.

Принц Генрих

Провались ты, негодяй! Что я тебе — конюх?

Фальстаф

Ступай повесься на своей королевской подвязке! Уж если только я попадусь, я оговорю вас всех! Отравиться мне хересом, если про вас не сложат куплеты и не станут их распевать на самые гнусные мотивы! Терпеть не могу, когда шутка заходит так далеко, да вдобавок пешком.

Входят Гедсхил, Бардольф и Пето.

Гедсхил

Стой!

Фальстаф

Волей-неволей приходится мне стоять.

Пойнс

О, это наш лягавый; узнаю его по лаю. — Ну, Бардольф, что нового?

Бардольф

Прячьте лица! Прячьте лица! Надевайте маски! Королевские монеты спускаются с холма, они катятся в королевскую казну.

Фальстаф

Врешь ты, бездельник: они катятся в королевский кабак.

Гедсхил

Их достаточно, чтобы всех нас озолотить.

Фальстаф

Чтобы всем нам угодить на виселицу.

Принц Генрих

Ну, господа, вы вчетвером нападете на них на узкой тропинке, а мы с Недом Пойнсом засядем пониже; если они ускользнут от вас, то попадут к нам в руки.

Пето

Сколько их там?

Гедсхил

Человек восемь или девять.

Фальстаф

Черт побери, а они нас не ограбят?

Принц Генрих

Да ты никак струсил, сэр Джон Брюхач?

Фальстаф

Конечно, мне далеко до худобы и храбрости твоего деда сэра Джона Ганта, но я все-таки не трус, Хел.

Принц Генрих

Ладно, мы тебя испытаем.

Пойнс

Слушай, Джек, твой конь стоит вон за той изгородью; если он тебе понадобится, можешь его там найти. Прощай. Будь молодцом.

Фальстаф

Так бы его и пристукнул, разрази его гром!

Принц Генрих

Нед, где наши плащи?

Пойнс

Здесь, под рукой. Спрячемся.

Принц Генрих и Пойнс уходят.

Фальстаф

Ну, господа, каждый лови счастье за хвост! Все по местам!

Входят путешественники.
Первый путешественник
Идем, сосед. Мальчик сведет наших лошадей с горы. Пройдемся-ка немного пешком, поразомнем ноги.

Грабители

Стой!

Путешественники

Господи помилуй!

Фальстаф

Бей! Вали их! Режь глотку поганцам! Ах вы, ублюдки окаянные! Обжоры проклятые! Молодежь тоже хочет жить! Вали их! Обдирай их!

Путешественники

Ах, мы теперь разорены — и мы и наши семьи!

Фальстаф

Вздернуть вас, толстопузых мерзавцев! Это вы-то разорены? Нет, жирные скряги! Жаль, что все ваше добро не при вас. Ну, пошли, боровы, пошли! Ах вы, мерзавцы! Молодежь тоже хочет жить! Вы, чего доброго, еще присяжные судьи? Ну, так мы вас рассудим, ей-богу.

Фальстаф и другие уходят, увозя с собой путешественников.

Входят принц Генрих и Пойнс, переодетые.

Принц Генрих

Воры связали честных людей. Если мы с тобой теперь ограбим воров и с легким сердцем вернемся в Лондон, разговоров об этом хватит на неделю, смеху — на добрый месяц, а славных шуток — на целый век.

Пойнс

Прячьтесь! Слышите, идут!

Входят грабители.

Фальстаф

Ну, давайте, друзья, разделим добычу, и до света — на коней! Если принц и Пойнс не самые отъявленные трусы, то нет справедливости на земле! Этот Пойнс не храбрее дикой утки.

В то время как грабители делят добычу, принц Генрих и Пойнс нападают на них.

Принц Генрих

Отдавайте деньги.

Пойнс

Мерзавцы!

После двух-трех ударов Фальстаф и прочие убегают, бросив добычу.

Принц Генрих

Досталось без труда! Ну, на коней!

Бежали воры все — так ошалели

От страха, что не смеют подойти

Один к другому; каждый принимает

Товарища за стражу. — Едем, Нед!

Фальстаф, как в смертный час, исходит потом

И удобряет землю по пути.

Не будь он так смешон, он был бы жалок.

Пойнс

Как плут орал!

Уходят.

СЦЕНА 3

Замок Уоркуорт.

Входит Хотспер, читая письмо.

Хотспер

"Что касается меня, милорд, то мне бы весьма хотелось быть сейчас с вами, ибо вам известна моя любовь к вашему дому...". Ему бы весьма хотелось, — так почему же его здесь нет? Мне известна его любовь к нашему дому. Он показывает этим, что любит свой сарай куда больше нашего дома. Посмотрим, что дальше. "Задуманное вами предприятие опасно...". Что ж, это верно, все на свете опасно: например, простудиться, спать и даже пить. А я вам говорю, господин глупец, в зарослях крапивы опасностей мы сорвем цветок безопасность. "Задуманное вами предприятие опасно, упомянутые вами друзья ненадежны, время неблагоприятно, и весь ваш план чересчур легковесен, чтобы преодолеть столь сильное сопротивление...". Вот как! А я вам скажу на это, что вы пустоголовый трус, негодяй и к тому же лгун! Что за безмозглая башка! Клянусь богом, наш план не хуже всякого другого, наши друзья преданны и надежны! Хороший план, хорошие друзья и весьма надежные. Отличный план, превосходные друзья! Что за бездушный подлец! Ведь сам архиепископ Йоркский одобряет наш план и весь предполагаемый ход действий. Черт побери! Попадись мне сейчас на глаза этот мерзавец, я раскроил бы ему череп веером его жены! Разве мой отец, мой дядя и я сам не участвуем в этом деле? А лорд Эдмунд Мортимер, архиепископ Йоркский и Оуэн Глендаур? Да к тому же и Дуглас? Разве они не обещали мне в письмах присоединиться ко мне с войсками девятого числа будущего месяца? И разве некоторые из них уже не выступили в поход? Что за гнусный нечестивец! Сущий язычник! Пожалуй, еще, при своей чистосердечной трусости и малодушии, он отправится теперь к королю и откроет ему весь наш замысел. О, я готов лопнуть от злости и надавать себе затрещин за то, что привлек эту простоквашу к такому почетному делу! Ну, да черт с ним! Пускай себе докладывает королю, у нас уже все готово. Я еду сегодня ночью.

Входит леди Перси.

Как дела, Кет? Через два часа я расстанусь с тобой.

Леди Перси

О мой супруг, скажи мне, почему

Ты в одиночестве проводишь дни?

В чем провинилась, что уж две недели,

Как изгнана я с ложа твоего?

Скажи, что похищает у тебя

Сон золотой, и аппетит, и радость?

Зачем твой взор склонен к земле и часто

Ты вздрагиваешь, сидя одиноко?

И почему утратил ты румянец

И, прав законных на тебя лишив

Свою жену, их отдал мрачным думам,

Проклятой грусти? Близ тебя не раз

Я сторожила твой тревожный сон

И слышала, как ты о войнах бредил,

Как горячил словами скакуна,

Кричал: "Смелее! В бой!" — и говорил

О вылазках, траншеях, схватках, рвах,

О брустверах, палатках, частоколах,

О василисках, пушках, кулевринах,

О пленниках, о тех, кто пал в бою,

О всех превратностях горячей битвы.

Сраженьями твой дух был так захвачен

И до того ты был взволнован снами,
Что бисер пота выступал на лбу,
Как пузыри на бешеном потоке,
И странно у тебя лицо менялось,
Как у того, кто переводит дух
При быстром беге. Что все это значит?
Тяжелой ты заботой угнетен.
Скажи мне все, — иль ты меня не любишь.
Хотспер
Эй, там!
Входит слуга.
Отправился с пакетом Джильямс?
Слуга
Да, с час назад, милорд.
Хотспер
Коней привел ли Бетлер от шерифа?
Слуга
Да, только что; лишь одного, милорд.
Хотспер
Какого? Корноухого? Гнедого?
Слуга
Так точно.
Хотспер
Конь гнедой мне дан судьбой!
Я поскачу на нем! О Esperance!
Скажи, чтоб Бетлер в парк его привел.
Слуга уходит.
Леди Перси
О выслушай меня, супруг!
Хотспер
Что скажешь мне, супруга?
Леди Перси
Отсюда что тебя уносит?
Хотспер
Мой конь, любимая, мой конь.
Леди Перси
Ах, вздорная мартышка!
У ласочки причуд, наверно, меньше,
Чем у тебя. Но, право, я должна
Узнать, в чем дело, Гарри, и узнаю!
Боюсь, что брат мой Мортимер решил
Бороться за свои права и просит
Тебя помочь ему. Коль ты пойдешь...
Хотспер
Пешком? В такую даль? Да я устану!
Леди Перси
Ну полно, полно, милый попугай!
Мне толком отвечай на мой вопрос.
Клянусь, тебе переломлю мизинец,
Когда всей правды не откроешь мне!
Хотспер
Прочь, баловница, прочь!

Любовь? Она сейчас совсем некстати.
Не до тебя мне, Кет; теперь не время
Ни играм в куклы, ни турнирам губ.
Голов пробитых, сломанных носов
Давай побольше! Вот что любо нам!
Скорее мне коня! — Что скажешь, Кет?
Чего еще ты хочешь от меня?

Леди Перси

Так ты меня не любишь? В самом деле?
Что ж, не люби! Раз ты меня не любишь,
Я разлюблю себя. Не любишь больше?
Нет, в шутку ты сказал или всерьез?

Хотспер

Ну, хочешь посмотреть, как я помчусь?
Вскочив в седло, готов тебе дать клятву
В любви безумной. Но послушай, Кет,
Не приставай с расспросами ко мне
Куда собрался я и почему.
Спешу, куда мне долг велит; короче:
С тобой расстанусь нынче, друг мой Кет.
Я знаю, ты умна, но не умней
Супруги Перси; духом ты тверда,
Но все ж ты женщина; молчать умеешь,
Как ни одна из вас, и я уверен,
Не скажешь ты того, чего не знаешь.
Настолько, Кет, тебе я доверяю.

Леди Перси

Как! Лишь настолько?

Хотспер

Ни на полдюйма больше! Но послушай:
Твой путь лежит туда ж, куда и мой.
Ты едешь завтра, — будешь вновь со мной.
Довольна ты теперь?

Леди Перси

Да, поневоле.

Уходят.

СЦЕНА 4

Трактир "Кабанья голова" в Истчипе.

Входят принц Генрих и Пойнс.

Принц Генрих

Нед, выйди, пожалуйста, из этой засаленной комнаты и помоги мне немного позабавиться.

Пойнс

Где ты был, Хел?

Принц Генрих

Сидел в компании трех-четырех дубовых голов среди трех-четырех десятков дубовых бочек. Я коснулся самой низкой струны самоуничтожения. Да, милый мой, я побратался с целой сворой трактирных слуг и теперь зову их всех по именам: Том, Дик, Франсис. Они клянутся спасением души, что хотя я пока всего лишь принц Уэльский, но по своей обходительности я сущий король, и заявляют мне напрямик, что я не какой-нибудь спесивый

дурень вроде Фальстафа, а настоящий коринфянин, весельчак и добрый малый, и говорят, что, когда я стану королем, все молодцы Истчипа будут стоять за меня горой. Напиться у них называется «подрумьяниться», и, если ты переведешь дыхание, не допив кружки, они кричат: "Валяй!" — и заставляют тебя выпить залпом. Одним словом, в какие-нибудь четверть часа я так наострился, что теперь всю жизнь смогу пьянствовать с любым медником, беседуя с ним на его языке. Уверяю тебя, Нед, ты много потерял, что не участвовал со мной в этом почтенном занятии. Но, милый Нед, чтобы подсластить твое и без того сладостное имя, вот тебе на целый пенни сахару: мне его только что сунул в руку мальчишка-прислужник, который во всю свою жизнь не сказал по-английски ни слова, кроме "Восемь шиллингов шесть пенсов", или "Добро пожаловать" — и тут же пронзительный выкрик "Сейчас, сейчас, сэр!", или "Пинту муската в комнату Полумесяца", и тому подобное. Так вот, Нед, чтобы убить время до прихода Фальстафа, походи, пожалуйста, в соседнюю комнату; я буду расспрашивать юнца-слугу, почему он дал мне сахару, а ты поминутно зови: "Франсис!" — так, чтобы он ничего не мог мне ответить, кроме: "Сейчас!" Ступай туда, и я тебе покажу, как это делать.

Пойнс уходит.

Пойнс

(за сценой)

Франсис!

Принц Генрих

Отлично.

Пойнс

(за сценой)

Франсис!

Входит Франсис.

Франсис

Сейчас, сейчас, сэр! — Загляни-ка в Гранатовую комнату, Ральф.

Принц Генрих

Поди-ка сюда, Франсис.

Франсис

Что прикажете, милорд?

Принц Генрих

Сколько тебе еще осталось служить, Франсис?

Франсис

Ей-богу, еще пять лет, столько же, сколько...

Пойнс

(за сценой)

Франсис!

Франсис

Сейчас, сейчас, сэр!

Принц Генрих

Пять лет! Клянусь святой девой, еще немало времени тебе греметь оловянной посудой. Но скажи-ка мне, Франсис, хватит ли у тебя храбрости разыграть труса перед твоим контрактом — показать ему спину и удрать?

Франсис

О господи, сэр! Готов поклясться на всех библиях, какие есть в Англии, что у меня хватит духу.

Пойнс

(за сценой)

Франсис!

Франсис

Сейчас, сэр!

Принц Генрих
Сколько тебе лет, Франсис?

Франсис
Дай бог памяти... В Михайлов день мне стукнет...

Пойнс
(за сценой)

Франсис!
Франсис
Сейчас, сэр! — Попрошу вас, милорд, обождать минутку.

Принц Генрих
Но послушай, Франсис, кусок сахара, что ты мне дал, стоит пенни, так ведь?

Франсис
О господи! Да хоть бы он стоил целых два пенни!

Принц Генрих
Я тебе дам за него тысячу фунтов; спроси у меня когда угодно, и ты их получишь.

Пойнс
(за сценой)

Франсис!
Франсис
Сейчас, сейчас!

Принц Генрих
Сейчас, Франсис? Нет, Франсис. Но завтра, Франсис. или, Франсис, в четверг, одним словом когда угодно, Франсис. Только, Франсис...

Франсис
Что прикажете, милорд?

Принц Генрих
Согласен ты обокрасть вон того — в кожаной куртке со стеклянными пуговицами, гладко обстриженного, с агатовым перстнем на пальце, в серых чулках с подвязками из шерстяных лент, с медовой речью и с испанской мошной?

Франсис
О господи, милорд, о ком вы это говорите?

Принц Генрих
Ну, я вижу, ты только на то и годен, чтобы разносить черный мускат. Но так и знай, Франсис, твоя белая холщовая куртка когда-нибудь да замарается. В Берберии, сэр, это так скоро не делается.

Франсис
Что, сэр?

Пойнс
(за сценой)

Франсис!
Принц Генрих
Пошел, дурень! Разве не слышишь, что тебя зовут?

Принц Генрих и Пойнс начинают одновременно звать Франсиса; тот стоит растерянный, не зная, куда ему идти.

Входит буфетчик.

Буфетчик
Ну чего стоишь как вкопанный? Или не слышишь, что тебя зовут? Загляни-ка к гостям в ту комнату.

Франсис уходит.

Милорд, этот старикашка сэр Джон с полдюжиной молодцов стучится у дверей. Впустить мне их?

Принц Генрих

Пускай подождут немного, потом отворишь.

Буфетчик уходит.

Пойнс!

Входит Пойнс.

Пойнс

Сейчас, сейчас, сэ.

Принц Генрих

Слушай, Фальстаф и остальные воры ждут у дверей. Ну и повеселимся же мы!

Пойнс

Мы будем беззаботны, как сверчки, дружище. Ну и ловко же вы одурачили мальчишку-слугу! Чем же это кончилось?

Принц Генрих

Я сейчас готов на все шуточки в мире, какие только проделывались со стародавних времен нашего прадеда Адама до нынешнего новорожденного полуночного часа.

Входит Франсис.

Который час, Франсис?

Франсис

Сейчас, сейчас, сэ!

(Уходит.)

Принц Генрих

Подумать только, у этого малого запас слов меньше, чем у попугая, и все-таки он рожден женщиной. Все его дело — бегать вверх и вниз по лестнице, а все его красноречие — подавать счета. И все-таки мне далеко до шутовства Перси, Горячей Шпоры Севера. Укокошив этак шесть-семь дюжин шотландцев перед завтраком и вымыв руки, он говорит жене: "К черту эту мирную жизнь! Скучно без дела!" — "О мой милый Гарри, — спрашивает она, — сколько человек ты убил сегодня?" — "Напоить моего Чалого!" — говорит он и через час отвечает жене: "Человек четырнадцать, сущие пустяки". — Позови, пожалуйста, Фальстафа. Я буду изображать Перси, а этот проклятый боров — леди Мортимер, его жену. "Rivo!" — как говорят пьяницы. Позови этот кусок сала, этот окорок.

Входят Фальстаф, Гедсхил, Бардольф и Пето, за ними

Франсис с бутылками вина.

Пойнс

Добро пожаловать, Джек. Где это ты обретался?

Фальстаф

Чума на всех трусов, говорю я, разрази их гром! Аминь, аминь! — Подай мне кружку хереса, малый. — Лучше уж мне вязать носки, штопать их и надставлять пятки, чем вести такую собачью жизнь! Чума на всех трусов! Подай мне кружку хереса, негодяй! — Или нет больше добродетели на земле! (Пьет.)

Принц Генрих

Видел ли ты, как Титан лобзает тарелку с маслом ("сей благостный Титан!"), и оно тает от ласковых речей солнца? Если не видел, то взгляни на этот брусок масла.

Фальстаф

Ах ты, плут! В херес опять подмешана известь. Чего и ожидать от подлеца, как не плутовства? Но все-таки трус похуже кружки хереса с известью. Гнусный трус! Ступай своей дорогой, старый Джек! Лучше уж тебе умереть. Пусть меня назовут выпотрошенной селедкой, если мужество, благородное мужество не исчезло с лица земли. В Англии осталось только трое порядочных людей, не угодивших на виселицу, да и то один из них ожирел и начинает стареть. Помогите им бог! Мерзок этот мир, говорю я. Хотел бы я быть ткачом — распевал бы себе псалмы и тому подобное. Повторяю, чума на всех трусов!

Принц Генрих

Ну что, тюк с шерстью? Что ты там бормочешь?

Фальстаф

И это — королевский сын! Пусть у меня больше не растут волосы на лице, если я не вышибу тебя из твоего королевства деревянным мечом и не погоню перед тобой всех твоих подданных, как стадо диких гусей! И это принц Уэльский!

Принц Генрих

Ну говори, пузатый ублюдок, в чем дело?

Фальстаф

Разве ты не трус? Отвечай-ка мне! Да и Пойнс тоже хорош!

Пойнс

Черт подери! Если ты, жирное брюхо, еще раз назовешь меня трусом, ей-богу, я заколю тебя.

Фальстаф

Чтобы я назвал тебя трусом? Да ты угодишь в ад раньше, чем я назову тебя трусом. Но я охотно отдал бы тысячу фунтов, чтобы научиться бегать так быстро, как ты. У вас обоих достаточно прямые плечи, и вы не боитесь показать спину. И это у вас называется помогать друзьям? Провались она, такая помощь! Ну, кто из вас посмеет взглянуть мне в глаза? — Подать мне кружку хереса! Будь я подлец, если у меня во рту была хоть капля сегодня.

Принц Генрих

Ах, негодяй! Да ты еще губ не отер после выпитого вина.

Фальстаф

Ну что из того? (Пьет.) Я повторяю: чума на всех трусов!

Принц Генрих

В чем же дело?

Фальстаф

В чем дело? В том, что четверо из нас, здесь присутствующих, нынче утром захватили тысячу фунтов.

Принц Генрих

Где же они, Джек? Где они?

Фальстаф

Где они? Их отняли у нас: целая сотня напала на нас четверых.

Принц Генрих

Как? Целая сотня?

Фальстаф

Будь я подлец, если я не сражался добрых два часа носом к носу с целой дюжиной грабителей. Я спасся чудом. Куртка у меня проколота в восьми местах, штаны — в четырех; щит мой пробит, меч иззубрен, как ручная пила, — *esse signum!* Никогда я не дрался так яростно с тех пор, как стал мужчиной, но что я мог поделывать? Чума на всех трусов! Пусть вот они вам расскажут, и если они что-нибудь прибавят или убавят, то после этого они мерзавцы и исчадья тьмы.

Принц Генрих

Рассказывайте, господа, как было дело.

Гедсхил

Мы вчетвером напали на дюжину...

Фальстаф

Их было по крайней мере шестнадцать, милорд.

Гедсхил

И связали их.

Пето

Нет-нет, мы их не связывали.

Фальстаф

Врешь, плут, мы их связали всех до одного. Будь я еврей, гнусный еврей, если это не так.

Гедсхил

Только начали мы делить добычу, вдруг на нас напали еще человек шесть или семь.

Фальстаф

И развязали тех. А тут подоспели и остальные.

Принц Генрих

Как? И вы сражались против всех?

Фальстаф

Против всех! Не знаю, что ты называешь "против всех". Будь я пучком редиски, если я не сражался с пятьюдесятью. Не быть мне двуногим созданием, если на бедного старого Джека не обрушились пятьдесят два или пятьдесят три молодца.

Принц Генрих

Но, благодарение богу, ты ни одного из них не убил?

Фальстаф

Погоди благодарить бога: двоих я искрошил, как капусту. Да, с двумя-то я наверняка покончил счеты — с двумя негодьями в клеенчатых плащах. Вот что я тебе скажу, Хел: если я тебе соврал, плюнь мне в глаза и обзови меня лошадь. Ты знаешь мой знаменитый выпад? Вот так я стоял, вот этак я орудовал клинком. Четверо молодцов в клеенчатых плащах как кинутся на меня...

Принц Генрих

Как — четверо? Ты только что сказал — двое.

Фальстаф

Четверо, Хел. Я сказал тебе, что четверо.

Пойнс

Да-да, он сказал — четверо.

Фальстаф

Эти четверо атаковали меня с фронта, да как здорово ударили! Я не долго думая, отразил щитом разом семь ударов — вот этак.

Принц Генрих

Семь? Да ведь только что их было четверо.

Фальстаф

Это в клеенке-то?

Пойнс

Да, четверо в клеенчатых плащах.

Фальстаф

Семеро, клянусь рукоятью своего меча; будь я подлец, если не так.

Принц Генрих

Пожалуйста, не мешай ему, — скоро их окажется еще больше.

Фальстаф

Ты слушаешь меня, Хел?

Принц Генрих

Да, и мотаю себе на ус, Джек.

Фальстаф

Так и надо, об этом стоит послушать. Так вот, эти девять злодеев в клеенчатых плащах, как я тебе сказал...

Принц Генрих

Так, еще двое прибавилось.

Фальстаф

... как только сломались их клинки...

Пойнс

То с них свалились штаны.

Фальстаф

... начали отступать; но я стал преследовать их по пятам с оружием в руках и в один миг покончил с семью из одиннадцати.

Принц Генрих

Чудовищно! Из двух людей в клеенчатых плащах выросло одиннадцать!

Фальстаф

Но тут на беду черт принес еще трех паршивых мерзавцев, одетых в зеленое кендальское сукно. Они как нападут на меня с тыла, и ну меня теснить. А было так темно, Хел, что и собственной руки не разглядеть.

Принц Генрих

Эта ложь похожа на своего отца, породившего ее: она огромна, как гора, всем бросается в глаза, и никуда ее не спрячешь. Ах ты, безмозглый брюхач, ослиная башка, ублюдок, поганая, грязная куча сала!

Фальстаф

Ты рехнулся, что ли? Ты рехнулся? Или правда перестала быть правдой?

Принц Генрих

Да как же ты мог разглядеть, что те трое были одеты в зеленое кендальское сукно, если было так темно, что тебе и руки твоей не было видно? А ну-ка, оправдывайся! Что ты на это скажешь?

Фальстаф

Как! Под давлением? Черт подери! Да если бы меня вздернули на дыбу и терзали всеми какие ни на есть пытками, я и тогда ничего не сказал бы под давлением. Оправдываться под давлением! Да будь у меня столько оправданий на устах, сколько ежевики на кустах, и то я ни перед кем на свете не стал бы оправдываться под давлением.

Принц Генрих

Ни о каком давлении нет и речи! Этот полнокровный трус, этот лежебока, проламывающий хребты лошадям, эта гора мяса...

Фальстаф

Провались ты, скелет, змеиная кожа, сушеный коровий язык, бычий хвост, вяленая треска! Ух! За один дух не перечислишь всего, с чем ты схож! Ах ты, портновский аршин, пустые ножны, колчан, дрянная рапира!

Принц Генрих

Ладно, переведи дыхание и продолжай в том же роде, а когда устанешь подыскивать дурацкие сравнения, выслушай, что я тебе скажу.

Пойнс

Да примечай, Джек.

Принц Генрих

Мы видели, как вы вчетвером напали на четверых, связали их и завладели их добром. Посмотрите, как мой простой рассказ вас обличит. Затем мы вдвоем напали на вас четверых, в один миг заставили вас побросать добычу, захватили ее — да! — и можем показать ее вам хоть сейчас. — А ты, Фальстаф, унес свое брюхо так проворно, с такой отменной прытью и так ревел, прося пощады, и удирал во все лопатки, как впору доброму бычку. Ну и подлец ты! Сам же иззубрил спой меч, а теперь говоришь, что он пострадал в бою. Посмотрим, какую хитрость, какую уловку, какую лазейку ты придумаешь, чтобы улизнуть от явного, как день, срама.

Пойнс

А ну, Джек, какую уловку ты изобретешь?

Фальстаф

Клянусь богом, я сразу тебя распознал, как узнал бы родной отец. Но послушайте, господа, как мог я посягнуть на жизнь наследника престола? Разве у меня поднялась бы рука на принца крови? Ты ведь знаешь, что я храбр, как Геркулес, но вспомни про инстинкт: лев, и тот не тронет принца крови. Инстинкт — великое дело, и я инстинктивно стал трусом. Отныне я всю жизнь буду высокого мнения о себе, да и о тебе тоже: я показал себя львом, а ты показал себя чистокровным принцем. Но, ей-богу, молодцы, я рад, что деньги оказались у вас. — Хозяйка, двери на запор, — нынче карауль, завтра молись! — Удальцы, друзья,

приятели, золотые сердца — уж не знаю, какими ласковыми словами назвать нас, — давайте же веселиться! Не разыграть ли нам экспромтом какую-нибудь комедию?

Принц Генрих

Согласен: на тему о твоём бегстве.

Фальстаф

Довольно об этом, Хел, если только ты меня любишь.

Входит хозяйка.

Хозяйка

Господи Иисусе! Милорд принц!

Принц Генрих

Ну что, миледи хозяйка? Что скажешь?

Хозяйка

Да вот, милорд, там у дверей какой-то знатный придворный, ему надобно с вами поговорить, он уверяет, что его прислал ваш батюшка.

Принц Генрих

Дай ему монету с изображением моего батюшки и отошли его к моей матушке.

Фальстаф

Каков он из себя?

Хозяйка

Старик.

Фальстаф

Что побудило сего почтенного мужа в полночь покинуть постель? Передать ему надлежащий ответ?

Принц Генрих

Пожалуйста, Джек.

Фальстаф

Ей-богу, я его живо спроважу. (Уходит.)

Принц Генрих

Клянусь святой девой, вы отлично сражались, ты, Пето, и ты, Бардольф. Вы, оказывается, тоже львы: благодаря инстинкту вы удрали и не тронули принца крови. Тьфу, срам!

Бардольф

Ей-богу, я побежал только потому, что побежали другие.

Принц Генрих

А ну-ка, расскажи мне по совести, почему так иззубрен меч Фальстафа.

Пето

Да он иззубрил его своим кинжалом и заявил, что будет клясться на чем свет стоит, что клинок иззубрен в бою; он и нас уговаривал сделать то же самое.

Бардольф

И еще уговаривал разбередить себе носы репейником, чтобы пошла кровь, а потом чтобы мы замарали кровью свое платье и поклялись, что это кровь честных людей. Тут со мной случилось то, чего ни разу не бывало за последние семь лет: меня вогнала в краску его чудовищная наглость.

Принц Генрих

Ах, мерзавец! Да ты еще восемнадцать лет назад стащил кружку хереса, был пойман с поличным и с тех пор приобрел способность краснеть в любой момент. Ты мог действовать огнем и мечом — и все-таки удрал. Какой инстинкт руководил тобой?

Бардольф

(показывая на свой нос и щеки)

Милорд, вы видите эти метеоры? Знакомы вам эти протуберанцы?

Принц Генрих

Знакомы.

Бардольф

О чем все это, по-вашему, говорит?

Принц Генрих

О распухшей печени и тощем кошельке.

Бардольф

О горячем нраве, милорд, если правильно толковать.

Принц Генрих

Нет, если уж правильно толковать, то о виселице.

Входит Фальстаф.

Вот идет наш тощий Джек, кожа да кости. — Ну, что скажешь, чучело набитое? Сколько лет, Джек, ты не видал своих собственных колен?

Фальстаф

Моих собственных колен? Когда я был примерно в твоих годах, Хел, моя талия была не толще орлиной лапы; я мог бы пролезть сквозь перстень с большого пальца олдермена. Будь они прокляты, эти печали да огорчения; от них человек раздувается, как пузырь. Скверные вести! Твой отец прислал сэра Джона Бреси. Завтра утром ты должен явиться ко двору. Этот сумасбродный северянин Перси и тот уэлец, что вздул дубинкой Амамона, наставил рога Люциферу и принудил дьявола присягнуть ему на кресте уэльской алебарды, как его, черт побери, зовут?..

Пойнс

А, Глендаур!

Фальстаф

Оуэн Глендаур, он самый... Да еще его зять Мортимср, да старый Нортемберленд, да этот проворный Дуглас, всем шотландцам шотландец, что въезжает верхом на отвесную гору...

Принц Генрих

Тот самый, что на всем скаку попадает из пистолета в летящего воробья.

Фальстаф

Ты попал в точку.

Принц Генрих

Лучше, чем он в воробья.

Фальстаф

Да, этот негодяй не трус, он не ударится в бегство.

Принц Генрих

Так чего же ты, плут, хвалишь его за проворство?

Фальстаф

Да ведь он проворен верхом, кукушка ты этакая, а пеший он ни на шаг не подается.

Принц Генрих

Конечно, Джек, инстинктивно?

Фальстаф

Будь по-твоему — инстинктивно. Так вот он тоже с ними, и еще какой-то Мордек и с ним добрая тысяча синих шапок. Вустер бежал нынче ночью. От этих известий у твоего отца поседела борода. Теперь земля будет дешевле тухлой макрели.

Принц Генрих

Значит, если июнь выпадет жаркий и эта междоусобная свалка продлится, мы будем покупать девственниц сотнями, как гвозди для подков.

Фальстаф

Клянусь мессой, ты прав, дружище; похоже, что будет бойкая торговля этим товаром. Но признайся, Хел, ты ведь здорово струсил? Для тебя, наследника престола, во всем свете не сыскать таких лютых противников, как этот сатана Дуглас, этот бес Перси и этот дьявол Глендаур. Неужели ты не струсил? Верно, у тебя все поджилки трясутся.

Принц Генрих

Ничуть, уверяю тебя; мне недостает твоего инстинкта.

Фальстаф

Ну, так завтра ты получишь хорошую взбучку, когда явишься к отцу. Если любишь меня, приготовься к ответу.

Принц Генрих

Изображай моего отца и разбирай по косточкам мое поведение.

Фальстаф

Ты так хочешь? Изволь. Пусть этот стул будет моим тронном, этот кинжал скипетром, а эта подушка — короной.

Принц Генрих

Складной стул сойдет за трон, свинцовый кинжал за золотой скипетр, а твоя жалкая лысина за сверкающую алмазную корону.

Фальстаф

Ладно, если в тебе сохранилась хоть искра благодати, я сумею тебя растрогать. Дай мне кружку хереса, чтобы у меня покраснели глаза и можно было подумать, что я плакал; ведь я должен говорить со страстью, на манер царя Камбиза.

Принц Генрих

Хорошо. Вот я отвешиваю поклон.

Фальстаф

А я сейчас начну речь. — Встаньте поодаль, лорды.

Хозяйка

Господи боже мой, какая славная потеха!

Фальстаф

"Не плачь, супруга, — токи слез напрасны".

Хозяйка

Каков отец-то! Какой вид он на себя напускает!

Фальстаф

"Уйдите, лорды, с грустной королевой:

Полны слезами шлюзы глаз ее".

Хозяйка

Господи боже мой, у него это выходит точь-в-точь как у бродячих комедиантов, которые представляют всякие непотребства.

Фальстаф

Молчи, добрая пивная кружка! Молчи, славная наливка! — Гарри, меня удивляют не только места, где ты проводишь время, но и компания, какой ты окружен. Правда, ромашка, чем больше ее топчут, тем скорее растет, но молодость тем быстрее истощается, чем больше ее растрчивают. Что ты мой сын, я знаю отчасти из слов твоей матери, отчасти по моим собственным соображениям, но больше всего меня убеждает в этом плутовской блеск в твоих глазах и твоя дурацки отвисшая нижняя губа. Если же ты мой сын и надежда Англии, то почему ты так безнадежно опустился? Может ли благодатное небесное светило стать бродягой и лакомиться придорожной ежевикой? Такого вопроса не задаст никто. Может ли сын английского короля сделаться вором и охотиться за кошельками? Такой вопрос приходится ставить. Есть такое вещество, Гарри, о котором ты не раз слышал и которое известно многим в нашем королевстве под названием: деготь. Этот деготь, по свидетельству древних авторов, имеет свойство марасть; такова же и компания, с которой ты водишься. Я говорю тебе это, Гарри, не сквозь хмель, а сквозь слезы, не в шутку, а в горький укор, не только словами, но и стонами. Но все же около тебя есть один достойный человек; я часто видел его с тобой, но только позабыл, как его зовут.

Принц Генрих

Не соблаговолите ли вы, ваше величество, сказать, каков он собой?

Фальстаф

Симпатичный представительный мужчина, уверяю тебя, хотя и несколько дородный;

взгляд у него веселый, глаза приятные и весьма благородная осанка. На вид ему лет пятьдесят, или, вернее, уже под шестьдесят. Теперь я припоминаю — его зовут Фальстаф. Если это человек распутного поведения, значит, его наружность обманчива, ибо в глазах у него, Гарри, видна добродетель. Если дерево узнают по плодам, а плоды — по дереву, то я решительно заявляю: Фальстаф исполнен добродетели. Оставь его при себе, а остальных прогони. Теперь скажи мне, бездельник, скажи, где ты пропадал весь этот месяц?

Принц Генрих

Разве короли так говорят? Становись-ка на мое место, а я буду представлять отца.

Фальстаф

Ты свергаешь меня с престола? Пусть меня повесят за ноги, как кролика или зайца в мясной лавке, если у тебя это получится хоть наполовину так торжественно и величественно, как у меня.

Принц Генрих

Ну вот, я сел.

Фальстаф

А вот я встал. Будьте же судьями, господа.

Принц Генрих

Ну, Гарри, откуда ты явился?

Фальстаф

Из Истчипа, государь...

Принц Генрих

До меня дошли весьма серьезные жалобы на тебя.

Фальстаф

Ей-богу, государь, это все вранье. — Уж я позабавлю вас в роли молодого принца!

Принц Генрих

Ты божишься, скверный мальчишка? И ты еще смеешь смотреть мне в глаза? Злая воля совращает тебя с пути истинного, тобою овладел бес в образе толстого старика; приятель твой — ходячая бочка. Зачем ты водишь компанию с этой кучей мусора, с этим ларем, полным всяких мерзостей, с этой разбухшей водянкой, с этим пузатым бочонком хереса, с этим мешком, набитым требухой, с этим невыпотрошенным зажаренным меннингтрийским быком, с этим почтенным Пороком, с этим седым Безбожием, с этим старым наглецом, с этим престарелым Тщеславием? На что он еще годен? Наливать и тянуть херес. В чем опрятен и ловок? Только в разрезании и пожирании каплунов. В чем искусен? Только в обмане. В чем проворен? Только в плутовстве. В чем достоин презрения? Решительно во всем. В чем заслуживает похвал? Ни в чем.

Фальстаф

Благоволите, ваше величество, высказаться яснее: о ком вы говорите, государь?

Принц Генрих

О мерзком, чудовищном совратителе молодежи — о Фальстафе, об этом седобородом сатане.

Фальстаф

Государь, я знаком с этим человеком.

Принц Генрих

Я знаю, что ты с ним знаком.

Фальстаф

Но если бы я сказал, что знаю за ним больше грехов, чем за самим собой, я бы солгал. Что он, к сожалению, стар, доказывают его седины, но что он, с позволения сказать, развратник — это я решительно отрицаю. Если пить сладкий херес — преступление, то помилуй боже беззаконника. Если быть старым и веселым грешно, то, значит, многие знакомые мне старые трактирщики угодят в ад; если тучность заслуживает ненависти, то, значит, тощие фараоновы коровы достойны любви. Нет, мой добрый государь, прогоните Пето, прогоните Бардольфа, прогоните Пойнса, но что касается милого Джека Фальстафа,

доброто Джека Фальстафа, преданного Джека Фальстафа, храброго Джека Фальстафа, который доблестен, несмотря на старость, не разлучайте его, не разлучайте с вашим Гарри. Ведь прогнать толстого Джека — значит прогнать все самое прекрасное на свете.

Принц Генрих

Я хочу его прогнать и прогоню.

Стук в дверь.

Хозяйка, Франсис и Бардольф уходят.

Вбегает Бардольф.

Бардольф

Милорд, милорд! У дверей шериф, и с ним грозная стража.

Фальстаф

Пошел вон, мерзавец! Доведем до конца игру. Мне надо еще многое сказать в защиту Фальстафа.

Входит хозяйка.

Хозяйка

Господи боже мой! Милорд, милорд!..

Принц Генрих

Ай-ай! Черт прискакал на смычке! В чем дело?

Хозяйка

У дверей шериф, и с ним целый отряд; они хотят обыскать наш дом. Впустить их?

Фальстаф

Слышишь, Хел? Никогда не называй подлинный червонец фальшивой монетой. Ты самый настоящий безумец, хотя с виду кажешься разумным.

Принц Генрих

А ты прирожденный трус, даже без всякого инстинкта.

Фальстаф

Отвергаю твою главную посылку. Если ты, в свою очередь, отвергнешь шерифа, прекрасно, если нет, пускай входит; и если я по дороге на казнь не сумею сохранить свое достоинство, то к черту все мое воспитание! Надеюсь, петля удавит меня так же быстро, как и всякого другого.

Принц Генрих

Иди спрячься за стенным ковром. — А вы все ступайте наверх. — Ну, господа, теперь надо принять вид честных людей со спокойной совестью.

Фальстаф

Были у меня и честность и совесть, да сплыли, а потому я лучше спрячусь.

Все, кроме принца Генриха и Пето, уходят.

Принц Генрих

Позвать шерифа.

Входят шериф и извозчик.

Ну, что вам нужно от меня, шериф?

Шериф

Прошу, милорд, прощенья. В этот дом

Вбежали, укрываясь от погони,

Три иль четыре человека.

Принц Генрих

Какие люди?

Шериф

Один из них, милорд, известен всем

Огромный, жирный...

Извозчик.

Жирный, словно сало.

Принц Генрих

Его здесь нет, могу заверить вас.
Я с порученьем отослал его.
Но вам, шериф, своим ручаюсь словом,
Что завтра же в обед его пришлю,
Чтоб дал ответ он вам или другим
На обвиненья, что ему предъявят.
Теперь я попрошу вас удалиться.

Шериф

Сейчас уйдем, милорд. У двух господ
Похищены ворами триста марок.

Принц Генрих

Возможно; если он ограбил их,
Ответит сам за все. Итак, прощайте.

Шериф

Милорд, спокойной ночи.

Принц Генрих

Не лучше ли сказать вам: "С добрым утром"?

Шериф

И впрямь, милорд: уж третий час, наверно.

Шериф и извозчик уходят.

Принц Генрих

Мошенник этот жирный всем известен
Не хуже, чем собор святого Павла.

Пойдем за ним.

Пето

Фальстаф! — Спит как убитый за ковром и храпит, как лошадь.

Принц Генрих

Слышишь, как он тяжело дышит? Обыщи его карманы.

Пето обыскивает.

Что ты нашел?

Пето

Ничего, кроме каких-то бумажек, милорд.

Принц Генрих

Посмотрим, что это за бумажки. Читай.

Пето

"Засим каплун — два шиллинга два пенса. Засим соус — четыре пенса. Засим хересу два галлона — пять шиллингов восемь пенсов. Засим анчоусы и херес после ужина — два шиллинга шесть пенсов. Засим хлеб — полпенса".

Принц Генрих

Возмутительно! Всего на полпенса хлеба, при таком невероятном количестве хереса. Остальные бумажки спрячь, мы прочтем их как-нибудь на досуге. Пускай себе спит здесь до рассвета. Я должен утром явиться ко двору. Мы все отправимся на войну, и ты получишь почетную должность. Я определю в пехоту этого жирного негодяя: для него, я знаю, верная смерть — пройти пешком двести шагов. Деньги будут возвращены с избытком. Приходи ко мне завтра пораньше, а теперь прощай, Пето.

Пето

Прощайте, мой добрый принц.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА 1

Бангор. Комната в доме архидиакона.
Входят Хотспер, Вустер, Мортимер и Глендаур.

Мортимер

Друзья верны, прекрасны обещанья;
Наш первый шаг надеждами богат.

Хотспер

Лорд Мортимер и вы, кузен Глендаур,
Прошу, садитесь.

Вы, дядя Вустер, тоже... Ах, проклятье!
Я карту позабыл.

Глендаур

Нет, вот она.

Присядьте, Перси; сядьте, милый Хотспер.

Всегда, так называя вас, Ланкастер

В лице меняется и вам со вздохом

Желает быть уже на небесах.

Хотспер

А нам — в аду, лишь речь при нем зайдет
Об Оуэне Глендауре.

Глендаур

Я не могу его бранить за это:

Когда рождался я, чело небес

Пылающие знаки бороздили

И факелы; в час моего рожденья

Земля до основания содрогалась,

Как жалкий трус.

Хотспер

Ну, положим, то же самое было бы, если б в ту пору кошка вашей матери, а вы бы и
вовсе не рождались.

Глендаур

Я говорю: в час моего рожденья

Земля тряслась.

Хотспер

А я вам говорю:

Земля со мной отнюдь не схожа нравом,

Когда тряслась от страха перед вами.

Глендаур

Был небосвод в огне, земля тряслась.

Хотспер

Ну, так земля дрожала, испугавшись

Огней небес — не вашего рожденья.

В природе страждущей бывают часто

Броженья странные; нередко землю

Беременную спазмами терзают

В ее утробе замкнутые ветры,

(Которые, стремясь к освобожденью,

Прабабку нашу землю так трясут,

Что рушатся замшелые твердыни

И колокольни. При рожденье вашем

Земля-праматерь, корчами страдая,

Тряслась от мук.
Глендаур
Кузен, я лишь немногим
Перечить мне позволю. Разрешите
Мне повторить: когда родился я,
Пылающие знаки бороздили
Чело небес, бежали козы с гор,
Скот диким ревом оглашал поля.
Такими знаменьями я отмечен;
И ход всей жизни ясно показал,
Что не причтен я к заурядным смертным.
В краях, омытых бурными морями,
В Уэльсе, в Англии, в горах шотландских
Кто назовет меня учеником?
Но укажите смертного, что смог бы
За мной идти крутой стезей искусства
Иль в мудрых опытах со мной сравниться!
Хотспер
Я полагаю, никто здесь не умеет говорить по-уэльски лучше вас. Пойду обедать.
Мортимер
Молчи: с ума его сведешь ты, Перси.
Глендаур
Я духов вызывать могу из бездны.
Хотспер
И я могу, и каждый это может,
Вопрос лишь, явятся ль они на зов.
Глендаур
Могу вас научить, кузен, как чертом
Повелевать.
Хотспер
А я тебя — как черта посрамить:
Лишь правду говори — и посрамится.
Коль власть имеешь, призови его,
И, поклянись, его я прогоню.
Всю жизнь не лги — и посрамится дьявол.
Мортимер
Ну полно, бросим болтовню пустую.
Глендаур
Пытался трижды Генрих Болингброк
Со мною силой мериться, и трижды
Я с берегов Уая и Северна
Песчаных побережий гнал его,
Пришедшего без зова, в непогоду.
Хотспер
Босого — в непогоду? Черт возьми!
Как лихорадку он не подцепил?
Глендаур
Вот карта; все владенья мы разделим
Согласно тройственному соглашению.
Мортимер
Архидиакон разделил страну
На совершенно равные три части:

От Трента и Северна на восток
И к югу Англия ко мне отходит;
На запад от Северна весь Уэльс
И область плодородная вот эта
Глендауру. А тебе, кузен любезный,
Все эти земли к северу от Трента.
В трех списках заготовлен договор;
Осталось лишь печатями скрепить
Мы это нынче сделаем, — и завтра
Ты, Перси, я и добрый лорд наш Бустер
Направим путь свой в Шрусбери, чтоб там,
Как мы уговорились, повстречаться
С твоим отцом и всем шотландским войском.
Глендаур, отец мой, не готов еще;
Но две недели можем обойтись
Без войск его.
(Глендауру.)
Меж тем вы соберете
Друзей, вассалов и дворян окрестных.
Глендаур
Я раньше к вам прибуду, господа,
И привезу с собою ваших дам.
Теперь же лучше вам тайком уехать,
Иначе океаны слез прольют
Супруги ваши, расставаясь с вами.
Хотспер
Мне кажется, что этот мой надел
От Бертона на север — меньше ваших:
Смотрите, как излучина реки
Отхватывает от моих владений
Громадный полумесяц, кус изрядный
Земли отменной. Запружу здесь Трент,
И он помчит серебряные воды
По новому, как луч, прямому руслу;
Лишившая меня равнин богатых
Излучина крутая пропадет.
Глендаур
Как пропадет? Ничуть! Как прежде будет.
Мортимер
Но посмотри,
Как Трент в своем теченье забирает
В другую сторону и клочок изрядный
Выхватывает из моих земель,
Тебя вознаграждая за ущерб.
Вустер
Но, сделав здесь при небольших затратах
Запруду, к северу тот мыс прирежем,
И выровняет Трент свое теченье.
Хотспер
Так поступлю; затрат немного будет.
Глендаур
Не надо русло изменять.

Хотспер
Не надо?
Глендаур
Не быть тому!
Хотспер
А кто мне запретит?
Глендаур
Кто? Я!
Хотспер
Не понял вас! Скажите по-уэльски.
Глендаур
Не хуже вас язык английский знаю.
Я был воспитан при дворе английском
И в юности для арфы там сложил
Изрядное число прелестных песен,
Обогадив язык ваш и украсив.
За вами ж не было таких заслуг.
Хотспер
О да,
И этому я рад от всей души.
Котенком лучше стать мне и мяукать,
Чем быть кропателем баллад несносных.
Скорей готов я слушать, как скоблят
Подсвечник медный или как скрипит
Немазанное колесо; все это
Так не набьет оскомины, как сладость
Поэзии жеманной: мне она
Как дряблая рысца разбитой клячи.
Глендаур
Ну, пусть отводят Трент.
Хотспер
Мне безразлично. Преданному другу
И втрое больше дам земли. Но знайте:
Коль речь идет о сделке, я торгуюсь
Из-за девятой доли волоска.
Готов ли договор? Мы можем ехать.
Глендаур
Сияет месяц; можно ехать ночью.
Потороплю писцов и вместе с тем
К прощанью с вами подготовлю жен.
Боюсь, что дочь моя сойдет с ума,
Так влюблена безумно в Мортимера.
(Уходит.)
Мортимер
Как ты перечишь тестю! Постыдись.
Хотспер
Иначе не могу; меня он злит
Рассказами о муравье и мышке,
О предсказаниях мудреца Мерлина,
О злом драконе и бесхвостой рыбе,
Бескрылом грифе и больном орле.
О спящем льве и крадущейся кошке

И столько мелет всякой чепухи,
Что голова закружится. Послушай,
Вчера не меньше девяти часов
Перечислял мне имена чертей,
Ему подвластных. «Гм», "прекрасно", «дальше»
Я бормотал не слушая. Клянусь.
Несносен он, как загнанная кляча
Или сварливая жена; он хуже
Лачуги дымной. Предпочту я жить
На мельнице, жевать чеснок и сыр,
Чем дорогие лакомства вкушать
В роскошном замке, слушая Глендаура.
Мортимер
Но, право, он достойный человек,
Весьма начитанный и посвященный
В науки тайные; он храбр, как лев,
Отменно обходителен и щедр,
Как рудники индийские. Сказать ли?
Характер твой он ценит высоко
И нрав обуздывает свой горячий,
Когда ему перечишь; право, так.
Ручаюсь, нет на свете человека,
Который, раздражив его, как ты,
Не поплатился бы жестоко. Друг мой,
Не надо этим злоупотреблять.
Вустер
Да, вы, милорд, достойны порицанья.
Все эти дни вы только и старались,
Что вывести Глендаура из терпенья.
Исправить надо этот недостаток,
Хоть он порой доказывает храбрость,
Породу, пыл (и этим красит вас),
Но чаще он изобличает грубость,
Несдержанность, отсутствие манер,
Презренье к людям, самомнение, гордость.
Малейшее из этих скверных качеств
Отталкивает всех от дворянина
И прочие достоинства его
Зачеркивает, прелести лишая.
Хотспер
Урок хорош! Поучимся манерам!
Вот наши жены. Распростимся с ними.
Входит Глендаур с леди Мортимер и леди Перси.
Мортимер
Досадно до смерти, что по-английски
Не говорит жена, я ж — по-уэльски.
Глендаур
Дочь, разлучаясь с вами, горько плачет:
Солдатом хочет быть и рвется в бой.
Мортимер
Скажите ей, что скоро привезете
Ее и тетю Перси в лагерь к нам.

Глендаур говорит что-то леди Мортимер по-уэльски; она отвечает ему на том же языке.

Глендаур

Она прямо в отчаянии; эту капризную, своенравную негодницу никак не образумишь!

Леди Мортимер что-то говорит Мортимеру по-уэльски.

Мортимер

Любимая, мне твой понятен взгляд;

Уэльскую чарующую речь,

Что льется из очей твоих припухших,

Я постигаю; если б не стыдился,

Ответил бы на этом же наречье.

Леди Мортимер снова что-то говорит по-уэльски.

Понятны нам обоим поцелуи

И это самый нежный разговор.

Но все ж не знать мне отдыха, мой друг,

Пока язык твой мне родным не станет.

В твоих устах уэльский говор сладок.

Как песнь любви, что в лиственной беседке

Царица фей поет под звуки лютни.

Глендаур

Коль вы расстанетесь, сойдет с ума.

Леди Мортимер снова говорит Мортимеру что-то по-уэльски.

Мортимер

О, в этом я невежда совершенный.

Глендаур

Дочь просит вас

Прилечь на этом мягком тростнике,

К ней на колени голову склонив,

Она ж вам песнь любимую споет,

И бог отрадных снов смежит ресницы,

Вам кровь чаруя сладостной дремотой,

Что гранью служит между сном и явью,

Как служит гранью между днем и ночью

Тот ранний час, когда в свой путь лучистый

Еще не отправлялись кони солнца.

Мортимер

От всей души я рад лежать и слушать;

Тем временем напишут договор.

Глендаур

Ложитесь;

А музыканты, что играть нам станут,

За сотни миль от нас в пространстве реют;

Но будут мигом здесь. Внимайте им.

Хотспер

Иди сюда, Кет, ты само совершенство, когда лежишь. Иди сюда, живо, живо; дай, я положу голову к тебе на колени.

Леди Перси

Пошел ты, дикий гусь!

Слышится музыка.

Хотспер

Я вижу, знает черт язык уэльский:

Не мудрено, что так причудлив бес.

Клянусь душой, он музыкант прекрасный.

Леди Перси

В таком случае ты должен быть чрезвычайно музыкален, потому что у тебя вечно какие-то причуды. Лежи смирно, разбойник, и слушай — сейчас леди будет петь по-уэльски.

Хотспер

Я предпочел бы слушать, как моя сука Леди воет по-ирландски.

Леди Перси

Стукнуть тебя по голове?

Хотспер

Нет.

Леди Перси

Тогда молчи.

Хотспер

Ну нет! Это женский недостаток.

Леди Перси

Так помоги тебе бог!

Хотспер

Пробраться в постель к уэльской даме?

Леди Перси

Что такое?

Хотспер

Тише. Она поет.

Леди Мортимер поет уэльскую песню.

Слушай, Кет, ты тоже должна спеть мне.

Леди Перси

Ей-богу, ни за что не стану.

Хотспер

"Ей-богу, ни за что не стану"! Душа моя, ты божишься, как какая-нибудь жена кондитера: "ей-богу, это не я", или "пропади я пропадом!", или "боже сохрани", или "ясно, как божий день".

К кисейным клятвам прибегаешь ты,

Как будто в Финсбери всю жизнь гуляла.

Клянись всегда, как подобает леди,

Изысканною клятвой, а «ей-богу»

И пряничные клятвы предоставь

Мешанкам, разодетым в пух и прах.

Ну спой же, Кет.

Леди Перси

Не стану.

Хотспер

Я вижу, ты боишься, что тебя примут за портного или за дрессировщика снегирей. Через два часа, когда договор будет подписан, я уеду. Если хочешь, приходи ко мне. (Уходит.)

Глендаур

Идемте, сын мой. Вы не рветесь в бой,

Не то что Гарри Перси огневой.

Готов наш договор; его мы скрепим

И на коней!

Мортимер

Я всей душою рад.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Зал во дворце.
Входят король Генрих, принц Генрих и лорды.
Король Генрих
Оставьте, лорды, нас. Должны мы с принцем
Поговорить вдвоем. Но будьте недалеко
Вы можете понадобится скоро.
Лорды уходят.
Не знаю, тем прогневал я творца.
Что он в своем решенье непостижном
Избрал орудьем кары и возмездья
Мою же кровь. Поступками своими
Меня предполагать ты заставляешь,
Что небесами призван ты служить
Бичом, отмщеньем за мои грехи.
Иначе непонятно, почему
Столь низкие, распутные влечения.
Столь грубый, грязный, мерзкий образ жизни,
Столь пошлые забавы и друзья,
С которыми ты сблизился и сросся,
Сопутствуют высокому рождению
И царственному сердцу не претят.
Принц Генрих
Раз вам угодно, государь, хотел бы
Во всех своих поступках оправдаться
И, без сомнения, могу сейчас же
Я опровергнуть многое, в чем люди
Меня винят. Но все ж, отбросив басни,
Что льстец с улыбкой шепчет королю
И собиратель новостей приносит,
Молю о снисхождении к проступкам
Беспутной, бурной юности моей
И подлинным раскаяньем своим
Прошенье ваше заслужить надеюсь.
Король Генрих
Бог да простит тебя! Но все же, Гарри,
Дивлюсь я склонностям твоим, далеким
От гордого полета наших предков.
Ты из-за грубости утратил место
В Совете нашем, где сменил тебя
Твой младший брат; ты потерял любовь
Придворных всех и принцев нашей крови.
Надежды, что так щедро подавал ты,
Погибли все, и каждый, как пророк,
Час твоего паденья предрекает.
Когда б я всех присутствием своим
Дарил так щедро, так всем примелькался,
Так истрепал свой образ среди гуляк,
Общественное мненье, что открыло
Мне путь к престолу, сохраняло б верность
Монарху прежнему, забыв меня

В изгнании моем как человека,
Лишенного достоинств и заслуг.
Но редко я показывался людям,
И, как комете яркой, мне дивились.
Отцы шептали детям: "Это он",
Другие ж: "Где? Который Болингброк?"
Похитил я приветливость у неба,
Облекся я смирением таким,
Что стали все сердца ко мне стремиться.
Меня встречали дружным криком даже
В присутствии законного монарха.
Так я достиг, что образ мой всегда
Был свеж и нов. Присутствием спойм
Я вызывал восторг, как риза папы;
И тем пышнее, праздничней казалось
Всем появление мое, чем реже
Происходило. А король беспечный
Порхал везде и всюду, окруженный
Гуляками, пустыми шутниками,
Что, словно хворост, — вспыхнут и сгорят;
Роняя сан высокий средь глупцов,
Терпел глумленье над своим величьем
И, рангу вопреки, давал смеяться
Мальчишкам-зубоскалам, был мишенью
Для шуток безбородых остряков
И, завсегдатай многолюдных улиц,
Заискивал пред мнением толпы.
Народ, питая взор им ежедневно,
Объелся, словно медом, королем;
Всем сладость опротивела, которой,
Чуть меру превзойдешь, — и будет много.
И вскоре он, являясь пред народом,
Кукушку стал напоминать, чей крик
В июне неприметен; все смотрели
На короля ленивым, вялым взглядом.
Не возбуждал восторгов он, какие
Величье вызывает, словно солнце,
Что редко светит восхищенным взорам.
Сквозь сон, дремотно, веки опустив,
Ему в лицо смотрели с хмурым видом,
С каким глядят порою на врагов.
Всяк был им сыт, до тошноты пресыщен.
На тот же самый путь вступил ты, Гарри!
Ты царственных лишился преимуществ,
С подонками общаясь; всем глазам
Твой вид обыденный наскучил, кроме
Моих, тебя всегда готовых видеть
И, вопреки желанью, ослепленных
Вновь неразумной нежностью к тебе.
Принц Генрих
Мой добрый государь, я постараюсь
Себе быть верным впредь.

Король Генрих
Покойный Ричард
Казался всем таким, как ныне ты,
Когда я высадился в Ревенсперге;
Я ж был таков, как ныне Гарри Перси.
Клянусь душой и скипетром своим,
Престола он достойнее, чем ты
Наследник призрачный! Без всяких прав,
Без тени права он поля страны
Загромоздил оружием; не отступит
Перед оскаленною пастью льва
И, хоть не старше он тебя годами,
Епископов почтенных, старых лордов
Ведет на бой, в кровавую борьбу.
Какую честь бессмертную стяжал он
В борьбе со славным Дугласом, чья доблесть,
Чьи пылкие набеги, блеск побед
Хвалу ему снискали средь бойцов
И званье первого из полководцев
Во всех концах земли, где чтут Христа!
Три раза этот Хотспер, Марс в пеленках,
Дитя-боец, все планы сокрушал
Шотландца славного, взял в плен его,
Освободил и приобрел в нем друга,
Чтоб, рот заткнув старинному раздору,
Мир потрясти и пошатнуть наш трон.
Что скажешь ты? Нортемберленд и Перси,
Архиепископ, Дуглас, Мортимер,
Скрепив союз, восстали против нас.
Но что я говорю тебе об этом?
Зачем толкую о врагах тебе
Ближайшему, заклятому врагу?
Ведь допустить легко, что рабский страх,
Дурные страсти иль досады приступ
Тебя заставят, как наймита Перси,
Со мной сражаться, ползать перед ним
И угождать его порывам гневным,
Доказывая, как ты развращен.
Принц Генрих
Не говорите так; не быть тому!
Прости, создатель, тем, кто от меня
Так благосклонность вашу отвратил!
Все искуплю я головою Перси,
И на исходе доблестного дня
Я вновь дерзну назваться вашим сыном.
Тогда в одежду крови облекусь,
Черты покрою маскою кровавой,
Чтоб вместе с нею смыть и мой позор.
И в этот день, когда б ни воссиял он,
Тот сын любимый доблести и славы,
Тот храбрый Хотспер, всехвальный рыцарь
И ваш безвестный Гарри вступят в бой.

Пускай хвалы, что шлем его венчают,
Умножатся, а голову мою
Двойной позор покроет, — час придет,
Когда юнца заставлю променять
Блеск яркой славы на мое бесчестье.
Ведь Перси — мой приказчик, государь,
Что для меня деянья славы копит.
Я от него потребую такой
Отчет суровый, что вернет он мне
Всю славу, до малейшей похвалы,
Иль вырву счет я у него из сердца!
Клянусь вам в этом именем господним,
И, если бог даст подвиг мне свершить,
Молю вас, уврачуйте, государь,
Мне язвы застарелые беспутства.
А если нет, смерть все долги сотрет;
И я скорей сто тысяч раз умру,
Чем свой обет хоть на волос нарушу.
Король Генрих
Вот смертный приговор для сотни тысяч
Мятежников. Получить пост высокий
И полномочия.
Входит Блент.
Что скажешь нам,
Мой добрый Блент? Ты, видно, торопился?
Блент
Да, сообщить пришел о спешном деле.
Лорд Мортимер, шотландец, известил,
Что Дуглас и союзники его
Десятого числа соединились
Под Шрусбери; коль дружба их прочна,
То никогда еще не угрожала
Столь тяжкая опасность государству.
Король Генрих
Пять дней назад об этом мы узнали,
И потому отправился в поход
Лорд Уэстморленд сегодня, с ним — принц Джон.
Ты в среду, Гарри, выступишь, а мы
В четверг, и место встречи — Бриджпорт. — Гарри,
Чрез Глостершир твой путь. Двенадцать дней
Потребуются, по моим расчетам,
Чтоб силы главные доставить в Бриджпорт.
Дел полны руки, поспешим в поход:
Промедлим мы — опасность возрастет.
Уходит.

СЦЕНА 3

Трактир "Кабанья голова" в Истчипе.

Входят Фальстаф и Бардольф.

Фальстаф

Не правда ли, Бардольф, после нашего последнего дела я стал постыдным образом

сдавать? Разве я не таю? Разве я не сохну? Кожа обвисла на мне, как широкое платье на старой бабе. Я сморщился, как печеное яблоко. Нет, надо мне покаяться, да поскорей, пока я еще на человека похож, а то я могу совсем впасть в уныние, и тогда у меня не хватит сил на покаяние. Будь я стручком перца, будь я клячей в пивоварне, если я не позабыл. как выглядит внутри церковь... Компания, дурная компания — вот что меня сгубило.

Бардольф

Сэр Джон, вы так расстраиваетесь, что, верно, не долго протянете.

Фальстаф

Да, так оно и есть. Ну спой мне какую-нибудь похабную песенку, развесели меня. У меня были самые благородные наклонности, какие подобают дворянину: я был в меру добродетелен, божился редко, играл в кости не чаще семи раз в неделю, ходил в непотребные дома не чаще одного раза в четверть часа, возвращал долги раза три или четыре, жил хорошо, держался в границах. А теперь я живу беспорядочно и вышел из всяких границ.

Бардольф

Да, вы так растолстели, сэр Джон, что вышли из всяких границ. Вы стали безграничны, сэр Джон.

Фальстаф

Исправь свою рожу, тогда и я исправлю свою жизнь. Ты у нас адмиральский корабль с фонарем на корме, а фонарь этот — твой собственный нос. Ты Рыцарь Пламенеющего Факела.

Бардольф

Моя наружность, сэр Джон, нам ничем не мешает.

Фальстаф

Напротив, готов поклясться, она мне на пользу, как многим — вид черепа или *memento mori*. Всякий раз, когда я смотрю на твою физиономию, я вспоминаю об адском пламени и о богаче, который при жизни всегда одевался в пурпур, ведь он там в своем одеянии так и пылает, так и пылает!.. Если бы в тебе было хоть на грош добродетели, я бы стал клясться твоей физиономией; я говорил бы: "Клянусь этим пламенным ангелом!" Но ты человек отпетый, и, если бы не это пламя на твоей физиономии, ты был бы исчадием тьмы кромешной. Пусть деньги станут сором, если я не принял тебя за блуждающий огонек или за огненный шар в ту ночь, когда ты бегал по Гедсхилу и ловил моего коня. Да, ты непрерывное факельное шествие, вечный фейерверк! Я сберег добрую тысячу марок на свечах и факелах, таскаясь с тобой по ночам из трактира в трактир. Зато ты выпил на мой счет столько хересу, что он обошелся мне дороже, чем все свечи, будь они куплены в самой дорогой лавке в Европе. Вот уже добрых тридцать три года, как я поддерживаю огонь в этой саламандре, — да вознаградит меня бог за это!

Бардольф

Черт побери! Хотел бы я, чтобы мое лицо оказалось у вас в брюхе!

Фальстаф

Боже сохрани! Тогда бы я умер от изжоги.

Входит хозяйка.

Ну что, моя курочка? Допыталась ты, кто обчистил мои карманы?

Хозяйка

Эх, сэр Джон! Что такое вы говорите, сэр Джон! Неужто вы думаете, что я стану держать у себя в доме воров? Уж я обыскивала, уж я допрашивала вместе с мужем каждого слугу, каждого мальчишку, каждую служанку; и десятой доли волоска до сих пор не пропало в нашем доме.

Фальстаф

Врешь ты, хозяйка! Бардольф здесь брился и потерял немало полос. Я готов поклясться, что у меня обчистили карманы. Молчи. баба, молчи!

Хозяйка

Это я-то баба? Как бы не так! Чтоб тебе провалиться! Истинный бог, меня сроду никто так не обзывал в моем доме!

Фальстаф

Молчи ты! Я знаю тебя насквозь.

Хозяйка

Нет, сэр Джон, вы не знаете меня, сэр Джон. А я вас знаю, сэр Джон. Вы задолжали мне, сэр Джон, а теперь затеваете ссору, чтобы увильнуть от расплаты. Я купила вам дюжину рубашек, чтобы было вам чем тело прикрыть.

Фальстаф

Из холста, из дрянного холста. Я отдал их женам булочников, и они понаделали из них себе сита.

Хозяйка

Нет, говорю вам как честная женщина: это было настоящее голландское полотно по восемь шиллингов за локоть. Кроме того, вы мне должны, сэр Джон, за еду и за питье, да еще я вам дала займы двадцать четыре фунта.

Фальстаф

(указывая на Бардольфа)

Он тоже пользовался всем этим, — пусть он и платит.

Хозяйка

Он-то? Да он нищий, у него нет ни гроша.

Фальстаф

Он — нищий? Ну погляди на его лицо. Кто же и богат, как не он? Пусть начеканят монет из его носа, из его щек. Не стану я платить ни гроша. Ты, кажется, принимаешь меня за желторотого птенца? Нельзя спокойно вздремнуть у тебя в трактире, мигом обчистят карманы! У меня пропал дедовский перстень с печатью, который стоит сорок марок.

Хозяйка

Господи Иисусе! Принц говорил при мне, уж не знаю, сколько раз, что перстень этот — медный.

Фальстаф

Что такое? Твой принц болван и прохвост! Тысяча чертей! Скажи он это при мне, я бы его избил, как собаку.

Входят, маршируя, принц Генрих и Пето.

(Идет навстречу им, приложив к губам дубинку, как флейту.) Ну что, дружок? Так вот куда дует ветер, черт возьми. Неужто всем нам придется маршировать?

Бардольф

Да, попарно, как в Ньюгетской тюрьме.

Хозяйка

Милорд, прошу вас, выслушайте меня.

Принц Генрих

Что скажешь, миссис Куикли? Как поживает твой муж? Он мне по душе честный малый.

Хозяйка

Мой добрый принц, выслушайте меня.

Фальстаф

Брось ее, пожалуйста, и выслушай меня.

Принц Генрих

Что скажешь, Джек?

Фальстаф

Вчера вечером я вздремнул здесь за ковром, и у меня обчистили карманы. Этот трактир стал непотребным домом, здесь карманы обчищают.

Принц Генрих

Что же у тебя пропало, Джек?

Фальстаф

Поверишь ли, Хел? Три или четыре билета по сорок фунтов каждый и дедовский перстень с печатью.

Принц Генрих

Дребедень! Ему красная цена восемь пенсов.

Хозяйка

То же самое и я ему говорила, милорд, да еще сказала, что слыхала об этом от вашей милости; а он, милорд, сквернослов этакий, обозвал вас гнусными словами, да еще грозился вас поколотить.

Принц Генрих

Что такое? Не может быть!

Хозяйка

Не быть мне честной, правдивой женщиной, ежели это неправда.

Фальстаф

Честности в тебе не больше, чем сока в сушеном черносливе; правдивости не больше, чем в затравленной лисе; а что до твоей женственности, то девка Марианна в сравнении с тобой — жена пристава. Пошла вон, тварь, пошла!

Хозяйка

Какая я тебе тварь? Какая тварь?

Фальстаф

Какая тварь? Да такая, что не приведи бог.

Хозяйка

Никакая я не тварь, так и знай! Я жена честного человека, а ты, хотя и зовешься рыцарем, а сущий подлец, ежели смеешь так обзывать меня.

Фальстаф

А вот ты, хоть и зовешься женщиной, а сущее животное, ежели смеешь мне перечить.

Хозяйка

Какое я тебе животное, подлец ты этакий? Ну?

Фальстаф

Какое животное? Выдра!

Принц Генрих

Выдра, сэра Джон? Почему именно выдра?

Фальстаф

Потому, что она ни рыба ни мясо, и мужчина даже не знает, с какой стороны к ней подступиться.

Хозяйка

Ты сущий клеветник, ежели смеешь так говорить: ты и всякий другой мужчина отлично знаете, с какой стороны ко мне подступиться. Ах ты, мерзавец этакий!

Принц Генрих

Ты права, хозяйка, он на тебя жестоко клеветает.

Хозяйка

Он и на вас клеветает, милорд; он говорил на этих днях, что вы ему задолжали тысячу фунтов.

Фальстаф

Тысячу фунтов, Хел? Нет, целый миллион! Ведь твоя любовь стоит миллиона, а ты мне должен свою любовь.

Хозяйка

И еще, милорд, он обозвал вас болваном и грозился вас поколотить.

Фальстаф

Говорил я это, Бардольф?

Бардольф

И впрямь говорили, сэра Джон.

Фальстаф

Ну да, если он скажет, будто перстень у меня медный.

Принц Генрих

Я и говорю: он медный. А ну-ка, посмеешь ли ты исполнить свою угрозу?

Фальстаф

Знаешь, Хел, будь ты обыкновенным человеком, я бы посмел; но, поскольку ты принц, я боюсь тебя, как боюсь рычащего львенка.

Принц Генрих

А почему не как льва?

Фальстаф

Как льва, надо бояться самого короля. Или, ты думаешь, я стану тебя бояться, как твоего отца? Ну нет, лопни мой пояс, если стану.

Принц Генрих

О, если бы это случилось, брюхо отвисло бы у тебя до самых колен. Ах, негодяй, у тебя в утробе нет места ни для верности, ни для правды, ни для честности — она вся набита кишками да потрохами. Обвинять честную женщину в том, что она обчистила тебе карманы! Ах ты, ублюдок, бесстыжий разбухший мерзавец! Назови меня подлецом, если у тебя в карманах было хоть что-нибудь, кроме трактирных счетов, адресов публичных домов да грошового леденца от одышки. Ничего, кроме этой дряни, там не было. И все-таки ты стоишь на своем и не хочешь отказаться от своей лжи! И тебе не стыдно?

Фальстаф

Послушай, Хел, ты ведь знаешь, что Адам пал в дни невинности. Как же не пасть бедному Джеку Фальстафу в наш порочный век? Ты видишь, плоти у меня больше, чем у других людей, а потому и слабости у меня больше. — Так ты признаешься, что обчистил мои карманы?

Принц Генрих

Выходит, что дело было так.

Фальстаф

Хозяйка, я прощаю тебе. Ступай приготовь поскорее завтрак. Люби мужа, присматривай за прислугой, ублажай гостей. Ты должна признать, что я всегда готов выслушать разумные доводы. Видишь, я уже успокоился. Как, опять? Уходи, ради бога!

Хозяйка уходит.

Ну, Хел, что нового при дворе? Как, друг мой, обошлось дело с грабежом?

Принц Генрих

О мой драгоценный ростбиф, я, как всегда, твой ангел-хранитель. Деньги возвращены пострадавшим.

Фальстаф

Не люблю я, когда возвращают деньги: только двойная работа.

Принц Генрих

Теперь я помирился с отцом и могу делать все что хочу.

Фальстаф

Ну так ограбь сию же минуту казну.

Бардольф

Сделайте это, милорд.

Принц Генрих

Я достал тебе, Джек, место в пехоте.

Фальстаф

Я предпочел бы служить в кавалерии. Где бы мне разыскать ловкого грабителя, славного вора лет этак двадцати двух? Мне чертовски нужны деньги. Благодарение богу, эти мятежники не трогают никого, кроме порядочных людей. Честь и слава им за это!

Принц Генрих

Бардольф!

Бардольф

Милорд!

Принц Генрих

Вот это письмо доставь моему брату, принцу Джону Ланкастерскому, а другое — лорду Уэстморленду.

Бардольф уходит.

Ну, Пето, на коней! Ведь нам нужно сегодня до обеда проскакать тридцать миль.

Пето уходит.

Джек, жди меня завтра в Темплъ-Холле, в два часа.

Там ты свое получишь назначение,

Приказ и деньги на снабжение войск.

Страна в огне. Высоко враг парит.

Ему иль нам паденье предстоит.

(Уходит.)

Фальстаф

Отменные слона! Прекрасный мир!

Эй, завтрак! Барабаном стань, трактир!

(Уходит.)

АКТ IV

СЦЕНА 1

Лагерь мятежников под Шрусбери.

Входят Хотспер, Вустер и Дуглас.

Хотспер

Прекрасно сказано, шотландец славный!

И, если б не казалась лестью правда

В наш хитрый век, такую бы хвалу

Вы приняли, какую в наши дни

Не оценен был ни один воитель

На рынке славы. Господом клянусь,

Не льстец я, вкрадчивая речь претит мне,

Но заняли вы в сердце у меня

Почетнейшее место; так поймите

Меня на слове и проверьте это.

Дуглас

Вы доблести король!

Нет на земле такого властелина,

Которому не дал бы я отпора.

Хотспер

Прекрасно, так и надо...

Входит гонец с письмом.

Хотспер

Что за письма?

(Дугласу.)

Мне остается вас благодарить.

Гонец

От вашего отца, милорд.

Хотспер

Как? От него? Что ж сам он не приехал?

Гонец
Не может он приехать — тяжело болен.
Хотспер
Черт побери! Нашел когда хворать
В такие дни горячие! А кто
Ведет его войска? Кто их возглавил?
Гонец
Письму, не мне его известны мысли.
Вустер
Так граф сейчас в постели, говоришь?
Гонец
Дня за четыре пред моим отъездом
Он слег, милорд; когда я отправлялся,
Врачи за жизнь его весьма боялись.
Вустер
Сперва бы дал он исцелиться веку,
Потом хворал бы сам. Его здоровье
Нам дорого сейчас, как никогда.
Хотспер
Теперь хворать! Теперь слабеть! Болезнью
Он заразил все наше начинанье;
Она сюда проникнет, в лагерь наш.
Он пишет мне, что помешал недуг
И что не смог посланьями так скоро
Собрать друзей и не считал возможным
Довериться хотя б одной душе
В таком ответственном, опасном деле.
И все ж он смелый нам дает совет:
Хоть сил немного, дело продолжать,
Чтоб испытать Фортуны благосклонность.
Теперь уж поздно отступать, он пишет:
Ведь государь, наверно, извещен
О наших планах. — Ваше мнение, лорды?
Вустер
Хворь твоего отца — для нас увечье.
Хотспер
Да, рана тяжкая; один из членов
Отрублен. Впрочем, нет, не так уж вредно
Его отсутствие, как мне казалось.
Разумно ль ставить на один удар
Все достоянье наше? Доверять
Такую ставку крупную капризу
Слепому случая? Нет, неразумно;
Тем самым исчерпали б мы до дна
Свои надежды, подошли б к пределу,
Границам счастья нашего...
Дуглас
Вы правы.
Теперь же есть у нас в виду подмога,
И можем смело тратить мы в надежде
На будущие блага:
Возможность отступленья скрыта здесь.

Хотспер
Прибежище для нас и место сбора
На случай, если черт иль час недобрый
Прекрасную затею нашу сглазит.
Вустер
Все ж предпочел бы я, чтоб он был с нами.
По своему характеру наш план
Единства требует. Причин не зная,
Подумать могут, что удержан граф
Благоразумьем, верностью монарху
Иль неприязнью к нашим начинаньям.
Вполне возможно, что такая мысль
Союзников приток приостановит,
В них зародив сомнения и страх.
Вы знаете: оружие поднимая,
Должны мы устранить пытливость мысли
И все отверстия заткнуть и щели,
Чтоб глаз рассудка нас не подстерег.
Задержка графа, приподняв завесу,
Непосвященным ужасы откроет,
Что им не снились.

Хотспер
Далеко зашли вы.
Нет, нам его отсутствие на пользу;
Оно придаст затее славной блеску,
Величья и геройства; станут думать,
Что если мы без помощи его
Вступить в борьбу решились с королевством,
То с помощью отца перевернули б
Страну вверх дном. Итак, все хорошо,
И все суставы наши невредимы.

Дуглас
Не пожелаешь лучшего. У нас
В Шотландии не знают слова «страхи».
Входит сэр Ричард Вернон.

Хотспер
Кузен мой Вернон, я вам рад, клянусь.

Вернон
Дай бог, чтоб весть моя была вам и радость.
С отрядом семитысячным подходит
Граф Уэстморленд, и с ним идет принц Джон.

Хотспер
Ну, не беда. Что дальше?

Вернон
Я узнал,
Что самолично выступил король
И направляется сюда поспешно
С большим, отлично снаряженным войском.

Хотспер
Добро пожаловать! Где ж принц Уэльский,
Пустоголовый, буйный ветрогон,
Что сообща с беспутными друзьями

Весь мир послал к чертям?
Вернон
Все в латах, в перьях,
Как ястребы, что по ветрам летят:
Крылами встряхивают, как орлы
После купанья; в золотых доспехах
Блистают, словно образа; свежи,
Как месяц май; как солнце в летний зной,
Великолепны; как бычки, буйны;
Резвей козлят. Я видел принца Гарри:
С опущенным забралом, в гордых латах,
В набедренниках, над землей взлетев
Меркурием крылатым, так легко
Вскочил в седло, как будто с облаков
Спустился ангел — укротить Пегаса
И мир пленить посадкой благородной.
Хотспер
Довольно! Хуже мартовского солнца
Грозят хвалы такие лихорадкой.
Пускай приходят; явятся, как жертвы.
К закланью убранные; принесем
Их, теплых и кровавых, в дар войне
Увитой дымом огнеокой деве.
Марс, по уши в крови, в броне, пусть сядет
На свой алтарь. Я весь горю, узнав,
Что так близка богатая добыча,
Но все еще не наша. — Эй, коня!
Пускай стрелою громовой на принца
Меня помчит! Столкнувшись — Гарри с Гарри
И конь с конем; — сраженья не прервем,
Пока один не рухнет мертвецом.
Ах, будь Глендаур здесь!
Вернон
Есть еще известья.
Я слышал, проезжая через Вустер:
Он в две недели войск собрать не может.
Дуглас
Вот худшая из новостей.
Вустер
Клянусь,
Повеяло морозом от нее.
Хотспер
А сколько войск всего у короля?
Вернон
Да тысяч тридцать.
Хотспер
Пусть хоть сорок будет!
Хотя отца с Глендауром нет, в день славный
Одни с врагом мы вступим в бой неравный.
Идемте, смотр войскам дадим скорей;
День судный близится, — умрем бодрей.
Дуглас

Про смерть не говорите мне; поверьте,
Я на полгода защищен от смерти.
Уходят.

СЦЕНА 2

Проезжая дорога близ Ковентри.

Входят Фальстаф и Бардольф.

Фальстаф

Бардольф, ступай вперед, в Ковентри, и раздобудь мне бутылку хереса. Наш отряд пройдет через город без остановки; нынче вечером мы должны быть в Сеттон-Копхилле.

Бардольф

Вы дадите мне денег, капитан?

Фальстаф

Покупай на свои, на свои.

Бардольф

Бутылка хереса обойдется в ангел.

Фальстаф

Если тебе попадется ангел, возьми его себе за труды; даже если двадцать ангелов, бери их все; за чекан я отвечаю. Скажи моему лейтенанту Пето, чтобы он ждал меня на окраине города.

Бардольф

Слушаю, капитан. Прощайте. (Уходит.)

Фальстаф

Будь я маринованной селедкой, если я не стыжусь своих солдат. Я чертовски злоупотребил королевским приказом о вербовке: вместо полтораста солдат я набрал триста с лишним фунтов. Я вербовал только зажиточных хозяев, фермерских сынков, выбирал обрученных молодчиков, которых уже два раза оглашали в церкви, или таких изнеженных трусов, которым барабанный бой страшнее черта и которые боятся мушкетного выстрела. как зарезанная курица или подстреленная дикая утка. Я вербовал только маменькиных сынков, у которых храбрости в душе с булавочную головку, и все они откупились от службы; и теперь отряд мой состоит из прапорщиков, капралов, лейтенантов и ефрейторов, оборванных, как Лазарь на обоях, у которого псы богача лизут струпья. Все они отроду не были солдатами; это проворовавшиеся служащие, младшие сыновья младших братьев, беглые трактирные слуги да разорившиеся трактирщики — ржавчина долгих лет мира; они в десять раз обтрепаннее старого знамени. Этим сбродом я заменил откупившихся от службы. Можно подумать, что я набрал полторы сотни одетых в лохмотья блудных сыновей, которые еще недавно пасли свиней и питались помоями и отбросами. Какой-то дуралей, встретившийся мне по дороге, сказал, что я обобрал все виселицы и нантербовал покойников. Свет еще не видывал таких пугал. Ясное дело, я не могу провести их через Ковентри; ведь мерзавцы бредут раскорячившись, точно у них на ногах кандалы. Да и впрямь большинство из них я набрал по тюрьмам. Во всем моем отряде едва найдется полторы рубахи, да и то половинка рубахи состоит из двух салфеток, сшитых вместе и наброшенных на плечи на манер безрукавки глашатая, а цельная рубаха, по правде сказать, украдена у хозяина харчевни в Сент-Олбенсе или у красноногого трактирщика в Девентри. Ну, да это не беда, они раздобудут сколько угодно белья на любом заборе.

Входят принц Генрих и Уэстморленд.

Принц Генрих

Ну как дела, разбухший Джек? Как дела, перина?

Фальстаф

А, Хел! Как дела, шалопай? Какой черт занес тебя в Уорикшир? Добрейший лорд Уэстморленд, прошу прощенья: я полагал, что ваша милость уже в Шрусбери.

Уэстморленд

По правде сказать, сэр Джон, мне давно пора там быть, да и вам тоже. Впрочем, войска мои уже там. Да будет вам известно, что король ждет нас всех. Нам придется маршировать всю ночь напролет.

Фальстаф

Ба! На мой счет будьте спокойны: я бдителен, как кот, который хочет полакомиться сливками.

Принц Генрих

Именно так, полакомиться сливками; ведь благодаря этому, ты и сам превратился в масло. Но скажи мне, Джек, чьи это молодцы идут за нами?

Фальстаф

Мои, Хел, мои.

Принц Генрих

Никогда в жизни я не видал такого жалкого сброда.

Фальстаф

Ба! Они достаточно хороши, чтобы истыкать их копьями. Пушечное мясо, пушечное мясо! Они заполнят могилу не хуже других. Смертные люди, братец ты мой, смертные люди!

Уэстморленд

Да, но мне кажется, сэр Джон, что у них уж чересчур голодный и изнуренный вид: они прямо-таки похожи на нищих.

Фальстаф

Что до нищеты, ей-богу, не знаю, где они ее набрались, а что касается худобы, то я уверен, что они научились ей не у меня.

Принц Генрих

Не у тебя, готов поклясться, если только не называть худобой слой жира в три пальца на ребрах. Однако надо спешить, друзья мои: Перси уже выступил.

Фальстаф

Как! Король уже разбил лагерь?

Уэстморленд

Да, сэр Джон. Боюсь, как бы нам не опоздать.

Фальстаф

Ладно.

К началу пира и к концу боя спешат

Проворный гость и ленивый солдат.

Уходят.

СЦЕНА 3

Лагерь мятежников близ Шрусбери.

Входят Хотспер, Вустер, Дуглас и Вернон.

Хотспер

Мы вступим в бой сегодня.

Вустер

Невозможно.

Дуглас

Врагу на пользу будет промедленье.

Вернон

Нисколько.

Хотспер

Что вы говорите мне?

Иль подкреплений он не ждет?

Вернон

Мы — тоже.
Хотспер
Но он дождется их, а мы — едва ли,
Вустер
Совет мой вам: в бой нынче не вступать.
Вернон
Не следует, милорд.
Дуглас
Плох ваш совет:
Он страхом, слабостью внушен.
Вернон
Граф Дуглас,
Не клеветите! Я клянусь вам жизнью
И подтвердить готов своею жизнью,
Что, коль ведет меня святая честь,
Такой же мне советник бледный страх,
Как вам и как любому из шотландцев,
Покажет завтра битва, кто из нас
Трусливей.
Дуглас
Иль сегодня!
Вернон
Как хотите.
Хотспер
Сегодня в ночь!
Вернон
Поймите, это невозможно. Право,
Дивлюсь, что вы, столь славные вожди,
Не видите препятствий к наступленью.
Кузен мой Вернон с конницей не прибыл.
Лишь нынче Вустера войска пришли,
И спит сейчас в солдатах гордый пыл,
Усталостью притуплена отвага,
И в каждом всаднике лишь четверть силы.
Хотспер
Но конница врага в таком же виде:
Измучена, ослаблена походом,
А наша уж порядком отдохнула.
Вустер
У короля гораздо больше войска.
Племянник, ради бога, подождем,
Пока все наши силы будут в сборе.
Звуки труб, возвещающие прибытие парламентаря. Входит сэр Блент.
Блент
Я к вам от государя с доброй вестью,
Коль встречу здесь почтительный прием.
Хотспер
Привет, сэр Уолтер Блент. Свидетель бог,
Хотел бы я, чтоб вы примкнули к нам.
Вы дороги иным из нас, и, право,
Досадно им, что вы, при всех заслугах
И добром имени, сейчас не с нами,

А заодно с заклятыми врагами.
Блент
Избави бог уйти из их рядов
В годину бед, когда, презрев свой долг,
Вы боретесь с помазанником божьим.
Но к делу. Государь велел узнать,
В чем недовольство ваше и зачем вы
Из лона мира вызвали вражду,
Жестокости уча народ покорный.
Коль вашими заслугами король
Мог пренебречь — он их высоко ценит,
Поведайте, чем недовольны вы,
И ваши все желания сейчас же
Исполнит он и подарит прощенье
И вам и всем, кто вовлечен в крамолу.
Хотспер
Король ваш добр; мы знаем, что король
Умеет выбрать час для обещаний
И для расплат. Отец, я сам и дядя
Ему вручили королевский сан.
Когда лишь двадцать человек с ним было,
В глазах у света был он слаб, ничтожен,
Изгнанник жалкий, кравшийся домой,
На берегу его отец мой встретил.
Когда же он поклялся перед богом
С невинными слезами, пылкой речью,
Что прибыл он сюда лишь как Ланкастер
Принять свой лен, вступить в свои права,
Отец по доброте, его жалея,
Ему помочь дал слово и сдержал.
Когда все лорды и бароны края
Узнали, что к нему Нортемберленд
Примкнул, — они явились на поклон,
И крупные и мелкие, встречали
Его в деревнях, селах, городах.
Теснились на мостах и на дорогах,
Дары вручали, приносили клятву,
Наследников ему в пажии давали,
Его сопровождали по пятам
Толпою раззолоченной. И вскоре,
Мощь осознав свою, перешагнул он
Чрез клятвы, что отверженцем несчастным
На берегу пустынном Ревенсперга
Давал отцу. И вот — подумать только!
Взял на себя он преобразовать
Эдикты и суровые указы,
Что бременем лежали на стране;
Вдруг стал кричать о злоупотребленьях,
Притворно плакать о страданьях края,
И, правосудия надев личину,
Он завладел сердцами тех, кого
На удочку ловил. Пошел он дальше:

Снес головы любимцам короля,
Которых тот оставил править краем,
В Ирландию отправившись войной...
Блент
Довольно. Не за тем сюда я прибыл,
Чтоб это слушать.
Хотспер
Я сейчас кончаю.
Потом он свергнул короля с престола,
А вслед за тем лишил его и жизни;
И тотчас край обременил налогом.
А в довершение зла он потерпел,
Чтоб родственник его граф Марч — который
Сам был бы королем — в плену остался,
Покинутый без выкупа в Уэльсе.
Меня срамил он после всех побед,
Поймать меня старался чрез шпионов,
Прогнал сурово дядю из Совета,
Отца отставил в гневе от двора,
За клятвой нарушал он клятву, зло
Творил за злом — и вот принудил нас
В войне искать спасения. Мы вникли
В его права и видим: слишком шатки
Они, чтоб долго власть его терпеть.
Блент
Такой ответ доставить королю?
Хотспер
Нет: мы обсудим все же это дело.
Идите к королю, пусть даст поруку,
Что наш посол вернется невредимым,
И дядя утром сообщит ему
Условия наши. А затем прощайте.
Блент
Хотел бы, чтобы приняли вы милость.
Хотспер
Возможно, что и примем.
Блент
Дай-то бог.
Уходят.

СЦЕНА 4

Йорк, архиепископский дворец.
Входят архиепископ Йоркский и сэр Майкл.
Архиепископ
Скорей, сэр Майкл. Тот пакет с печатью
Быстрее птицы маршалу доставьте,
А этот — брату Скрупу, остальные ж
По назначенью. Если б знали вы,
Как важны письма, вы бы поспешили.
Сэр Майкл
Я содержанье их

Угадываю, добрый лорд.
Архиепископ
Возможно.
Сэр Майкл, завтра десять тысяч смертных
Судьбы своей решенья будут ждать
Под Шрусбери; как я узнал из писем,
Король, собрав поспешно много войск,
Сразится с лордом Гарри, и боюсь,
Сэр Майкл, что болезнь Нортемберленда,
На чьи войска рассчитывали так,
И вместе с тем отсутствие Глендаура,
Который также был их крепкой мышцей,
Но не пришел, удержан предсказаньем,
Боюсь, что это все ослабит Перси,
И он не примет битвы с королем.
Сэр Майкл
Мой добрый лорд, не бойтесь:
Ведь там и Дуглас и лорд Мортимер.
Архиепископ
Там Мортимера нет.
Сэр Майкл
Но есть Мордек и Вернон, Гарри Перси,
Лорд Вустер также и большая рать
Бойцов отважных, доблестных дворян.
Архиепископ
Все это так. Но все ж король собрал
Цвет рыцарства со всех концов страны:
С ним принц Уэльский и принц Джон Ланкастер,
Отважный Уэстморленд и славный Блент
И множество соратников отменных,
Прославленных, испытанных вождей.
Сэр Майкл
Милорд, поверьте, им дадут отпор.
Архиепископ
Надеюсь; но уместны спасенья.
Чтоб худшее предотвратить, спешите.
Ведь, коль победу не одержит Перси,
Король, пред тем как распустить войска,
Намерен посетить нас — он узнал,
Что в заговоре мы, — и будет мудро
Для обороны укрепиться нам.
Итак, спешите. Я пойду писать
Другим друзьям. Прощайте же, сэр Майкл.
Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Королевский лагерь под Шрусбери.
Входят король Генрих, принц Джон Ланкастерский, сэр

Уолтер Блент и сэр Джон Фальстаф.
Король Генрих
В каком кровавом блеске всходит солнце
Из-за холмов лесистых! День бледнеет
В его зловещем свете.
Принц Генрих
Южный ветер
Трубит, вещая солнца приговор,
И шелестом глухим листвы и свистом
Грозу пророчит нам и ураган.
Король Генрих
Соболезнует ветер побежденным;
Для победителей нет мрачных дней.
Трубы.
Входят Вустер и Вернон.
Ну что, лорд Вустер? Грустно, что мы с вами
Встречаемся в подобной обстановке.
Доверье наше обманули вы,
Принудив нас одежды мира сбросить
И члены старые сковать броней.
Прискорбно это все, милорд, прискорбно.
Что скажете вы нам? Иль вы решили
Войны проклятый узел развязать
И возвратиться в мирную орбиту.
Где ярким и естественным сияньем
Блестали вы? И быть вы не хотите
Явлением зловещим, метеором,
Предвестником грядущих грозных бед?
Вустер
Прошу вас выслушать меня, король.
Что до меня, я был бы рад, поверьте,
Остаток дней моих прожить в покое;
Я заявляю; не искал я распри.
Король Генрих
Вы не искали? Но откуда ж распря?
Фальстаф
Бунт на пути валялся, — он и поднял.
Принц Генрих
Молчи, молчи, сорока!
Вустер
Вы отворотили недовольный взор
От нашего семейства, государь.
А между тем, напомним, были мы
Вам первыми, ближайшими друзьями.
Я ради вас переломил свой жезл
В дни Ричарда; скакал и день и ночь,
Чтоб встретить вас, поцеловать вам руку,
Хоть по значению в стране и сану
Стоял я несравненно выше вас.
Я, брат мой и племянник возвратили
Вам родину, отважно бросив вызов
Опасностям. А вы нам поклялись

В Донкастере вы дали эту клятву,
Что посягать не станете на трон
И требовать намерены по праву
Лишь герцогство, наследье Джона Ганта.
Клялись мы в этом вам помочь. Но вскоре,
Как ливень, счастье пролилось на вас,
Поток величья хлынул; все тут было:
Отсутствие монарха, наша помощь,
Неправды тех разнузданных годин,
Страданий мнимых ваших ореол,
Противный ветер, у берегов ирландских
Так задержавший Ричарда в походе,
Что в Англии сочли его умершим.
Вы дивный рой удач не упустили.
Пленить сумели все сердца и вскоре
Добились, чтобы вам вручили скипетр.
Забыли вы донкастерскую клятву,
И хоть вскормили мы величье ваше,
Вы поступили с нами, государь,
Как с воробьем птенец кукушки злобный:
Нас принялись теснить в родном гнезде.
От нашей пищи так вы разрослись,
Что к вам любовь приблизиться не смела
Из страха быть проглоченной. Пришлось нам,
Спасаясь, быстро улететь от вас
И собирать войска. Итак, вы сами
Против себя оружие сковали
Угрозами, обидным обращением
И нарушеньем клятв, что нам вы дали
В те дни, когда был замысел ваш юн.
Король Генрих
Да, вы уже об этом разгласили;
На площадях читали и в церквах,
Чтобы наряд восстанья приукрасить
Отделкой яркою, пленяя взор
Изменчивых глупцов и недовольных,
Что, рот разинув, потирают руки
При всякой новой бурной суматохе.
Бунт не терпел от века недостатка
В дешевых красках, чтоб раскрасить цели,
И в злобных нищих, жаждущих всегда
Кровопрлитных смут и беспорядков.
Принц Генрих
В обеих армиях немало душ
За наш раздор поплатятся сурово,
Коль до борьбы дойдет. Скажите Перси,
Что принц Уэльский, вторя мненью света,
Хвалить его готов. Клянусь душою,
Коль в стороне мятеж оставить этот,
Что средь дворян не сыщется такой
Отважно юный, ревностно отважный,
Бесстрашный рыцарь, что украсить мог бы,

Как Перси, подвигами наше время.
Что до меня, то, к своему стыду,
Я до сих пор был рыцарь нерадивый,
И он такого ж мненья обо мне.
Но заявляю пред лицом монарха:
Все превосходство Перси признавая,
Его деянья громкие и славу,
Намерен я, чтоб кровь солдат сберечь,
С ним счастья попытать в единоборстве.

Король Генрих

Даем тебе согласие, принц Уэльский,
Хоть для отказа много есть причин.
Нет, Вустер, нет, мы любим свой народ,
И даже те нам дороги, которых
С дороги правой Перси совратил.
Мы предложили милость им; коль примут,
И он, и вы, и все, да каждый станет
Опять мне другом, как и я — ему.
Так передайте Перси и ответ
Мне сообщите: что предпримет он?
Но, если он не покорится, знайте:
У нас в руках возмездие и кара,
И мы прибегнем к ним. Идите с богом.
Не станем слушать ваши возраженья.
Примите, поразмыслив, предложенье.
Бустер и Вернон уходит.

Принц Генрих

Клянусь душой, они его отвергнут.
Ведь Хотспер с Дугласом, объединясь,
Дерзнут вдвоем сразиться с целым миром.

Король Генрих

Итак, к своим отрядам, полководцы!
Ответ их получив, мы бой начнем.
И помощи нам, боже, в правом деле!
Все, кроме принца Генриха и Фальстафа, уходят.

Фальстаф

Хел, если ты увидишь во время битвы, что я упал, то, пожалуйста, прикрой меня своим телом: это будет дружеская услуга.

Принц Генрих

Только колосс может оказать тебе эту дружескую услугу. Прочитай молитвы и прощай.

Фальстаф

Хотел бы я, Хел, чтобы сейчас можно было лечь спать, зная, что все кончилось благополучно.

Принц Генрих

Но ведь ты должен заплатить богу дань смерти. (Уходит.)

Фальстаф

Еще срок не пришел, и у меня нет охоты отдавать жизнь раньше времени. К чему мне торопиться, если бог не требует ее у меня? Пусть так, но честь меня окрыляет. А что если честь меня обескрылит, когда я пойду в бой? Что тогда? Может честь приставить мне ногу? Нет. Или руку? Нет. Или унять боль от раны? Нет. Значит, честь — плохой хирург? Безусловно. Что же такое честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Воздух. Хорош барыш! Кто обладает честью? Тот, кто умер в среду. А он чувствует ее? Нет. Слышит ее?

Нет. Значит, честь неощутима? Для мертвого — неощутима. Но, быть может, она будет жить среди живых? Нет. Почему? Злословие не допустит этого. Вот почему честь мне не нужна. Она не более как щит с гербом, который несут за гробом. Вот и весь сказ. (Уходит.)

СЦЕНА 2

Лагерь мятежников.

Входят Вустер и Вернон.

Вустер

О нет, племянник мой не должен знать

О добром предложенье государя.

Вернон

Пусть знает он.

Вустер

Тогда погибли мы.

Невероятно, быть того не может,

Чтоб слово данное сдержал король:

Подозревать нас будет и, бесспорно,

При случае отметит нам за обиду.

Косого взгляда с нас не спустит подозренье.

Измене доверяют, как лисе,

Что, хоть ручна и в холе за решеткой,

Все ж сохраняет предков дикий нрав.

Смотреть мы будем весело иль грустно,

Перетолкуют криво наши взоры.

И будем жить мы, как быки в хлеву:

Тем больше холят их, чем ближе смерть.

Проступок Гарри может быть забыт;

Его оправдывает юность, пыл

И прозвище, что носит он по праву,

Горячей Шпоры, движимой порывом.

Его грехи все на меня падут

И на отца: его мы воспитали,

И, раз его испорченность от нас,

Мы, как источник зла, за все заплатим.

Поэтому, кузен, пускай наш Гарри

О предложенье короля не знает.

Вернон

Скажите что угодно, — я готов

Все подтвердить. Вот он.

Входят Хотспер и Дуглас.

Хотспер

Вернулся дядя. — Лорда Уэстморленда

Освободить. — Какие вести, дядя?

Вустер

Король немедленно сраженье даст.

Дуглас

Ему пошлите вызов с Уэстморлендом.

Хотспер

Об этом, Дуглас, вы ему скажите.

Дуглас

Что ж, и скажу, скажу весьма охотно.

(Уходит.)

Вустер

Не видно милосердия в короле.

Хотспер

О нем просили вы? Помилуй бог!

Вустер

Я мягко наши изложил обиды,

Сказал, что он нарушил клятвы; он же

Солгал, поклявшись, что сдержал все клятвы;

Он называет нас бунтовщиками,

Изменниками, угрожает нас

Оружием державным покарать.

Входит Дуглас.

Дуглас

К оружию, рыцари! К оружию! Бросил

Я гордый вызов Генриху в лицо.

Отнес его заложник Уэстморленд;

Король немедля нападет на нас.

Вустер

(Хотсперу)

В присутствии монарха принц Уэльский

На поединок вызов вам послал.

Хотспер

О, если б можно было поединком

Наш спор уладить! Если б задыхаться

В бою лишь мне да принцу! Но скажи,

Как бросил Гарри вызов мне? С презреньем?

Вернон

О нет, клянусь моей душою. В жизни

Скромнее вызова я не слышал;

Казалось, брата вызывает брат

Померяться оружием в мирной схватке.

Он справедливость отдал вам во всем;

Хвалу воздал вам с красноречьем принца;

Как хроника, перечислял деянья,

Вознес вас выше всех похвал, прибавив,

Что нет похвал, заслугам вашим равных;

И с благородством истинного принца,

Краснея, начал порицать себя.

Так за распущенность себя бранил он,

Что в нем, казалось, говорили двое

Учитель и питомец. Тут он смолк;

Но всем и каждому хочу сказать,

Что, если день вражды переживет он,

Еще никто не подавал отчизне

Таких надежд, которые так резко

Противоречат буйству юных дней.

Хотспер

Кузен, мне кажется, влюбился ты

В его безумства; и жизни не слышал я

О принце, столь неистово развратном.

Но, плох он иль хорош, его сегодня

В объятья рыцарские заключу,
И содрогнется он от ласк моих.
К оружию все! Товарищи, друзья,
Солдаты, долг зажжет в вас рвенье лучше,
Чем речь моя; лишен я дара слова.
Входит первый гонец.
Первый гонец
Милорд, вот письма к вам.
Хотспер
Нет времени читать.
Друзья мои, короток жизни срок!
Но если б жизнь на стрелке часовой
Верхом скакала и чрез час кончалась,
И то сочли б мы эту краткость долгой,
Когда бы прожили ее бесславно.
Коль будем жить, так свергнем королей,
А коль умрем, погибнут с нами принцы!
Нам совесть говорит: оружие свято,
Когда за правду поднято оно.
Входит второй гонец.
Второй гонец
Милорд, король подходит; приготовьтесь!
Хотспер
Спасибо, что меня он перебил,
Не мастер говорить я. Лишь два слова:
Пусть долг исполнит каждый. Обнажаю
Свой меч, чтобы клинок его окрасить
Знатнейшей кровью, — с ней сегодня встречусь
В превратностях смертельных лютой битвы.
О Esperance! Перси! И вперед!
Пусть грозно грянут боевые трубы!
Под звуки их обнимемся, друзья!
Готов поставить небо против персти,
Что многие прощаются навек.
Трубы.
Они обнимаются и уходят.

СЦЕНА 3

Равнина между двумя лагерями.
Шум битвы.
Входят с разных сторон Дуглас и сэр Уолтер Блент.
Блент
Скажи, кто ты, что в битве так упорно
Преследуешь меня? Иль ищешь славы,
За головой моей охотясь?
Дуглас
Знай,
Я Дуглас. За тобой гоняюсь в битве
Затем, что мне сказали: ты король.
Блент
Тебе сказали правду.

Дуглас

За сходство с королем уж заплатился
Лорд Стаффорд. Я в бою пронзил его
Мечом взамен тебя. И то же, Гарри,
Тебе грозит, коль мне не сдашься в плен.

Блент

Я не затем рожден, шотландец гордый,
Чтоб в плен сдаваться. Отомстит король
За Стаффорда!

Они сражаются. Дуглас убивает Блента.

Входит Хотспер.

Хотспер

Когда бы так при Холмдоне ты бился,
Ни одного б шотландца я не взял.

Дуглас

Конец! Победа! Вот король убитый!

Хотспер

Где?

Дуглас

Здесь.

Хотспер

Здесь, Дуглас? Нет, его лицо я знаю:
То славный рыцарь был, сэр Уолтер Блент;
В таких же он доспехах, как король.

Дуглас

Так шут с твоей душой, чтоб ей погибнуть!
Ты отдал дорого за сан заемный.
Зачем себя назвал ты королем?

Хотспер

У многих королевские доспехи.

Дуглас

Клянусь, я изрублю его доспехи,
Я искрошу весь гардероб его,
Пока не встречу короля!

Хотспер

Вперед!

Войска храбры. День славу принесет.

Уходят.

Шум битвы.

Входит Фальстаф.

Фальстаф

Хоть мне и удалось ускользнуть из Лондона, не уплатив по счетам, здесь я боюсь расплаты; ведь здесь сводят счета лишь ударами по башке... Постой! Кто это такой? Сэр Уолтер Блент! Вот вы и добились чести! Разве это не суета сует? Я горяч, как расплавленный свинец, и так же тяжел. Огради бог мою утробу от свинца! Хватит с меня тяжести собственных потрохов. Я поставил своих оборванцев на такое место, где их живо искрошили; из полутораоста остались в живых лишь трое, да и те годны теперь лишь на то, чтобы остаток дней просить милостыню у городских ворот. Но кто это идет сюда?

Входит принц Генрих.

Принц Генрих

Что ты стоишь здесь праздно? Дай мне меч.

Немало рыцарей лежат недвижно,

И враг хвастливый попирает их
Копытами коней; отмщу за них. Дай меч.
Фальстаф

О Хел, прошу тебя, дай мне перевести дух. Сам султан Григорий не совершал таких
бранных подвигов, как я сегодня. Я разделался с Перси: он вышел из строя.

Принц Генрих
Ну нет, он в строю и намерен тебя убить. Одолжи мне, пожалуйста, свой меч.
Фальстаф

Нет, видит бог, Хел, если Перси еще жив, ты не получишь моего меча. Если хочешь,
возьми мой пистолет.

Принц Генрих
Давай мне его. Как? Он в кобуре?

Фальстаф
Да, Хел, он горяч, так горяч, что может сжечь целый город.
Принц Генрих вытаскивает из кобуры бутылку хереса.

Принц Генрих
Теперь не время для забав и шуток!
(Швыряет в Фальстафа бутылку и уходит.)
Фальстаф

Ладно, если Перси жив, я задам ему перцу. Конечно, если он попадется мне под руку.
Если же нет, если я сам ему подвернусь, — пусть превратит меня в ростбиф. Не надо мне
такой заgrabной чести, какой добился сэра Уолтер Блент. Я хочу жить, и, если смогу спасти
жизнь, — отлично, если же нет, то честь придет незваной, и тогда всему конец. (Уходит.)

СЦЕНА 4

Другая часть поля сражения.
Шум битвы. Стычки.
Входят король Генрих, принц Генрих, принц Джон
Ланкастерский и Уэстморленд.

Король Генрих
Прошу тебя,
Мой Гарри, удались; ты весь изранен.
И ты уйди с ним вместе, Джон Ланкастер.

Принц Джон
Нет, государь, пролью сперва я кровь.

Принц Генрих
Молю вас, государь, вернитесь к войску,
Отсутствием своим друзей смутите.

Король Генрих
Сейчас пойду.
Тебя проводит Уэстморленд в палатку.

Уэстморленд
Идемте, принц, я вас сведу в палатку.

Принц Генрих
Меня, милорд? Мне помощь не нужна.
Не приведи господь, чтоб принц Уэльский
Из-за царапины покинул поле,
Где в прахе трупы рыцарей лежат
И торжествуют в бойне бунтари!

Принц Джон
Довольно отдыхать, лорд Уэстморленд.

Зовет нас долг — идемте, ради бога!
Принц Джон и Уэстморленд уходят.
Принц Генрих
Клянусь, в тебе ошибся я, Ланкастер:
Не знал я, что в тебе столь гордый дух.
Джон, раньше я любил тебя как брата
Теперь ты мне души моей дороже.
Король Генрих
Я видел, как спой меч скрестил он с Перси,
Отважный пыл являя, необычный
В столь юном воине.
Принц Генрих
О, этот мальчик
Нас окрыляет всех.
(Уходит.)
Входит Дуглас.
Дуглас
Опять король! Как головы у гидры,
Они растут! Я Дуглас, роковой
Для всех, носящих латы короля!
Кто ты, принявший короля обличье?
Король Генрих
Я сам король. Скорблю дутою, Дуглас,
Что до сих пор мои встречал ты тени,
Но не меня. Моих два юных сына
Тебя и Перси ищут в вихре битвы.
Но коль тебя я, к счастью, повстречал,
С тобой в борьбе померюсь. Защищайся!
Дуглас
Боюсь, что вновь передо мной подделка.
Но все ж себя ты держишь королем.
Уверен я, ты — мой, кто б ни был ты.
С тобой справлюсь!
Сражаются. В ту минуту, когда королю угрожает опасность,
возвращается принц Генрих.
Принц Генрих
Шотландец мерзкий, повернись ко мне,
Иль впредь не повернешь ты головы!
В мое оружие вселились души
Отважных Шерли, Стаффорда и Блента.
Тебе бросает вызов принц Уэльский,
Который верен слову своему.
Они сражаются. Дуглас бежит.
Принц Генрих
Что с вами, добрый государь? Мужайтесь!
Сэр Никлас Гауси помощи просил,
А также Клифтон: я к нему спешу.
Король Генрих
Постой, передохни немного.
Ты доказал, придя ко мне на помощь,
Что жизнь моя тебе небезразлична.
Принц Генрих

О боже, как меня оклеветали
Твердившие, что жажду вашей смерти!
Ведь если б было так, я прочь ушел бы
И с Дугласом оставил вас одних,
А он своею дерзостной рукой
Так быстро причинил бы вам конец,
Как самый смертоносный в мире яд,
Меня избавив от трудов преступных.
Король Генрих
Ты, Гарри, к Клифтону спеши, я — к Гауси.
(Уходит.)
Входит Хотспер.
Хотспер
Коль не ошибся я, ты — Гарри Монмут.
Принц Генрих
Иль ждешь, чтоб я от имени отрекся?
Хотспер
Я — Гарри Перси.
Принц Генрих
Значит, пред собой
Мятежника прославленного вижу.
Я — принц Уэльский; и не думай, Гарри,
Что впредь со мной делить ты будешь славу:
Двум звездам не блистать в одной орбите,
И принц Уэльский вместе с Гарри Перси
Не могут властвовать в одной стране.
Хотспер
Сказал ты правду: смертный час пробьет
Для одного из нас, — и я хотел бы,
Чтоб славой, Гарри, ты был равен мне!
Принц Генрих
Я превзойду тебя на этом поле.
Сорву я лавры с шлема твоего,
Свое чело победно увенчаю.
Хотспер
Не потерплю я твоего бахвальства!
Сражаются.
Входит Фальстаф.
Фальстаф
Здорово сказано, Хел! Валяй, Хел! Да, это тебе не детская игра, смею тебя уверить!
Возвращается Дуглас; он сражается с Фальстафом, который падает,
притворившись мертвым.
Дуглас уходит.
Хотспер
(падает раненый)
О Гарри, ты мою похитил юность!
Охотней я расстанусь с брэнной жизнью,
Чем с блеском доблести, что отнял ты.
Мне это ранит мысль больней, чем тело.
Но мысль — рабыня жизни, жизнь — игрушка
Для времени, а время — страж вселенной
Когда-нибудь придет к концу. О, мог бы

Пророчества теперь я изрекать,
Но хладная рука тлетворной смерти
Связала мне язык. Нет, Перси, ты
Лишь пища для...
(Умирает.)
Принц Генрих
Червей, отважный Перси. Гордый дух,
Прощай! Как быстро сжалось честолюбье,
Подобно дурно сотканной одежде!
Когда вмешало это тело дух,
Ему и королевства было мало,
Теперь же двух шагов земли презренной
Ему достаточно. Здесь, на земле,
В живых нет равного тебе героя!
Когда б ты мог внимать моей хвале,
Ее так щедро я не расточал бы.
Я искаженные твои черты
Прикрою шарфом и, обряд свершив
Прекрасной дружбы, от тебя воздам
Я сам себе за это благодарность.
Прощай! Возьми хвалы с собой на небо,
А твой позор с тобой уснет в могиле,
Не будет в эпитафии помянут.
(Замечает Фальстафа, лежащего на земле.)
А, старый друг! Как! В этой груди мяса
Нет капли жизни? Бедный Джек, прощай?
Ты мне дороже был мужей достойных.
О, я уход оплакивал бы твой,
Когда б не распростился с суетой.
Столь жирной дичи смерть не поражала,
Хоть многим славным в битве взор смежала.
Пока тебя не выпотрошат, Джон,
Покойся тут, в кровь Перси погружен.
(Уходит.)
Фальстаф

Выпотрошат! Если меня сегодня выпотрошат, то завтра я тебе разрешаю посолить меня и съесть. Черт подери, вовремя я прикинулся мертвым, иначе этот неистовый шотландец мигом вышиб бы из меня дух. Притворился? Ну, это я соврал: и не думал я притворяться. Умереть — вот это значит притвориться, потому что тот, в ком нет жизни, — лишь подобие человека. Но притвориться мертвым, в то время как ты жив, значит вовсе даже и не притворяться, а быть подлинным и совершенным воплощением жизни. Главное достоинство храбрости — благоразумие, и именно оно спасло мне жизнь. Черт возьми, я таки побаиваюсь этого головореза Перси, хоть он и мертв. А что если он тоже притворился и вдруг возьмет да встанет? Ей-богу, боюсь, как бы он не оказался еще большим притворщиком, чем я. Поэтому лучше уж я добыю его; а потом стану клясться, что это я его убил. Почему бы ему не встать, как это сделал я? Меня могут обличить только глаза, а здесь меня никто не видит. Поэтому вот тебе, братец! (Колет труп.) А теперь, после этой новой раны в бедро, прошу пожаловать за мной. (Взваливает труп Хотспера себе на спину.)

Входят принц Генрих и принц Джон Ланкастерский.

Принц Генрих

Идем, брат Джон; ты девственный свой меч

Отважно кровью обагрил.

Принц Джон
Постой!
Что это? Разве мне не говорил ты,
Что видел толстяка сегодня мертвым?

Принц Генрих
Ну да, его я видел мертвым;
Лежал он весь в крови и бездыханный.
Ты жив? Иль то игра воображенья?
Заговори! Коль слух не подтвердит,
Одним глазам не верим. Ты не призрак?
Фальстаф

Ну нет, я Джек Фальстаф без всякого обмана, и нет у меня никакого двойника. Вот ваш Перси. (Бросает труп на землю.) Если ваш отец вознаградит меня по заслугам, отлично; если же нет, то пускай сам убивает второго Перси. Я рассчитываю теперь стать либо графом, либо герцогом, смею вас уверить.

Принц Генрих
Как так? Я сам убил Перси, а тебя видел мертвым.

Фальстаф
В самом деле? Боже, боже, до чего изолгался свет! Не отрицаю, я лежал на земле бездыханным, и он тоже; но мы вскочили оба в один и тот же миг и сражались добрый час по шрусберийским часам. Если ты мне веришь, отлично, если же нет — да падет грех на голову тех, кто должен был бы вознаградить доблесть! Умереть мне на месте, если я не нанес ему вот эту рану в бедро! Если бы он ожил и стал отрицать это, я заставил бы его проглотить кусок своего меча.

Принц Джон
Я в жизни не слышал чудней рассказа.

Принц Генрих
Я не встречал чуднее молодца.
Берн свой груз и с важностью тащи.
Что до меня, раз ложь тебе на пользу,
Ее согласен я раззолотить.
Трубят отбой.
Трубят отбой. Победу мы стяжали.
Взойдем на холм, брат Джон, чтоб увидеть,
Кто из друзей остался жив, кто пал.
Принц Генрих и принц Джон уходят.

Фальстаф
Пойду за ними, — кажется, речь идет о награде. Награди боже того, кто меня наградит! Если меня возвеличат, я уменьшусь в объеме, потому что стану принимать слабительное, брошу пить херес и буду жить прилично, как подобает вельможе. (Уходит.)

СЦЕНА 5

Другая часть поля сражения.
Трубы.
Входят король Генрих, принц Генрих, принц Джон
Ланкастерский, Уэстморленд и другие; за ними Вустер
и Вернон под стражей.
Король Генрих
Всегда мятеж встречает воздаянье.
Зловредный Вустер! Иль не предлагали
Мы всем прощенье в ласковых словах?

Зачем ты извратил посланье наше,
Доверьем Перси злоупотребив?
Три наших рыцаря убиты нынче;
Отважный граф и воинов немало
Остались бы в живых,
Когда бы честно ты, по-христиански
Переговоры вел меж двух сторон.
Вустер
Себя спасая, так я поступил.
Спокойно я приму свою судьбу,
Раз неизбежное меня постигло.
Король Генрих
Его и Вернона казнить немедля;
Решим потом других виновных участь.
Вустер и Вернон уходят под стражей.
Что там на поле битвы?
Принц Генрих
Когда увидел благородный Дуглас.
Что отвернулось счастье от него.
Что славный Перси пал и что бегут
Его солдаты, — обратился в бегство,
Но сорвался с горы и так расшибся,
Что был захвачен в плен. В моей палатке
Теперь граф Дуглас. Государь, прошу вас,
Позвольте мне распорядиться им.
Король Генрих
Даю согласие от души.
Принц Генрих
Брат Джон,
Тебе предоставляю эту честь:
Отправься к Дугласу и отпусти
Без выкупа шотландца на свободу.
Он мужество свое запечатлел
На шлемах наших нынче, научив нас
И во врагах геройство уважать.
Принц Джон
Благодарю вас, брат, за порученье;
Его исполню я без промедленья.
Король Генрих
Теперь должны мы войско разделить.
Ты, сын мой Джон, и ты, мой Уэстморленд,
Со всей поспешностью направьтесь в Йорк
Навстречу Скрупу и Нортемберленду,
Поднявшим меч, как сообщили нам.
Мы с принцем Гарри двинемся в Уэльс
Сразиться с графом Марчем и Глендауром.
В стране угаснет мятежа пожар,
Коль встретит он второй такой удар.
Не отдохнем, на путь победный встав,
Пока не возвратим всех наших прав.
Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Действующие лица. Все царствование Генриха IV (1399–1413) было рядом интриг, заговоров и восстаний. Недовольные первым королем феодалы распространяли слух, что Ричард II жив, или же выдвигали кандидатуру на престол Эдмунда Мортимера младшего, которого Ричард II еще в 1385 году объявил своим наследником и которого Генрих IV держал в строгом заключении в Тауэре. Первое большое восстание против короля был поднято в 1403 году крупнейшими феодальными властителями севера Англии, семьей Перси — графом Нортемберлендом, его сыном Генри Перси, прозванным за свою пылкость Хотспером (Горячая Шпора), и братом Нортемберленда Вустером. Их союзниками оказались: архиепископ Йоркский Скруп, шотландский граф Арчиболд II Дуглас и крупнейший из князьков Уэльса Глендаур вместе со старшим Эдмундом Мортимером (дядей претендента), который незадолго перед тем женился на дочери Глендаура. Истинной причиной восстания было недовольство семьи Перси Генрихом IV, которому они помогли отнять престол у Ричарда II. Хотя он и осыпал их всяческими наградами и милостями, все же, последовательно осуществляя абсолютистскую политику, он ограничил влияние на государственные дела этой типично феодальной семьи, стремившейся к тому, чтобы управлять королем и страной. Внешним поводом к восстанию послужило требование, предъявленное королем к Хотсперу, отдать захваченных им в сражении шотландских баронов. Мятежники были разгромлены в кровопролитной битве при Шрусбери 21 июля 1403 года.

Второе крупное восстание было поднято в 1405 году графом Нортемберлендом (который после предыдущего восстания был прощен королем, ввиду того что в последнюю минуту по не вполне ясным причинам он уклонился от прямого выступления), лордом Бардольфом, лордом Маубреем и архиепископом Йоркским. Против последних двух выступила армия второго сына короля, Джона Ланкастерского, который 29 мая разбил мятежников около г. Йорка и казнил архиепископа и Маубрея. Против Нортемберленда и Бардольфа двинул войска сам король, но они, уклонившись от боя, бежали сначала в Шотландию, затем в Уэльс. Только в 1408 году, когда они снова попытались поднять восстание в Йорке, причем натолкнулись на сопротивление местного шерифа, они 19 февраля были убиты в сражении при Брамхем-Муре. Что касается Глендаура, то, скрываясь в горах северного Уэльса, он продолжал оказывать отчаянное сопротивление до самой своей смерти в 1416 году.

Принц Генрих, которому в момент захвата его отцом власти было двенадцать лет, не только согласно анонимной пьесе о нем, но и по свидетельству Холиншеда и всех других старых историков, отличался в юности крайней распущенностью. Современник Шекспира Стоу сохранил предание об участии юного принца в одном ограблении, весьма похожем на изображенное в первой части пьесы. Король очень любил сына, осыпал его милостями и, между прочим, подарил ему в 1410 году в Лондоне дом поблизости от вполне исторической харчевни "Кабанья голова". Он старался привлечь юношу к государственным делам, но тот убежал из дворца и беспутничал в «фальстафской» компании. В 1402 году принцу Генриху было поручено (конечно, фиктивное, под руководством опытных военачальников) командование армией, действовавшей против Глендаура, а в следующем году он отличился в битве при Шрусбери, хотя и не убивал в ней лично Хотспера, так же как не спасал жизнь отцу от меча Дугласа. Генрих IV до самой смерти страдал от дурного поведения сына, и нелады между ними обострялись еще слухами о том, что принц Генрих жаждет смерти отца, чтобы поскорее взойти на престол.

В первоначальной редакции обеих частей пьесы Фальстаф (такова традиционная, сохраняемая нами форма этого имени, которая по-английски произносится — Фолстаф) именовался, как и в "Славных победах Генриха V", сэром Джоном Олдкаслом. Это было имя одного рыцаря начала XV века, который принадлежал к секте лоллардов (предшественников

пуритан) и жестоко пострадал за свои убеждения. Папистская традиция превратила этого весьма достойного человека в плута и труса. Согласно преданию, его потомки, увидев его изображенным таким образом в шекспировской пьесе, заявили протест, и по требованию Елизаветы Шекспир подставил вместо его имени имя другого, также весьма достойного рыцаря. Джона Фастолфа (1378–1439), который уже раньше был изображен большим трусом в первой части "Генриха VI" (III, 2 и III, 4), лишь слегка изменив на этот раз форму имени. Однако следы имени Олдкасла сохранились в пьесе. В первой части, сцена 1, 2, принц Генрих называет Фальстафа "my old lad of the castle" (в буквальном переводе: "мой старый парень из замка"), что получает смысл только тогда, когда мы соединим вместе второе и последнее слово. В тексте 1-го кварто второй части перед одной из реплик Фальстафа стоит Old, то есть Oldcastle. Но отчетливее всего замена имени засвидетельствована в конце эпилога к части второй. Тем не менее «олдкасловская» традиция продолжала еще жить и после этой замены. В 1600 году была издана анонимная пьеса "Сэр Джон Олдкасл", в прологе которой говорится: "Мы изображаем не бездельника и обжору, а добродетельного человека". Еще в 1618 году Нетеньел Филд вспоминал "толстого рыцаря, высокого Олдкасла". Несомненно поэтому, что, вопреки печатному тексту еще долгое время во многих постановках шекспировской пьесы "толстый рыцарь" в силу актерской традиции именовался Олдкаслом.

Все спутники Фальстафа — лица вымышленные.

В пьесе, особенно во второй части, встречается немало смысловых имен. Хозяйка трактира носит имя Куикли (Quickly), что значит «быстро», "живо", Тершит (Tearsheed) — "рвущая простыни", Пистоль — «пистолет». Имена двух судей означают: Шеллоу (Shallow) "пустой", Сайленс (Silence) — «молчок». Имена двух полицейских: Фенг (Fang) — «коготь», Снер (Snare) — «силок». Имена рекрутов, сплошь смысловые, поскольку с ними связаны многочисленные каламбуры, мы в тексте даем в переводе.

Часть первая

Арчиболд, граф Дуглас. — Между английским родом Перси и шотландским родом Дугласов была давняя вражда.

Истчип — название улицы в Лондоне, где находились таверны, харчевни и лавки мясников.

...нами управляет, как и морем, благородная и целомудренная владычица Луна... — Луна — "владычица вод", потому что она управляет морскими приливами и отливами. Она также покровительница разбойников, так как они совершают свои нападения и грабежи ночью.

Гибла — город в Сицилии, славившийся своим медом.

...разве не сладко тебе будет прогуляться за решеткой в куртке из буйволовой кожи? — Куртки из буйволовой кожи носили тюремщики.

...как ноющая линкольнширская волынка. — Многие бродячие волынщики были родом из Линкольншира.

...если я сравню тебя с зайцем или с мрачным Мурским рвом? — Заяц (по причине своей "трусости") считался «меланхолическим» животным. Мурский ров, отделявший Лондон с северной стороны от пригорода, был полон грязной воды и примыкал к болотам, а потому производил мрачное впечатление.

"Премудрость вопиет на стогах, и никто не внемлет ей". — Изречение из библейских «Притч» Соломона. Стогна — городская площадь или широкая улица.

Нед — уменьшительная форма от имени Эдуард.

...всем быть у Гедсхила. — Здесь Гедсхил — название местности, с которым случайно совпало имя Гедсхила — персонажа, появляющегося в пьесе дальше.

Кентербери — город со знаменитым монастырем, куда массами направлялись богомольцы.

Рочестер — город, во времена Шекспира насчитывавший около двух тысяч жителей. Через Рочестер проходила дорога из морского порта Довера в Лондон.

Болингброк — так звался Генрих IV до своего восшествия на престол.

...они повстречаются с молодцами святого Николая. — Святой Николай считался покровителем странствующих школяров, всяких бродяг и, наконец, воров и грабителей.

Среди нас есть такие троянцы... — троянцам (первоначальное значение доблестные воины, герои) стали в шутку называть разбойников.

Ступай повесься на своей королевской подвязке! — Шуточный намек на орден Подвязки, которым, по мнению Фальстафа, принц Генрих должен был обладать.

Входит Хотспер, читая письмо. — Хотспер читает письмо, полученное от его союзника, графа Денбара Марча.

Василиски и кулеврины — старинные типы пушек.

Esperance (франц. — надежда) — девиз, начертанный на гербе дома Перси.

...настоящий коринфянин. — Жители Коринфа (в Древней Греции) были известны распущенностью нравов. Отсюда коринфянин — шуточное обозначение пьяницы и бездельника.

...с могу пьянствовать с любым медником". — Медники считались большими пьяницами (ср. медника Слая в "Укрощении строптивой").

Пинта — мера жидкостей, немногим более полулитра.

Комната Полумесяца. — Отдельные комнаты или залы в тогдашних гостиницах и тавернах носили особые названия, дававшиеся им по какой-нибудь детали убранства или орнамента на стенах или потолке. Немного ниже упоминается Гранатовая комната.

...кусоч сахара, что ты мне дал, стоит пенни... — В те времена многие любили подслащивать вино сахаром. Для этой цели трактирные слуги всегда имели при себе пакетики с сахаром.

...в кожаной куртке со стеклянными пуговицами, гладко обстриженного, с агатовым перстнем на пальце, в серых чулках с подвязками из шерстяных лент... — Довольно типичный костюм зажиточного горожанина того времени. Принц Генрих имеет в виду хозяина гостиницы,

В Берберии, сэр, это так скоро не делается. — Берберия — область на северном побережье Африки, Принц Генрих говорит слова, лишённые всякого смысла, только чтобы задержать Франсиса.

"Rivo!" — Смысл и происхождение этого восклицания, часто раздававшегося в лондонских трактирах того времени, неясны.

В херес опять подмешана известь. — Трактирщики добавляли в плохое вино известь, чтобы отбить его кислый вкус.

Хотел бы я быть ткачом — распевал бы себе псалмы и тому подобное. Многие ткачи того времени были пуританами, которые постоянно распевали псалмы.

Ты мог действовать огнем и мечом... — Огнем принц называет огненно-красный нос Бардольфа.

Амамон — имя беса, будто бы побежденного Глендауром.

Синие шапки — прозвище шотландцев.

...с о страстью, на манер царя Камбиза. — Здесь и дальше — сатирические намеки на черзвычайно насыщенную трагедию «Камбиз», написанную актером Престоном около 1570 года. Две стихотворные цитаты, которые немного ниже произносит Фальстаф, взяты из этой трагедии.

Меннингтрийский бык. — Город Меннингтри славился крупным рогатым скотом,

Порок, Безбожие, Тщеславие — аллегорические фигуры, выводившиеся в средневековых нравоучительных пьесах ("моралите").

...тощие фараоновы коровы — намек на библейский рассказ о том, как однажды египетский фараон увидел во сне семь тучных и семь тощих коров, причем последние пожрали первых. Этот сон предвещал Египту семь урожайных, а затем семь неурожайных лет.

Собор святого Павла — лондонский собор, нередко служивший местом встреч для

заклучения торговых и иных сделок.

Галлон — мера жидких тел. около четырех литров.

Бангор — город в северном Уэльсе.

Ланкастер — здесь — король Генрих IV.

Шрусбери — главный город графства Шропшир (западная Англия, на границе с Уэльсом).

Мерлин — легендарный уэльский поэт и мудрец, живший, по преданию, в VI в. н. э., во времена сказочного короля Артура. На его «предсказаниях», сфабрикованных в значительно более позднюю эпоху, уэльсцы долгое время основывали свои надежды в борьбе за независимость против англичан.

Гриф — сказочное чудовище, имевшее будто бы туловище льва, а голову и крылья орла.

...прилечь на этом мягком тростнике... — В Англии того времени, даже во дворцах, полы вместо ковров устилались тростниками.

...а музыканты, что играть нам станут, за сотни миль от нас в пространстве реют... — Глендаур говорит о духах, услаждающих слух людей своей волшебной музыкой.

Финсбери — место гулянья на окраине Лондона.

...я вспоминаю об адском пламени и о богаче, который при жизни всегда одевался в пурпур... — Намек на евангельский рассказ о богаче, который при жизни роскошествовал, а после смерти попал в ад.

Саламандра — сказочное животное, будто бы живущее в огне.

Девка Марианна. — На народных праздниках нередко разыгрывались сценки на сюжет сказаний о благородном разбойнике Робине Гуде и его возлюбленной Марианне.

Огнеокая дева — Беллона, в римской мифологии — богиня войны, сестра Марса.

День судный. — По христианским верованиям, день, когда наступит конец мира, и мертвые, восстав из могил, явятся на суд перед богом.

Ангел — старинная английская золотая монета стоимостью в 10 шиллингов.

Лазарь — прокаженный нищий, который упоминается в евангелии.

...младшие сыновья младших братьев. — Существовал обычай (отчасти сохранившийся в буржуазных странах до наших дней и нередко закреплявшийся законом), по которому имущество, особенно недвижимое, переходило от отца к старшему сыну. Поэтому "младшие сыновья младших братьев" оказывались вдвойне обездоленными.

...блудных сыновей, которые еще недавно пасли свиней и питались помоями и отбросами. — Блудный сын — юноша, о котором рассказывается в евангелии; растратив в дурной компании полученное наследство, он дошел до такой нищеты, что был вынужден питаться помоями, которые давали свиньям.

Лен — земельное владение, дарованное королем и переходившее после этого из поколения в поколение по наследству.

...пакет с печатью... маршалу доставьте... — Имеется в виду лорд Маубрей, выведенный во второй части "Генриха IV".

Султан Григорий. — Фальстаф в шутку дает турецкому султану христианское имя. Здесь это намек на папу Григория VII, являвшегося для англичан ненавистной фигурой.

А. Смирнов

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Молва (Пролог).

Король Генрих IV.

Генрих, принц Уэльский,

впоследствии король Генрих V
Томас, герцог Кларенс — его сыновья.
Джон, принц Ланкастерский
Хемфри, принц Глостер
Граф Уорик
Граф Уэстморленд
Граф Серри • приверженцы короля.
Гауэр
Харкорт
Блент
Верховный судья.
Помощник верховного судьи.
Граф Нортемберленд
Ричард Скруп, архиепископ Йоркский
Лорд Маубрей • противники короля.
Лорд Хестингс
Лорд Бардольф
Сэр Джон Кольвиль
Треверс
• приближенные Нортемберленда.
Мортон
Сэр Джон Фальстаф.
Паж Фальстафа.
Бардольф.
Пистоль.
Пойнс.
Пето.
Шеллоу
• деревенские судьи.
Сайленс
Деви, слуга Шеллоу.
Плесень
Тень
Бородавка • рекруты.
Мозгляк
Бычок
Фенг
• помощники шерифа.
Снер
Леди Нортемберленд.
Леди Перси.
Миссис Куикли, хозяйка трактира в Истчипе.
Долль Тершит.
Танцовщик (Эпилог).
Лорды, свита, офицеры, солдаты,
привратник, полицейские, гонцы,
слуги, сторожа, конюхи и т. д.
Место действия — Англия.

ПРОЛОГ

Уоркуорт. Перед замком Нортемберленда.

Входит Молва в одежде, сплошь разрисованной языками.

Молва

Внимайте все. Кто зажимает уши,
Когда гремит Молвы громовый голос?
Я к западу понурому с востока
На ветре мчусь, как на коне почтовом,
И разглашаю обо всех деяньях,
Готовых совершиться на земле.
На языках моих трепещет ложь:
Ее кричу на всех людских наречьях,
Слух наполняя вздорными вестями.
Про мир толкую, а меж тем вражда
С улыбкой кроткой втайне мир терзает.
И кто, как не Молва, кто, как не я,
Велит собрать войска для обороны,
Когда утроба времени чревата
Иной бедой, а не войной свирепой,
Как думается вам? Молва — труба;
В нее дудят догадки, подозренья
И зависть; так легко в нее трубить,
Что даже страшный многоглавый зверь
Изменчивая, бурная толпа
На ней играет. Но зачем я стану
Здесь разбирать по косточкам себя?
Я мчусь пред королем, победу славя,
Что на кровавом поле шрусберийском
Он одержал над Хотспером младым,
Огонь восстанья дерзкого залив
Повстанцев кровью. Почему, однако,
Я вздумала сказать вам сразу правду?
Должна я раструбить, что Гарри Монмут
Пал от меча прославленного Перси
И что сраженный Дугласом король
Склонился гордой головой пред смертью.
Я разгласила это по селеньям
От царственного поля Шрусбери
До ветхих стен, источенных червями,
Где Хотспера отец Нортемберленд
Лежит в притворной хвори. Мчатся к замку
Усталые гонцы и все приносят
Лишь вести, что слышали от меня,
Из лживых уст Молвы рассказ отрадный,
Что много хуже правды беспощадной.
(Уходит.)

АКТ I

СЦЕНА 1

Там же.

Входит лорд Бардольф.

Лорд Бардольф

Эй! Кто ворота стережет? Где граф?
Привратник отворяет ворота.
Привратник
Как графу доложить о вас?
Лорд Бардольф
Скажи:
Лорд Бардольф ожидает здесь его.
Привратник
Их милость прогуляться в сад пошли.
Благоволите постучать в ворота,
И граф ответит лично вам.
Входит Нортемберленд.
Лорд Бардольф
Вот он.
Привратник уходит.
Нортемберленд
Что скажете, лорд Бардольф? Каждый миг
Кровавые события порождает.
Година смут! Раздор, как борзый конь,
Раскормленный, порвал узду и бурно
Несется вскачь, все на пути круша.
Лорд Бардольф
Граф благородный, я из Шрусбери
Известья верные привез.
Нортемберленд
Дай бог
Вестей хороших!
Лорд Бардольф
Лучших не бывает.
Король едва ли не смертельно ранен;
Убит на месте вашим храбрым сыном
Принц Гарри; оба Блента сражены
Рукою Дугласа, принц юный Джон
Бежал со Стаффордом и Уэстморлендом;
А боров Гарри Монмута — сэр Джон
Взят лордом Перси в плен. Такой победой,
Такой борьбой, деяньями такими
Еще не украшались времена
С дней Цезаря.
Нортемберленд
Откуда эти вести?
Вы были в Шрусбери? На поле битвы?
Лорд Бардольф
Я говорил с приехавшим оттуда
Почтенным, родовитым дворянином.
Ручался он за правду слов своих.
Нортемберленд
А вот и Треверс, мой слуга; во вторник
За новостями я его отправил.
Входит Треверс.
Лорд Бардольф
Милорд, я обогнал его в дороге,

И знает он не более того,
Что от меня ему пришлось услышать.
Нортемберленд
Ну, Треверс, чем порадуешь ты нас?
Треверс
Милорд, меня с пути вернул назад
С хорошей вестью сэр Джон Эмфревиль.
Он обскакал меня, затем что конь
Под ним резвее был. Но вот я вижу:
Другой несется всадник вслед за ним
Во весь опор, измученный; коня
Остановил, чтоб дать ему вздохнуть
И у меня узнать дорогу в Честер.
Спросил я о вестях из Шрусбери.
Ответил он, что сломлено восстанье
И шпора Перси юного остыла.
Тут, опустив поводья и нагнувшись,
До половины шпоры он вонзил
В дрожащие бока несчастной твари
И вскачь ее пустил, не дожидаясь
Моих расспросов, словно пожирая
Пространство.
Нортемберленд
Что такое? Повтори!
Сказал он, что остыла шпора Перси?
Он из Горячей Шпоры стал Холодной?
Восстанье сломлено?
Лорд Бардольф
Милорд, поверьте:
Когда ваш сын не одержал победы,
Готов отдать я все свои владенья
За шелковый шнурок, — клянусь в том честью;
И не о чем тут больше толковать.
Нортемберленд
Но почему тот встречный дворянин
О пораженье сообщил?
Лорд Бардольф
Но кто он?
То, верно, был какой-то проходимец,
Что на коне ворованном скакал;
Сказал он наобум. Вот новый вестник.
Входит Мортон.
Нортемберленд
Его лицо, как лист заглавный книги,
Трагическую повесть предвещает;
Так берег выглядит, когда оставил
На нем следы набег мятежных волн.
Скажи мне, Мортон, ты из Шрусбери?
Мортон
Из Шрусбери бежал я, славный лорд,
Где маску грозную надела смерть,
Чтоб наших утратить.

Нортемберленд
А что же сын мой?
И брат? Ты весь дрожишь, и бледность щек
Скорее, чем язык, про все расскажет.
Такой же вестник, слабый, павший духом,
Смертельно бледный, сломленный печалью,
Во тьме ночной отдернул полог ложа
Царя Приама, чтоб ему поведать,
Что в пламени пол-Трои; но Приам
Огонь увидел прежде слов гонца.
Так я — смерть Перси раньше, чем ты молвил.
Ты скажешь: "Сын ваш то свершил и это,
Так бился брат ваш, так достойный Дуглас",
Хвалами жадный слух мой оглушая;
Потом, чтоб оглушить меня совсем,
Прервешь единым вздохом похвалы,
Сказав: "Ваш брат, и сын, и все убиты".

Мортон
Нет, Дуглас жив, и жив наш брат покамест,
Но, что до сына вашего...
Нортемберленд
Он мертв!
Ты видишь, как догадлива тревога.
Кто услышать боится весть дурную,
Чутьем в глазах другого прочитает,
Что совершилось то, чего страшился.
Все ж, Мортон, говори; скажи, что граф твой
Предчувствием обманут, — и желанной
Ошибке я порадуюсь и щедро
Тебя за ту обиду награжу.

Мортон
Вы слишком высоки, чтоб вам перечить:
Ваш страх не без причин, вы не ошиблись.
Нортемберленд
И все ж не говори, что Перси мертв.
В твоих глазах признание читаю.
Ты головой качаешь, словно правду
Сказать грешно иль страшно. Коль убит он,
Скажи; не оскорбит меня язык,
Который сообщит про смерть его.
Грех оболгать умершего; не грех
Сказать, что нет в живых того, кто умер.
Однако приносить дурные вести
Неблагодарный долг, и речь гонца
Как погребальный колокол звучит,
Нам возвещающий кончину друга.
Лорд Бардольф
Не верится, милорд, что сын ваш мертв.
Мортон
Мне горько, что я должен убедить
Вас в том, чего бы не хотелось видеть.
Но видел сам я: Хотспер, весь в крови,

Усталый, тяжело дыша, с трудом
Удары принца Гарри отражал,
Чей натиск яростный его повергнул,
Досель никем не сломленного, наземь,
Откуда не поднялся он живым.
Скажу я кратко: смерть того, чей дух
Последних трусов зажигал отвагой,
Едва о ней распространилась весть,
Пыл отняла у самых закаленных;
Его огонь в сталь наших превращал;
Когда ж его померкло пламя, все
В свинец тупой, тяжелый обратились.
И как тяжеловесные предметы,
Когда их бросят, с быстротой летят,
Так наше войско с тяжким горем в сердце
Такую легкость в страхе обрело,
Что с поля ринулось, ища спасенья,
Быстрее летящих к цели стрел. Тогда
Был слишком рано в плен захвачен Вустер,
А разъяренный, кровожадный Дуглас,
Чей грозный меч три раза убивал
Подобье короля, утратил храбрость
И, к беглецам примкнув, их стыд украсил.
Во время бегства, оступившись в страхе,
Он взят был в плен. Король в конечном счете
Победу одержал и против вас
Направил спешно войско с принцем Джоном
И Уэстморлендом. Вот и все известья.
Нортемберленд
Довольно будет времени для скорби.
Лекарством служит яд. Будь я здоров,
От этой вести я бы захворал;
Больного же, она меня целит.
И как бедняга, сломленный горячкой,
Чьи ноги подгибаются, как прутья,
Под ношей жизни, вдруг в бреду, как пламя,
Из рук сиделки рвется, — так и я,
От мук ослабнув, в муках нахожу
Тройную силу! Прочь, костыль презренный!
Чешуйчатой перчаткою стальной
Одену руку! Прочь, колпак больного,
Защита слабая для головы,
Которая теперь мишенью служит
Остервенелым от победы принцам!
Железом увенчайте мне чело,
И пусть нагрянет самый грозный час,
Какой обрушат время и вражда
На разъяренного Нортемберленда!
Пускай целуют землю небеса!
Пускай рука природы даст простор
Морским волнам! Порядок пусть погибнет!
И пусть не будет больше мир ареной

Для медленно возрастающей вражды.
Но пусть дух Каина в сердца вселится:
Тогда все ринутся в кровавый бой,
Придет конец трагедии ужасной
И похоронит сумрак мертвецов.
Треверс
Вам вредно горячиться так, милорд.
Лорд Бардольф
Не порывайте, граф, с благоразумьем.
Мортон
Жизнь ваших всех приверженцев зависит
От вашего здоровья: предаваясь
Безумной скорби, сгубите себя.
Милорд, вы, прежде чем сказать: "К оружию!"
Все взвесили превратности войны
И все случайности. Вы допускали,
Что сына мог сразить удар смертельный;
Вы знали, что шагает он над бездной
И что легко ему сорваться вниз;
Известно было вам, что тело сына
Доступно ранам, что отважный дух
Помчит его в кипенье битвы, — все же
Сказали вы: "Ступай!" — и не смогли
Поколебать все эти опасенья
Решенье твердое. Так что ж случилось?
Иль принесло восстанье что-нибудь,
Чего бы не могли предвидеть вы?
Лорд Бардольф
Мы все, страдающие с вами знали,
Что в бурные пускаемся моря,
Где шансов больше в десять раз, что мы
Погибнем все, — и все же мы решились,
Желанных ради благ пренебрегая
Опасностью, грозившей нам. Мы смяты,
Но вновь дерзнем, рискнув добром и жизнью.
Мортон
Да, самая пора! Мой славный лорд,
Я слышал (достоверен этот слух),
Что уж собрал архиепископ Йоркский
Прекрасно снаряженные войска.
И этот пастырь узами двойными
Теперь связал приверженцев своих.
Вел за собой ваш сын тела — лишь тени,
Подобия людей, — затем что слово
"Восстанье" разделило дух и тело;
Они дрались насильно, против воли,
Как пьет больной микстуру, и казалось,
На нашей стороне лишь их мечи;
Но, что до их ума и сердца, слово
"Восстанье" их совсем заледенило,
Как рыбу в озере мороз. Теперь же
Архиепископ освятил мятеж:

Святым и праведным его считают,
И увлекает он и дух и тело.
Он кровью Ричарда кропит повстанцев,
Соскобленную с помфретских камней;
Придал он распре вид небесной кары;
Твердит, что ходит по земле кровавой,
Стенающей под гнетом Болингброка,
И стар и млад идут за ним толпой.
Нортемберленд
Я знал об этом, но, сказать по правде,
Из памяти все вытеснило горе.
Пойдемте и обсудим сообща
Пути отмщенья, средства обороны.
Пошлем гонцов, — друзья прийти должны.
Как мало их и как они нужны!
Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Улица.

Входит сэръ Джон Фальстаф в сопровождении пажа, который несет его меч и щит.

Фальстаф

Ну, великан, что сказал доктор про мою мочу?

Паж

Он сказал, сэръ, что моча сама по себе хорошая, здоровая моча, но что до ее владельца, то ему и невдомек, сколько в нем сидит разных болезней.

Фальстаф

Всякого рода люди за честь почитают позубоскалить на мой счет. Мозг человека — этого плохо слепленного комка глины — неспособен выдумать ничего смешного, кроме того, что выдумал я или что выдуманно на мой счет. Я не только сам остроумен, но и пробуждаю остроумие в других. Вот я сейчас иду перед тобой, похожий на свинью, которая сожрала всех своих поросят, кроме одного. Или я ничего не понимаю, или принц дал мне тебя в слуги только для того, чтобы рядом с тобой я казался еще тучнее. Ах ты, поганый корешок мандрагоры! Тебе больше пристало бы торчать у меня на шляпе, чем таскаться за мной по пятам. Никогда в жизни не прислуживал мне человек ростом с агат на перстне. Но я оправлю тебя не в золото и не в серебро, а в самую дрянную одежду и отошлю тебя назад, под видом драгоценного камня, твоему господину драгоценному принцу, у которого пух еще не вырос на подбородке. Скорее у меня вырастет борода на ладони, чем у него на лице, — а он еще утверждает, что у него королевский вид. Когда-нибудь, вероятно, господь его доделает, но до сих пор у него нет ни одного лишнего волоска, и все сходство его с королевским лицом на монетах только в том, что цирюльник не заработает на нем и шести пенсов. А все же он петушится, словно уже тогда считался мужчиной, когда отец его был еще холостяком. Он может быть самого высокого мнения о своей особе, но в моих глазах он здорово упал, да будет ему это известно. — Ну, что же сказал мистер Домблдон насчет атласа мне на епанчу и на шаровары?

Паж

Он сказал, сэръ, что вы должны достать себе поручителя получше, чем Бардольф. Он не хочет принять ни вашу, ни его расписку: ему мало такого обеспечения.

Фальстаф

Чтоб ему угодить в ад, как богачу в притче! Чтоб у него язык присох к гортани! Ах ты, проклятый Ахитофель! Ах ты, окаянный "будьте любезны"! Водить джентльмена за нос

обещаниями — и вдруг потребовать обеспечения? Эти сладкоречивые мерзавцы ходят теперь не иначе как в высоких сапогах и со связкой ключей у пояса, а когда человек хочет честно взять у них товар в долг, они требуют обеспечения! Я скорей позволю набить себе рот крысиным ядом, чем проглочу это поганое слово «обеспечение»! Я ждал, что он пришлет мне, как благородному рыцарю, двадцать два ярда атласа, а он мне: «обеспечение»! Да, уж ему-то обеспечен спокойный сон, потому что у него на лбу — рог изобилия, сквозь который просвечивает распутство его жены. А он того не видит, хоть у него и есть собственный фонарь. — Но где же это Бардольф?

Паж

Он отправился в Смитфилд покупать для вашей милости коня.

Фальстаф

Я купил его самого в соборе святого Павла, а он купит мне коня в Смитфилде. Если я еще добуду жену в публичном доме, у меня будет славный слуга, славный конь и славная жена.

Входит Верховный судья с помощником.

Паж

Сэр, вот идет джентльмен, который посадил принца под арест за то, что тот ударил его из-за Бардольфа.

Фальстаф

Уйдем скорей, я не хочу с ним встречаться.

Верховный судья

Кто это там уходит?

Помощник

Фальстаф, с разрешения вашей милости.

Верховный судья

Это тот, что обвинялся в грабеже?

Помощник

Тот самый, милорд; но с тех пор он отличился под Шрусбери и теперь, как я слышал, отправляется с каким-то поручением к принцу Джону Ланкастерскому.

Верховный судья

Как, в Йорк? Верните его.

Помощник

Сэр Джон Фальстаф!

Фальстаф

Мальчик, скажи ему, что я глух.

Паж

Говорите громче: хозяин мой глуховат.

Верховный судья

Я не сомневаюсь, что он глух ко всему хорошему. Пойдите троньте его за локоть: мне надо с ним поговорить.

Помощник

Сэр Джон...

Фальстаф

Как? Такой молодой парень и просит милостыню? Разве теперь не военное время? Разве не найдется для тебя работы? Или королю не нужны верноподданные? А мятежники не нуждаются в солдатах? Хотя и срам быть на стороне врагов короля, но попрошайничать еще худший срам, чем быть на стороне самого худшего в мире мятежа.

Помощник

Вы ошиблись на мой счет, сэр.

Фальстаф

Как, сэр? Разве я сказал, что вы честный человек? Оставляя в стороне мою рыцарскую и воинскую честь, я солгал бы, если бы это сказал.

Помощник

Прошу вас, сэр, оставляя в стороне вашу рыцарскую и воинскую честь, разрешите мне сказать вам, что вы лжете, говоря, что я нечестный человек.

Фальстаф

Чтобы я позволил тебе это сказать? Чтобы я оставил в стороне то, что срослось со мной? Пусть меня повесят, если я тебе это позволю! А если ты себе это позволишь, то пусть тебя самого повесят! Прочь, паршивая ищейка! Проваливай!

Помощник

Сэр, милорд желает с вами поговорить.

Верховный судья

Сэр Джон Фальстаф, на два слова.

Фальстаф

Мой добрый лорд! Да пошлет господь всяких благ вашей милости! Я счастлив видеть вашу милость на прогулке. Я слышал, что вы, ваша милость, были больны. Надеюсь, что ваша милость вышли на прогулку по совету врача. Хотя вы, ваша милость, еще не переступили пределов молодости, но все-таки уже в зрелых годах и, так сказать, вкусили горечи лет; поэтому я почтительно прошу вашу милость заботиться о своем драгоценном здоровье.

Верховный судья

Сэр Джон, я посылал за вами перед тем, как вы отправились в Шрусбери.

Фальстаф

С разрешения вашей милости, я слышал, что его величество изволил возвратиться из Уэльса несколько недовольный.

Верховный судья

Речь идет не о его величестве. Вы не пожелали явиться, когда я за вами посылал.

Фальстаф

И еще я слышал, что с его высочеством приключилась эта самая проклятая апоплексия.

Верховный судья

Пошли ему бог здоровья! А теперь позвольте мне поговорить с вами.

Фальстаф

Насколько я могу судить, апоплексия — это нечто вроде летаргии, с вашего разрешения, нечто вроде сонливости крови, какая-то окаянная чесотка.

Верховный судья

Зачем вы все это мне говорите? Оставьте апоплексию в покое.

Фальстаф

Источником ее бывает сильное горе, чрезмерные занятия и расстройства мозга. Я читал о причине ее появления у Галена: это род глухоты.

Верховный судья

По-видимому, вы страдаете этим недугом, ибо вы не слышите, что я вам говорю.

Фальстаф

Превосходно сказано, милорд, превосходно! Скорее, с разрешения вашей милости, я страдаю болезненным нежеланием слушать, недугом невнимания к тому, что мне говорят.

Верховный судья

Посадить бы вас в колодки, так вы живо бы исцелились от невнимания. Признаться, я охотно бы стал вашим врачом.

Фальстаф

Я беден, как Иов, милорд, но не так терпелив, как он. Ваша милость можете ввиду моей бедности прописать мне порцию тюремного заключения, но хватит ли у меня терпения выполнить ваши предписания — в этом мудрец может усомниться не на какой-нибудь грош, а на добрый червонец.

Верховный судья

Я посылал за вами, когда вам предъявили обвинение, грозившее вам смертью.

Фальстаф

А я не явился по совету одного законоведа, знатока сухопутного уложения.

Верховный судья

Дело в том, сэръ Джон, что вы ведете распутный образ жизни.

Фальстаф

Всякий, кто пощеголял бы в моем поясе, не мог бы затянуться потуже.

Верховный судья

Средства ваши ничтожны, а траты огромны.

Фальстаф

Я предпочел бы, чтобы было наоборот: чтобы средства были огромны, а траты ничтожны.

Верховный судья

Вы совратили молодого принца с пути истинного.

Фальстаф

Молодой принц сам совратил меня: я был толстобрюхим слепцом, а он собакой-поводырем.

Верховный судья

Хорошо, я не намерен беречь только что зажившую рану. Ваши заслуги в день битвы при Шрусбери несколько загладили наши ночные подвиги в Гедсхиле. На ваше счастье, времена сейчас неблагоприятные, потому все так благополучно и сошло вам с рук.

Фальстаф

Милорд...

Верховный судья

Раз уж все улажено, то впредь ведите себя смирно — не будите спящего волка.

Фальстаф

Будить волка так же неприятно, как нюхать след лисицы.

Верховный судья

Вы похожи на свечу, большая часть которой уже сгорела.

Фальстаф

На пудовую сальную свечу, милорд; можно было бы сравнить меня и с восковой свечой, с тех пор как я войсковой начальник,

Верховный судья

Хоть бы седая борода устыдила этого повесу!

Фальстаф

Да, я всех превзошел по весу, по весу, по весу.

Верховный судья

Вы всюду следуете за молодым принцем, как его злой ангел.

Фальстаф

Не совсем так, милорд: дурной ангел легковесен, а уж про меня этого никак не скажешь. Однако хоть я и полновесная монета, надо признаться, я теперь не очень-то в ходу. Ничего не поделаешь! Добродетель так мало ценят в наш торгашеский век, что истинным храбрецам остается только водить медведей. Ум человеческий превратился в трактирщика и тратит свою изобретательность на составление счетов. Все остальные дарования, присущие человеку, так заражены пороками нашего времени, что стали дешевле крыжовника. Вы уже старик и не понимаете, на что способны мы, молодежь. Вы судите о жаре нашей крови по горечи вашей желчи. А мы, находясь в авангарде молодежи, признаюсь, склонны иногда к сумасбродству.

Верховный судья

И вы причисляете себя к молодежи, когда старость наложила на вас свою неизгладимую печать? Разве у вас не слезятся глаза? Не сухие ладони? Не желтое лицо? Не седая борода? Не опавшие икры и не разбухший живот? Разве у вас не сиплый голос, не короткое дыхание, не двойной подбородок и не половинный ум? Все в вас одряхло от

старости, а вы еще смеете называть себя молодым? Стыдитесь, стыдитесь, сэр Джон!

Фальстаф

Милорд, я родился в три часа пополудни с белой головой и довольно-таки круглым животом. Что до моего голоса, то я потерял его от приветственных возгласов и пения церковных гимнов. Не стану приводить вам других доказательств моей молодости. Дело в том, что я стар только умом и рассудительностью; а если кто захочет побиться со мной об заклад на тысячу марок, кто из нас двоих лучше прыгает, пусть выкладывает денежки, и посмотрим, чья возьмет! Что до пощечины, которую закатил вам принц, то он дал ее как невежливый принц, а вы приняли ее как благоразумный лорд. Я пожурил его за это, и молодой лев кается — правда, не облачившись в рубище и не посыпав главу пеплом, а надев новый шелковый камзол и попивая старый херес.

Верховный судья

Пошли господь принцу лучшего приятеля!

Фальстаф

Пошли господь приятелю лучшего принца! Никак не могу от него отделаться.

Верховный судья

Впрочем, король разлучил вас с принцем Гарри. Я слышал, вас посылают с принцем Джоном Ланкастерским против архиепископа и графа Нортемберленда.

Фальстаф

Да, этим я обязан вашей несказанной любезности. Но прошу всех вас, остающихся дома в сладостных объятиях мира, — молитесь, чтобы армии наши встретились в не слишком жаркий день, потому что, клянусь господом, я беру с собой только две рубашки и вовсе не желаю слишком сильно потеть. Если день выдастся жаркий и я буду размахивать чем-нибудь другим, кроме бутылки, пусть мне никогда больше не плевать белой слюной! Не успеет завариться опасное дело, как меня тотчас же бросают туда. Но ведь я не бессмертен. Однако так уж у нас, англичан, истари повелось: раз уж нам подвернется что-нибудь хорошее, мы обязательно это затрепем. Если, по-вашему, я старик, то меня следовало бы оставить в покое. Видит бог, я желал бы, чтобы мое имя не нагоняло такой страх на врага. Я предпочту быть изъеденным ржавчиной, чем быть изничтоженным от постоянного употребления.

Верховный судья

Ну, будьте честным человеком, будьте честным, и да благословит господь ваш поход.

Фальстаф

Не одолжит ли мне ваша милость тысячу фунтов на обмундирование?

Верховный судья

Ни одного пенни, ни одного пенни. У вас слишком обременена совесть, чтобы взваливать на вас бремя нового долга. Счастливого пути! Передайте привет моему кузену Уэстморленду.

Верховный судья и его помощник уходят.

Фальстаф

Пусть меня отдуют трехпудовой колотушкой, если я это сделаю. Старость так же неразлучна со скупостью, как юность с распутством. Зато стариков терзает подагра, а юношей язвит Венера, так что обоим возрастам достается и без моих проклятий! — Эй, мальчик!

Паж

Что прикажете, сэр?

Фальстаф

Сколько там у меня в кошельке?

Паж

Семь гротов и два пенса.

Фальстаф

Никак не найду лекарства от карманной чахотки. Займы только затягивают эту

болезнь, — она неизлечима. — Отнеси вот Это письмо принцу Ланкастерскому, а это — старой миссис Урсуле, которой я каждую неделю даю клятву на ней жениться, с тех пор как у меня в бороде появился первый седой волос. Ну, пошел! Ты знаешь, где найти меня.

Паж уходит.

Язвы Венера эту подагру, или подагра — эту Венеру! Не та, так другая пошаливает в большом пальце моей ноги. Но не беда, если я буду прихрамывать: свалю все на войну, и тем больше прав у меня будет на пенсию. Умный человек все обратит себе на пользу, и я сумею извлечь выгоду из своих недугов. (Уходит.)

СЦЕНА 3

Йорк. Архиепископский дворец.

Входят архиепископ Йоркский, лорд Хестингс, лорд Маубрей и лорд Бардольф.

Архиепископ

Теперь вам ясны наши цель и средства,

И вас прошу я высказать, друзья,

Открыто взгляд свой: ждате ли нам успеха?

Сначала вы, лорд-маршал: ваше мнение?

Маубрей

Я для восстанья нахожу причины.

Но мне хотелось бы узнать, как можем

Еще себя усилить мы, чтоб смело,

Уверенно сражение принять

С могучими войсками короля.

Хестингс

Сейчас по спискам числится у нас

Лишь тысяч двадцать пять солдат отборных,

Но сверх того значительной подмоги

Мы ждем от славного Нортемберленда,

Чей дух огнем отмщения горит.

Лорд Бардольф

Итак, теперь вопрос лишь в том, лорд Хестингс,

Возможно ль нам с наличным нашим войском

Идти в сраженье без Нортемберленда.

Хестингс

Нет, только с ним.

Лорд Бардольф

Вот в этом все и дело.

Раз без него мы чересчур слабы,

Не должно нам далеко заходить,

Пока не явится он на подмогу.

Не следует в таком кровавом деле

Догадок, вероятий допускать,

Расчетов на неверную поддержку.

Архиепископ

Милорд, вы глубоко правы; лишь это

Сгубило Хотспера под Шрусбери.

Лорд Бардольф

Вот именно; питался он мечтами,

Как воздух, обещания глотал

И тешился расчетами на войско,

Которое на деле оказалось
Ничтожнее малейшей из надежд.
Так, обольщен, подобно сумасброду,
Воображеньем буйным, войско на смерть
Повел он и, зажмурясь, прыгнул в бездну.
Хестингс
Но никогда, поверьте, не вредило
Надеяться на помощь, строить планы...
Лорд Бардольф
В такой войне, как наша, это вредно.
Когда уж все готово и в ходу,
Опасно жить надеждой. Так весною,
Когда на почки смотрим мы, надежда,
Что принесут они, созрев, плоды,
Нисколько не верней, чем опасенье,
Что их убьет мороз. Задумав строить,
Исследовать сперва мы станем почву,
Потом начертим план; когда ж готов
Рисунок дома, — вычислить должны,
Во сколько обойдется нам постройка.
Но коль превысит смета наши средства,
Что сделаем? Начертим план жилища
Размеров меньших иль затею бросим.
Тем более в таком великом деле,
Когда хотим разрушить государство
И возвести другое, мы должны
Исследовать и почву и чертеж,
Избрать фундамент прочный, расспросить
Строителей — знать средства наши, можно ль
Врага нам перевесить, а не то
Сильны мы будем только на бумаге,
Владея именами, не людьми;
И мы подобны будем человеку.
Который план строения начертит,
Но, увидав, что не хватает средств,
Оставит недостроенное зданье
Нагой скелет — на произвол дождей
И на расправу яростной зиме.
Хестингс
Допустим, что блестящие надежды
Обманут нас и не пришлют нам в помощь
Ни одного солдата, — все ж у нас
Достаточно, я полагаю, войск,
Чтоб силою померяться с монархом.
Лорд Бардольф
Как? Двадцать пять лишь тысяч у него?
Хестингс
Да, против нас не больше, даже меньше.
Ведь на три части должен был войска
Он разделить ввиду времен тревожных:
Одна пойдет с французами сражаться,
Другая — на Глендаура; нам грозит

Лишь третья. Он ослаблен разделеньем,
И пустотой его казна бренчит.

Архиепископ

Бояться нечего, что соберет он
Свои раздробленные силы вместе,
Чтоб двинуться на нас.

Хестингс

Но он тем самым,
Оставив без прикрытия свой тыл.
Позволил бы французам и уэльцам
Ему вцепиться в пятки. Быть не может!

Лорд Бардольф

Кто поведет на нас его полки?

Хестингс

Принц Джон Ланкастерский и Уэстморленд,
А на уэльцев — сам он и принц Гарри.
Но я не знаю, кто возглавит силы,
Что на французов двинутся.

Архиепископ

Приступим!

Должны мы огласить восстанья цель.
Пресытился народ любовью жадной,
И от избранника его тошнит.
Всегда непрочно, ненадежно зданье,
Основанное на любви толпы.
О чернь пустоголовая! Как шумно
Ты ввысь бросала имя Болингброка,
Когда он не был чем, чего так страстно
Ты для него желала! А теперь,
Когда наряжен он тебе по вкусу,
Ты так объелась королем, обжора,
Что хочешь изрыгнуть его. Не так ли
Ты Ричарда, презренная собака,
Извергла из утробы ненасытной?
Теперь изbleванное ищешь с воем,
Чтобы пожрать. Кому же нынче верить?
Те, что при жизни Ричарда желали
Ему кончины, в гроб его влюбились.
Ты, что бросала грязь ему в лицо,
Когда по гордым улицам столицы
Он шел, вздыхая, вслед за Болингброком
Героем дня, — теперь кричишь: "Земля,
Верни его, а Генриха возьми!"
О дух людской! Что будет иль что было
Желанно всем, а что теперь — не мило.

Маубрей

Так для похода нам войска стянуть?

Хестингс

Властитель-время нас торопит: в путь!
Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Лондон. Улица.

Входят хозяйка и Фенг со слугой мальчиком, затем Снер.

Хозяйка

Мистер Фенг, вы дали ход моей жалобе?

Фенг

Дал.

Хозяйка

Где же ваш помощник? Что он — дюжий парень? Сможет постоять за себя?

Фенг

Эй, малый, где Снер?

Хозяйка

Господи боже мой! Добрейший мистер Снер!

Снер

Вот и я! Вот и я!

Фенг

Снер, мы должны арестовать сэра Джона Фальстафа.

Хозяйка

Да, добрейший мистер Снер, я подала на него ко взысканию.

Снер

Это может стоить жизни одному из нас, потому что он пустит в ход оружие.

Хозяйка

Ох-хо-хо, берегитесь его! Он кинулся с кинжалом на меня, в моем собственном доме, да еще как яростно! Честное слово, он как выхватит оружие, так уже ни на что не смотрит, а кидается на всех как дьявол, не пощадит тебе ни мужчины, ни женщины, ни ребенка.

Фенг

Попадись он только мне, — уж я его не побоюсь.

Хозяйка

И я тоже; я буду стоять с вами рядышком.

Фенг

Лишь бы мне его сцапать, — уж я его не выпущу!

Хозяйка

Если он уедет, я совсем пропала! Даю вам честное слово, он мне страсть сколько задолжал. Добрейший мистер Фенг, держите его покрепче! Добрейший мистер Снер, смотрите не упустите его! С разрешения вашей милости, он н_е_з_а_м_е_д_л_и_т_е_л_ь_н_о отправился в Паштетный ряд покупать себе седло. А потом он о_г_л_а_ш_е_н обедать в "Л_и_п_а_р_д_о_в_у голову", что на Л_у_м_б_а_р_д_о_в_с_к_о_й улице, к мистеру Смуту, торговцу шелками. Убедительно вас прошу, раз уж моя ж_а_л_о_б_н_о_с_т_ь принята и мое дело известно на весь божий мир, поскорее притяните его к ответу. Сто марок немалые деньги для бедной одинокой женщины. И я терпела, терпела, а он все водил и водил меня за нос изо дня в день, так что и сказать стыдно. Разве честно так посыпать с женщиной? Что я — осел или скотина какая, чтобы сносить обиды от всякого? Вот он идет, и с ним этот отъявленный мошенник Бардольф, у которого нос все равно как бутылка малаги. Делайте свое дело, делайте свое дело, мистер Фенг, и вы, мистер Снер, очень, очень прошу вас, делайте свое дело.

Входят Фальстаф, паж и Бардольф.

Фальстаф

Что такое? Чья кобыла подохла? В чем дело?

Фенг

Сэр Джон, я арестую вас согласно жалобе миссис Куикли.

Фальстаф

Прочь, мерзавцы! — Обнажи свой меч, Бардольф. Снеси башку этому негодяю, а шлюху эту брось в канаву.

Хозяйка

Это меня-то в канаву? Я тебя самого брошу в канаву. Попробуй только, попробуй только, попробуй, поганый ублюдок! Спасите, режут! Ах ты, проклятый у_б_и_в_е_ц! Хочешь убить слуг божьих и королевских? Ах ты, с_м_е_р_т_о_г_у_б_и_й_ц_а! Суший с_м_е_р_т_о_г_у_б_и_й_ц_а! М_у_ж_е_у_б_и_в_е_ц — вот ты кто! И ж_е_н_о_у_б_и_в_е_ц тоже!

Фальстаф

Вышвырни их, Бардольф.

Фенг

На помощь! На помощь!

Хозяйка

Люди добрые, дайте сюда пару помочей! Не желаешь платить? Не желаешь? Не желаешь? Нет? Плати, плати, мерзавец ты этакий! С_м_е_р_т_о_г_у_б_и_в_е_ц!

Фальстаф

Пошла прочь, судомойка, потаскушка, грязнуха! Уж я поглажу тебя по мягким местам!

Входит верховный судья с полицейскими.

Верховный судья

В чем дело? Эй, не затевайте ссоры!

Хозяйка

Милостивый милорд, будьте милостивы ко мне. Умоляю вас, заступитесь за меня.

Верховный судья

Вот как, сэр Джон! Буяните вы здесь?

К лицу ли это вам при вашем сане,

В такое время? Вам давно пора

Быть на дороге в Йорк. — Эй ты, голубчик,

Оставь его! Зачем на нем повис?

Хозяйка

Ах, высокочтимый лорд, с позволения вашей милости, я бедная вдова из Истчипа, и он арестован по моей жалобе.

Верховный судья

Какую сумму он вам должен?

Хозяйка

Какую там суму, милорд? Да я сама из-за него скоро с сумой по миру пойду. Он все сожрал у меня, не оставил ни кола, ни двора; все мое достояние упрятал в свое толстое брюхо. Но погоди, я вырву из утробы хоть часть своего добра, а не то стану по ночам душить тебя, как злой дух!

Фальстаф

Ну, положим, я сам задушу духа, если навалюсь на него всем телом.

Верховный судья

Что это значит, сэр Джон? Стыдитесь! Может ли порядочный человек выдержать такую бурю ругательств? Неужели вам не совестно, что вы заставили бедную вдову прибегнуть к таким крайним мерам, чтобы вернуть свое достояние?

Фальстаф

Сколько всего я тебе должен?

Хозяйка

Истинный бог, и свою особу и уйму денег, ежели ты честный человек. Ты поклялся мне на золоченом кубке, сидя в Дельфиновой комнате за круглым столом у камина, — а было это в среду после Духова дня, когда принц разбил тебе голову за то, что ты сравнил его отца с

виндзорским певчим, — так вот, когда я промывала тебе рану, ты поклялся, что женишься на мне и сделаешь меня своей женой, знатной леди. Попробуй-ка отпираться! Помнишь, еще тогда вошла соседка Кич, жена мясника, и назвала меня кумушкой Куикли? Она пришла занять у меня немножко уксуса и сказала, что готовит славное блюдо из раков; тебе захотелось отведать их, а я тебе сказала, что, мол, раков вредно есть при открытой ране. А потом, когда она ушла, помнишь, ты мне сказал, что я не должна держать себя запросто с такой мелюзгой, да еще прибавил, что, мол, скоро они будут меня называть «миледи»? А потом ты поцеловал меня и попросил тридцать шиллингов. Я заставлю тебя присягнуть на Библии, попробуй-ка отпереться.

Фальстаф

Милорд, это несчастная помешанная; она кричит на всех перекрестках, что ее старший сын весь в вас. Раньше она жила зажиточно, а теперь, по правде сказать, повредила в уме от бедности. А что до этих дураков полицейских, то, прошу вас, избавьте меня от них.

Верховный судья

Сэр Джон, сэр Джон, я отлично знаю вашу способность извращать истину. Ни ваш самоуверенный вид, ни поток слов, который вы извергаете с наглым бесстыдством, не заставят меня отступить от строгой справедливости. Вы, как мне представляется, злоупотребили доверием этой податливой женщины, заставив ее служить вам и кошельком и собственной особой.

Хозяйка

Истинная правда, милорд.

Верховный судья

Помолчи, пожалуйста. — Верните ей свой долг и заглавьте причиненное ей зло; для первого нужны полноценные монеты, а для второго чистосердечное раскаяние.

Фальстаф

Милорд, я не могу оставить такую нахлобучку без возражений. Благородную смелость вы называете наглым бесстыдством. По-вашему, если человек молчит и кланяется, значит, он уж и добродетелен? Нет, милорд, при всем моем почтении к вам я вам не какой-нибудь проситель. Заявляю вам, что прошу избавить меня от этих полицейских, потому что я тороплюсь на службу по королевским делам.

Верховный судья

Вы говорите так, как если бы имели право поступать незаконно. Однако докажите, что вы достойны своего звания, удовлетворив требования этой бедной женщины.

Фальстаф

Поди-ка сюда, хозяйка. (Отводит ее в сторону.)

Входит Гауэр.

Верховный судья

Что скажете, мистер Гауэр?

Гауэр

Король прибудет скоро с принцем Гарри.

Письмо, милорд, вам скажет остальное.

Фальстаф

Даю тебе слово дворянина.

Хозяйка

Ей-богу, вы мне и раньше то же самое говорили.

Фальстаф

Даю тебе слово дворянина. Слыхала? Больше ни слова об этом.

Хозяйка

Клянусь этой н_е_б_е_с_н_о_й землей, по которой я ступаю, придется мне заложить серебряную посуду и стенные ковры из столовой.

Фальстаф

Стаканы, стаканы — вот что нужно для питья; а что касается стен, то на них можно

намалевать водяными красками какую-нибудь веселенькую картинку, или историю блудного сына, или немецкую охоту, и это будет в тысячу раз лучше всех этих занавесок да изъеденных молью ковров. Дай мне, если можешь, хоть десять фунтов. Если бы не твои капризы, право же, в Англии не нашлось бы бабенки лучше тебя. Ступай вымой лицо и возьми назад свою жалобу. Право же, тебе не следует со мной ссориться. Разве ты меня не знаешь? Ну полно, полно, я ведь знаю, что тебя натравили на меня.

Хозяйка

Не хватит ли тебе двадцати ноблей, сэра Джон? Право, мне не хочется закладывать серебряную посуду — видит бог, не хочется!

Фальстаф

Пусть будет по-твоему; я уж как-нибудь извернусь. А ты как была, так и останешься дурой.

Хозяйка

Ладно, я раздобуду вам денег, хотя бы мне пришлось заложить мои платья. Надеюсь, вы придете ужинать? Ведь вы разом со мной расплатитесь?

Фальстаф

Умереть мне на этом месте, если не так! (Бардольфу.) Ступай за ней, ступай за ней по пятам, по пятам.

Хозяйка

Хотите, я приглашу на ужин Долль Тершит?

Фальстаф

Разумеется! Пускай приходит.

Хозяйка, Бардольф, полицейские и паж уходят.

Верховный судья

(Гауэру)

Я слышал новости получше этих.

Фальстаф

Какие же это новости, добрейший лорд?

Верховный судья

Где ночевал сегодня государь?

Гауэр

Сегодня в Безингстоке.

Фальстаф

Надеюсь, милорд, все благополучно? Какие новости, милорд?

Верховный судья

С ним все войска идут?

Гауэр

Нет, пехотинцев тысячу пятьсот

И всадников пятьсот король послал

В подмогу молодому принцу Джону

Против епископа с Нортемберлендом.

Фальстаф

Скажите, благородный лорд, король возвращается из Уэльса?

Верховный судья

Я не замедлю письма вам вручить.

Идем со мной, добрейший мистер Гауэр.

Фальстаф

Милорд!

Верховный судья

В чем дело?

Фальстаф

Мистер Гауэр, могу я вас пригласить отобедать со мной?

Гауэр

Я нахожусь в распоряжении милорда; благодарю вас, добрейший сэр Джон.

Верховный судья

Сэр Джон, вы слишком тут задержались. Вам следовало бы уже вербовать солдат в графствах, через которые лежит ваш путь.

Фальстаф

Не угодно ли вам отужинать со мной, мистер Гауэр?

Верховный судья

Какой дурак научил вас таким повадкам, сэр Джон?

Фальстаф

Мистер Гауэр, если мне не к лицу такие повадки, значит, меня научил им дурак. — Так уж ведется у нас, фехтовальщиков: удар за удар — и мы квиты.

Верховный судья

Да вразумит тебя господь! Ты великий глупец.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Другая улица.

Входят принц Генрих и Пойнс.

Принц Генрих

Видит бог, я ужасно устал.

Пойнс

Неужели? А я-то думал, что усталость не берет таких высокородных особ.

Принц Генрих

По правде сказать, она меня одолела, хотя от этого признания и блекнут краски моего величия. Может быть, тебе покажется низменным и мое желание выпить легкого пива?

Пойнс

Я полагаю, принц должен быть достаточно хорошо воспитан, чтобы не напоминать о таком дрянном напитке.

Принц Генрих

Так, значит, у меня совсем не королевские вкусы, потому что, честное слово, я сейчас вспомнил об этом пойле. Но, конечно, такие низменные мысли идут вразрез с моим величием. Разве достойно меня помнить твое имя? Или узнавать тебя на следующий день в лицо? Или замечать, сколько у тебя пар шелковых чулок, а именно — что кроме этих у тебя есть еще другие, персикового цвета? Или вести счет твоим рубашкам — какая из них для праздничных дней и какая для будней? Но об этом лучше моего знает сторож при теннисной площадке, потому что, раз тебя там нет с ракеткой, значит, у тебя плохи дела с бельем; а ты уже давно туда не заглядывал, потому что твои нижние провинции поглотили все твои голландские запасы. Один бог знает, попадут ли в царство небесное те пискуны, которые сейчас завернуты в остатки твоего белья. Впрочем, повивальные бабки уверяют, что дети неповинны в своем рождении. К тому же благодаря этому возрастает население и умножаются родственные связи.

Пойнс

Как плохо вяжется эта праздная болтовня с вашими доблестными трудами на поле битвы! Скажите мне, много ли на свете молодых принцев, которые вели бы себя так, как вы сейчас, если бы отец их был так тяжело болен?

Принц Генрих

Сказать тебе одну вещь, Пойнс?

Пойнс

Скажите, только что-нибудь очень хорошее.

Принц Генрих

Сойдет для такого заурядного ума, как твой.

Пойнс

Ладно. Постараюсь выдержать удар, который вы мне готовите.

Принц Генрих

Так вот что я тебе скажу: мне не подобает казаться печальным теперь, когда мой отец болен; а все же признаюсь тебе как другу — ибо за неимением лучшего мне угодно называть тебя своим другом, — что я печален, очень печален.

Пойнс

Трудно поверить, чтобы это могло вас опечалить.

Принц Генрих

Клянусь моей рукой, ты воображаешь, будто я такой же закоренелый и нераскаянный приспешник дьявола, как ты и Фальстаф. Но проживем — увидим. Уверяю тебя, у меня сердце обливается кровью при мысли о том, как тяжело болен мой отец. Но в таком дурном обществе, как твое, у меня нет ни малейшей охоты обнаруживать свою грусть.

Пойнс

Почему так?

Принц Генрих

Что бы ты подумал обо мне, если бы я вдруг заплакал?

Пойнс

Я подумал бы, что ты царственный лицемер.

Принц Генрих

И всякий подумал бы то же самое. Ты замечательный малый; ты всегда думаешь то, что и все другие. Твои мысли движутся всегда по самым проторенным дорогам. Действительно, всякий счел бы меня лицемером. Но что привело твою почтенную мысль к такому выводу?

Пойнс

Как что? Ваша распутная жизнь и чрезмерная привязанность к Фальстафу.

Принц Генрих

И к тебе.

Пойнс

Клянусь светом дня, я пользуюсь хорошей славой; я это слышал собственными ушами. Худшее, что обо мне могут сказать, — это то, что я младший сын и кормлю себя сам. Признаться, ни того, ни другого я не могу исправить. Клянусь обедней, вот идет Бардольф.

Принц Генрих

А с ним и мальчишка, которого я приставил к Фальстафу. Когда он поступал к нему, это был христианский ребенок, а теперь — смотри, что за обезьяну сделал из него этот жирный плут.

Входят Бардольф и паж.

Бардольф

Храни господь вашу милость.

Принц Генрих

А также и вашу, благороднейший Бардольф.

Бардольф

(пажу)

Ах ты, добродетельный осел, застенчивый дурень, ну чего ты краснеешь? Почему ты сейчас покраснел? Девчонка ты, а не солдат! Велика важность лишить невинности кружку в две кварты!

Паж

Он только что окликнул меня, милорд, через красную оконную решетку, и я никак не мог отличить его лица от окна; наконец я разглядел его глаза; мне показалось, что он сделал две дыры в новой юбке трактирщицы и смотрит сквозь них.

Принц Генрих

Не правда ли, мальчик сделал успехи?

Бардольф

Пошел прочь, ублюдок, двуногий заяц, прочь!

Паж

Пошел прочь, мерзкий сон Алфеи, прочь!

Принц Генрих

Объясни нам, мальчик, что это за сон.

Паж

Да ведь Алфее приснилось, милорд, что она разрешилась от бремени горячей головней; поэтому я и называю его сном Алфеи.

Принц Генрих

Такое истолкование стоит кроны. Получай, мальчик. (Дает ему монету.)

Пойнс

О, если бы можно было уберечь от червей этот прелестный бутон! Вот тебе шесть пенсов, пусть они предохранят тебя от порчи.

Бардольф

Если его не повесят вместе с тобой, виселица много потеряет.

Принц Генрих

А как поживает твой хозяин, Бардольф?

Бардольф

Хорошо, милорд. Он слышал, что ваша милость прибыли в город. Вот вам письмо от него.

Пойнс

Вручено с должным почтением. Ну, как поживает твой хозяин Бабье Лето?

Бардольф

В добром телесном здоровье, сэр.

Пойнс

Зато его бессмертная часть нуждается во враче. Однако это его мало тревожит: ведь душа, хотя и больна, не может умереть.

Принц Генрих

Я позволяю этому волдырю обходиться со мной запросто, как моей собаке, и он этим пользуется: смотрите, что он мне пишет.

Пойнс

(читает)

"От сэра Джона Фальстафа, рыцаря...". Он тычет всем в глаза своим званием при каждом удобном случае, совсем как те родственники короля, которые, уколов палец, всякий раз говорят: "Вот пролилась королевская кровь". — "Как так?" — спросит иной, притворившись, что не понял; и ответ следует так же быстро, как шапка слетает с головы просителя: "Я бедный родственник короля, сэр".

Принц Генрих

Да, они так желают попасть к нам в родню, что готовы добраться до Иафета. Но вернемся к письму.

Пойнс

"От сэра Джона Фальстафа, рыцаря, королевскому сыну, наследнику своего отца, Гарри, принцу Уэльскому, — привет". Совсем как официальная бумага!

Принц Генрих

Брось!

Пойнс

"Буду в краткости подражать славным римлянам". Без сомнения, он имеет в виду свое короткое дыхание, одышку. "Вверяю себя твоей милости, а тебя милости божьей, и покидаю тебя. Смотри не приближай к себе Пойнса, — он злоупотребляет твоей благосклонностью и так обнаглел, что клянется, будто ты собираешься жениться на его сестре Нелль. На досуге кайся в своих грехах, если придет охота. Затем до свидания. Остаюсь твой или не твой

(смотря по тому, как ты со мной обойдешься) Джек Фальстаф для моих друзей, Джон для моих братьев и сестер и сэр Джон для всей Европы". Милорд, я обмакну это письмо в херес и заставлю Фальстафа проглотить его.

Принц Генрих

Ты заставишь его проглотить десятка два его собственных слов. Но неужели, Нед, ты так забылся? Ты хочешь женить меня на своей сестре?

Пойнс

Пошли господь девчонке всякого счастья! Но только я никогда этого не говорил.

Принц Генрих

Однако мы, как дураки, теряем время даром, а души мудрецов, витая в облаках, смеются над нами. — Твой хозяин здесь, в Лондоне?

Бардольф

Да, милорд.

Принц Генрих

Где он сегодня ужинает? Что, старый боров по-прежнему кормится в своем старом хлеву?

Бардольф

На старом месте, милорд, в Истчипе.

Принц Генрих

В какой компании?

Бардольф

С эфесцами, милорд, людьми старого закала.

Принц Генрих

Ужинают какие-нибудь женщины с ним?

Паж

Ни одной, ваша светлость, кроме старой миссис Куикли да еще миссис Долль Тершит.

Принц Генрих

Это что еще за тварь?

Паж

Она приличная дама, сэр, родственница моего хозяина.

Принц Генрих

Она такая же ему родственница, как приходская корова городскому быку. А не накрыть ли их нам за этим ужином, Нед?

Пойнс

Я ваша тень, милорд; я последую за вами.

Принц Генрих

Слушай, мальчик, и ты, Бардольф: ни звука вашему хозяину о том, что я вернулся в Лондон. Вот вам за молчание. (Дает им деньги.)

Бардольф

Я проглотил язык, сэр.

Паж

А что до меня, то я буду держать язык за зубами.

Принц Генрих

До свиданья. Ступайте.

Бардольф и паж уходят.

Эта Долль Тершит, вероятно, нечто вроде проезжей дороги.

Пойнс

Ручаюсь вам, такая же накатанная, как между Сент-Ольбенсом и Лондоном.

Принц Генрих

Как бы это нам посмотреть нынче вечером на Фальстафа в его настоящем виде так, чтобы он нас самих не заметил?

Пойнс

Наденем кожаные куртки и передники и будем прислуживать ему за столом вместо трактирных слуг.

Принц Генрих

Из бога вдруг стать быком? Ужасное падение! Впрочем, это случалось с Юпитером. Из принца стать мальчишкой-прислужником? Постыдное превращение! Так будет со мной. Ведь во всяком деле, чтобы добиться успеха, нужна некоторая доля безумия. — Идем, Нед.

Уходят.

СЦЕНА 3

Уоркуорт. Перед замком.

Входят Нортемберленд, леди Нортемберленд и леди

Перси.

Нортемберленд

Прошу вас, милая жена и дочь,
Идти путем суровым не мешайте,
Не досаждайте мне убитым видом,
И без того тревожны времена,

Леди Нортемберленд

Я замолкаю; поступай как знаешь,
И пусть тобою управляет разум.

Нортемберленд

Увы, супруга, честь моя в залоге,
И лишь отъезд мой выкупит ее.

Леди Перси

О, ради бога, на войну, отец,
Не уезжайте. Вспомните, ведь вы
И поважнее не сдержали слова,
Когда ваш сын, когда мой милый Гарри
На север взоры устремлял в надежде
Увидеть вас, — но ждал напрасно он!
Что удержало дома вас тогда?

В тот день погибла честь его и ваша.

Пусть небо вашей чести блеск вернет!

Его же честь сияла, словно солнце

На небе голубом. Ее блистанье

Всех рыцарей английских побуждало

На подвиги. Был зеркалом наш Гарри,

В которое смотрелась молодежь.

Одни безногие не подражали

Его походке; торопливость речи,

Его врожденный недостаток, стала

Для храбрецов манерой говорить,

И тот, кто внятно говорил и плавно,

Достоинство менял на недостаток,

Чтоб стать, как он; все в нем — походка, речь,

Привычки боевые, развлеченья,

Причуды — было зеркалом, скрижалью,

Достойным подражанья образцом.

И он — о дивный муж, средь смертных чудо!

Покинут вами был в тяжелый миг

(Единственный, остался он один!)

На растерзанье злему богу брани
И принужден сражаться был на поле,
Где имя лишь ему защитой было,
И в том повинны вы! О, никогда
Не оскорбляйте памяти его,
Обет, повстанцам данный, исполняя!
Пусть они идут своим путем.
Архиепископ с маршалом сильны.
Когда б имел мой драгоценный Гарри
Хоть половину войска их, — теперь
Я слушала б рассказ о смерти принца,
Обвив руками Хотспера.
Нортемберленд
Зачем
Вы дух во мне смутили, дочь моя,
Напомнив вновь о промахе минувшем?
Нет, я пойду опасности навстречу,
Иль на меня она сама нагрянет
В неожиданный час.
Леди Нортемберленд
В Шотландию беги
И выжидай, пока народ и лорды
На деле не докажут мощь свою.
Леди Перси
Коль им сломить удастся короля,
Примкните к ним, чтоб укрепить их силы
Стальной подпорой. А сперва, молю вас,
Их предоставьте собственной судьбе.
Ведь так вы поступили с вашим сыном
И стала я вдовой. Но, сколько б я
Ни прожила еще, не хватит слез,
Чтоб орошать цветок воспоминаний
И до небес его взрастить в честь Перси.
Нортемберленд
Идем, идем со мной. Моя душа
Морским волнам подобна в час прилива,
Когда замрут они, границ достигнув.
К архиепископу примкнул бы я,
Но тысяча причин тому помехой.
Я изберу Шотландию; там буду,
Пока не призовет успех оттуда.
Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Комната в трактире "Кабанья голова" в Истчипе.

Входят двое слуг.

Первый слуга

Что это ты принес, черт возьми? Печеные яблоки? Разве ты не знаешь, что сэръ Джон терпеть не может печеных яблок?

Второй слуга

Клянусь обедней, ты прав. Принц как-то поставил перед ним тарелку с печеными

яблоками, да и говорит: "А вот еще пять таких, как ты, рыцарей"; потом снял шляпу и прибавил: "Честь имею раскланяться с шестью круглыми желтыми сморщенными рыцарями". Эта шутка ужасно рассердила сэра Джона, но потом он забыл о ней.

Первый слуга

Ну, так накрывай на стол и ставь яблоки. Да разыщи Сника с его музыкантами, — миссис Тершит захотелось послушать музыку. Поторапливайся; в комнате, где они ужинали, очень жарко, и они сейчас придут сюда.

Второй слуга

Слушай, сейчас сюда явится принц с мистером Пойнсом; они наденут наши куртки и передники, но только сэр Джон не должен этого знать: Бардольф предупредил меня об этом.

Первый слуга

Истинный бог, славная будет потеха!

Второй слуга

Пойду поищу Сника. (Уходит.)

Входят хозяйка и Долль Тершит.

Хозяйка

Ей-богу, душечка, у вас, думается мне, сейчас замечательная т_е_м_п_е_р_а_м_е_н_т_у_р_а; п_у_л_ь_з_а у вас бьется так великолепно, что лучше и желать нельзя, а личико у вас, даю вам честное слово, красное, как все равно роза, — истинная правда! — но только вы, ей-богу, уж слишком много хлебнули канарского, а это вино на редкость забористое, и не успеешь спросить: "Что это со мной?" — как оно тебе уже всю кровь надушило. Ну как вы себя чувствуете?

Долль

Чуточку получше. Хм-хм...

Хозяйка

Значит, все прекрасно. Доброе сердце дороже золота. А вот и сэр Джон.

Входит Фальстаф напевая.

Фальстаф

"Когда Артур взошел на трон..." Вынесите посудину.

Первый слуга уходит.

"Он славный был король". Ну, миссис Долль, как вы себя чувствуете?

Хозяйка

Ей стало дурно, грудь сдавило; ей-богу, так.

Фальстаф

Все вы, женщины, таковы — чуть вас придавишь, уж вам и дурно.

Долль

Ах ты, паршивый негодяй! Ничего другого в утешение мне не скажешь?

Фальстаф

Это из-за вас я так разжирел, миссис Долль.

Долль

Из-за меня? Толстеют от обжорства да от болезней, а я тут ни при чем.

Фальстаф

Если обжорством мы обязаны поварам, то болезнями обязаны вашей сестре; мы подхватываем их у вас, Долль, у вас. Согласись с этим, невинная бедняжка, согласись.

Долль

Да, а вы подхватываете наши цепочки и драгоценности.

Фальстаф

"Рубины, золото и перлы...". Вы же знаете, что тот, кто храбро дерется, выходит из битвы хромым. Сперва смело бросаешься в брешь с поднятым копьём, а потом смело идешь к лекарю. Смело атакуешь заряженную мортиру, а потом...

Долль

Чтоб тебя вздернули, поганый морской угорь, чтоб тебя вздернули!

Хозяйка

Опять принялись за старое! Стоит вам встретиться, как сейчас же начинаете ссориться. Ей-богу, вы оба такие шершавые, как все равно сухари: ни одного д_о_с_т_а_т_к_а друг дружке не хотите спустить. Ну и времена пошли! Один из вас должен уступить, и, конечно, это вы, миссис Долль, потому что вы слабейший сосуд и, как говорится, порожний сосуд.

Долль

Разве может слабый и порожний сосуд выдержать такую необъятную, полную до краев бочку? Ведь он так нагрузился бордосским, что столько не влезет и в корабельный трюм. Ну ладно, помиримся, Джек. Ты едешь на войну, и кто знает, встретимся ли мы еще с тобой.

Входят первый слуга.

Первый слуга

Сэр, пришел прапорщик Пистоль и хочет вас видеть.

Долль

Вздернуть бы его, проклятого буяна! Не пускайте его сюда, — это первый сквернослов в Англии.

Хозяйка

Если он буян, не пускайте его сюда ни за что на свете. Нет, честное слово, у меня есть соседи; не надобно мне буянов. Самые лучшие люди оказывают мне почет и уважение. Заприте двери! Не пушу я к себе буянов! Не затем я столько лет на свете прожила, чтобы впускать к себе буянов. Заприте двери, прошу вас.

Фальстаф

Но послушай, хозяйка...

Хозяйка

Будьте спокойны, сэр Джон, мы не пустим сюда буянов.

Фальстаф

Да разве ты не слышишь, что это мой прапорщик?

Хозяйка

Дудки, сэр Джон! Нечего об этом толковать. Ноги вашего буяна прапорщика не будет в моем доме. Я была на днях у мистера Тайзика, начальника полиции нашего квартала, и он мне сказал, — а было это в прошлую среду: "Соседка Куикли, — сказал он мне (мистер Домб, наш пастор, был при этом), — пускайте к себе только приличных людей, потому что, — сказал он, — про вас идет дурная слава". Ну, я, конечно, понимаю, к чему он это сказал. "Потому что, сказал он, — вы честная женщина и пользуетесь уважением; так смотрите принимайте гостей с разбором. Ни за что не пускайте, — сказал он, — всяких буянов". И я не пушу их к себе. Послушали бы вы только, как он все это говорил. Нет, не надо мне буянов.

Фальстаф

Он вовсе не буян, хозяйка, а, право, самый безвредный шулер. Его хоть по спине гладь, как маленькую левретку. Он даже индюшки не обидит, если она взъерошит перья и станет защищаться. Зови его сюда, малый.

Хозяйка

Шулер, говорите вы? Я не запру своих дверей перед честным человеком, а перед шулерами и подавно, но, ей-богу, я терпеть не могу буянов. Со мной прямо дурно делается, едва услышу слово «буян». Потрогайте меня, господа, посмотрите, как меня трясет, ей-богу, правда.

Долль

И впрямь вы дрожите, хозяйка.

Хозяйка

А то как же! Честное-благородное слово, дрожу как осиновый лист. Я прямо-таки не выношу буянов.

Входят Пистоль, Бардольф и паж.

Пистоль

Да хранит вас бог, сэр Джон!

Фальстаф

Добро пожаловать, прапорщик Пистоль. Иди сюда, Пистоль, я заряджу тебя кружкой хереса, а ты пали в хозяйку.

Пистоль

Я пальну в нее двумя пулями, сэр Джон.

Фальстаф

Она огнестойкая, приятель, ее такими зарядами не пробьешь.

Хозяйка

Не стану я пить вашу огнестойкую; ни для кого на свете не стану пить больше, чем следует.

Пистоль

Тогда перейду к вам, миссис Дороти; возьму и выпалю в вас.

Долль

В меня? Плевать мне на тебя, паршивый черт! Ах ты жалкий, грязный, подлый плут! Нищий, у которого и рубашки-то нет на плечах. Прочь, вшивый жулик, прочь! Я — лакомый кусочек для твоего хозяина.

Пистоль

Знаем мы вас, миссис Дороти.

Долль

Прочь, дрянной карманный воришка! Шелудивый мошенник, прочь! Клянусь этим вином, я всажу нож в твою поганую глотку, ежели ты посмеешь со мной озорничать. Пошел прочь, ты, пивная бутылка! Истасканный фехтовальщик! С каких это пор, сэр, вы набрались такой прыти? Подумаешь, нацепил себе шнурки на плечи! Экая невидаль!

Пистоль

Разрази меня гром, если я не оборву тебе за это оборки.

Фальстаф

Будет, Пистоль. Не смей здесь палить. Проваливай-ка отсюда.

Хозяйка

Да, добрейший капитан Пистоль, только не здесь, дорогой капитан.

Долль

Капитан! Ах ты, окаянный, проклятый обманщик, и тебе не стыдно, что тебя величают капитаном? Будь я на месте капитанов. я бы тебя отдула за то, что ты берешь на себя чужое звание, не дослужившись до него. Ты-то капитан? Такая-то мразь? Да с какой это стати? За то, что ты рвешь оборки у бедных потаскушек в публичных домах? Это он-то капитан? Повесить его, мерзавца! Он питается прокисшим черносливом да черствыми пирогами. Капитан! Убей меня бог! Эти негодяи скоро так же испоганят слово «капитан», как испоганили слово «обладать», которое раньше было отменным словечком, а потом стало непристойным. Настоящим капитанам следовало бы положить этому конец.

Бардольф

Уходи-ка ты отсюда, добрейший прапорщик.

Фальстаф

Послушай, миссис Долль...

Пистоль

Мне — уйти? Ни за что! Уверю тебя, капрал Бардольф, я способен ее разорвать! Уж я ей этого не спущу!

Паж

Пожалуйста, уйдите отсюда.

Пистоль

Нет, клянусь моей рукой, сначала отправлю ее в ад, в проклятое озеро Плутона, в кромешную бездну вместе с Эребом, на страшные муки! Эй, подавайте крючки и удилице! Хватайте ее, псы! Тащите ее, Парки! Не Ирина ли перед нами?

Хозяйка

Успокойтесь, добрейший капитан П_у_с_т_о_л_ь! Ей-богу, время уже позднее. Умоляю вас, р_а_з_н_у_з_д_а_й_т_е свой гнев.

Пистоль

Вот шутка, нечего сказать! Одры,
Татарские некормленные клячи,
Что в день и тридцать миль не пробегут,
Держают с к_а_н_н_и_б_а_л_а_м_и равняться.
С троянцами и с Цезарем? Ну, нет!
Пусть будут прокляты, и царь их Цербер,
И пусть громами грянет небосвод!
Нашли из-за чего сцепляться!

Хозяйка

Ей-богу, капитан, вот это так крепкие слова!

Бардольф

Уходите-ка, добрейший прапорщик, не то дело дойдет до драки.

Пистоль

Пусть людидохнут, как собаки! Пусть
Короны, как булавки, отдадут!
Иль нет Ирины здесь?

Хозяйка

Даю вам честное слово, капитан, такой здесь не имеется. Ну и времена пошли! Что ж я, по-вашему, стану ее укрывать! Ради создателя, успокойтесь!

Пистоль

Ешь и толстей, моя Калиполида.

Эй, хересу подать!

Se fortuna mi tormenta,

Lo sperare mi contenta.

Что залпы нам? Пускай сам черт палит!

Эй, хересу мне! — Ну, ложись, милашка. (Снимает шпагу и кладет ее на стол.) Мы дошли до точки без всяких "и так далее".

Фальстаф

Советую тебе, Пистоль, успокоиться.

Пистоль

Милейший рыцарь, целую твой кулак. Иль мы не любовались с тобою вместе Большой Медведицей?

Долль

Ради господ бога, спустите его с лестницы. Видеть я не могу Этого окаянного ирода.

Пистоль

Спустить меня с лестницы? Знаем мы этих галлоуэйских кляч.

Фальстаф

Бардольф, швырни его, как грош в орлянку! Если он переливает из пустого в порожнее, пусть ему самому будет пусто!

Бардольф

Ну, проваливай отсюда!

Пистоль

Что? До резни дошло? Прольется кровь!

(Хватает шпагу.)

Прими в объятья, смерть, век жалкий сократи мне!

Пусть жуткие, зияющие раны

Трех призовут сестер! Ты, Атропос, ко мне!

Хозяйка

Ну и каша заварилась.

Фальстаф

Мальчик, подай рапиру.

Долль

Джек, прошу тебя, не обнажай шпаги! Прошу тебя!

Фальстаф

(обнажая шпагу)

Проваливай отсюда!

Хозяйка

Ну и заваруха! Уж лучше закрыть мне заведение, чем вечно терпеть такие страсти и у_ж_а_с_т_и! Быть убийству, помяните мое слово. Горе мое горькое! Да спрячьте же вы свое обнаженное оружие, спрячьте, говорю, обнаженное оружие!

Бардольф и Пистоль уходят.

Долль

Прошу тебя, Джек, успокойся. Мерзавец ушел. Ах ты, мой храбрый негодный ублюдок!

Хозяйка

Он не ранил вас в пах? Мне кажется, он коварно метил вам прямо в живот.

Входит Бардольф.

Фальстаф

Ну что, ты выставил его за дверь?

Бардольф

Да, сэр. Негодяй был пьян. Вы его ранили, сэр, в плечо.

Фальстаф

Негодяй! Как он смел задирать меня!

Долль

Ах ты, мой драгоценный плутишка! Ах ты, моя бедная обезьянка! Как ты вспотел. Постой, дай мне вытереть тебе лицо; подставь мне свою мордочку. Ах ты, мой жирный ублюдок! Ей-богу, я тебя без памяти люблю. Ты храбр, как Гектор Троянский, один стоишь пяти Агамемнонов и в десять раз лучше всех девяти героев. Ах, негодник!

Фальстаф

Проклятая гадина! Уж задам я жару этой скотине!

Долль

Сделай это, потешь свою душу! А уж я за это погрею тебя под одеялом.

Входят музыканты.

Паж

Музыканты пришли, сэр.

Фальстаф

Пусть играют. — Играйте, господа. — Сядь ко мне на колени, Долль. Эдакий мерзкий буян! Удрал от меня, как ртуть, мерзавец!

Долль

Да-да. А ты обрушился на него, как церковная башня. Ах ты, мой миленький молочный поросенок с Варфоломеевской ярмарки! Когда ты наконец перестанешь драться днем и фехтовать ночью, когда начнешь чинить свое старое тело для отправки на тот свет?

Входят, в глубине сцены, принц Генрих и Пойнс, переодетые трактирными слугами.

Фальстаф

Замолчи, милая Долль. Брось вещать на манер мертвой головы, не напоминай мне о конце.

Долль

Скажи мне, что за человек молодой принц?

Фальстаф

Добрый малый, хотя и вздорный. Из него вышел бы недурной экономайстер, он неплохо бы

резал хлеб.

Долль

Говорят, что Пойнс очень умен.

Фальстаф

Он-то умен? На виселицу бы этого павиана! Ум у него тяжелый, как густая тьюксберийская горчица, а остроумия в нем не больше, чем в молотке.

Долль

Почему же принц так его любит?

Фальстаф

Потому, что он такой же тонконогий, здорово играет в шары, ест морских угрей с укропом, глотает с вином огарки, играет в чехарду с мальчишками, перепрыгивает через скамейки, изящно сквернословит; потому, что сапоги сидят на нем гладко, как на вывеске, и потому, что он не вызовет ссоры, передавая сплетни. У него еще много других дурацких талантов, доказывающих слабость ума и гибкость тела, и за все это принц держит его при себе. Он сам точь-в-точь такой же. Если их поставить на чашки весов, достаточно будет и волоска, чтобы один перевесил другого.

Принц Генрих

Не отрубить ли уши этой колесной ступице?

Пойнс

Отколотим его на глазах у его шлюхи.

Принц Генрих

Смотри, этот истасканный старикашка заставляет чесать себе затылок, как попугай.

Пойнс

Разве не чудно, что желание на столько лет переживает силу?

Фальстаф

Поцелуй меня, Долль.

Принц Генрих

Сатурн нынче в соединении с Венерой. Что говорит на этот счет календарь?

Пойнс

Посмотрите, как этот огненный Тригон, его слуга, шепчется со старой счетной книгой своего хозяина, с его памятной книжкой, с его справочником.

Фальстаф

Ты только притворно ласкаешь меня.

Долль

Ей-богу, я целую тебя от всей души.

Фальстаф

Стар я стал, стар...

Долль

Ты мне милей всех этих паршивых юнцов.

Фальстаф

Какой материи подарить тебе на юбку? Я получу деньги в четверг, а завтра у тебя будет новая шляпка. Спой мне веселую песенку. Уже поздно, пойдем спать. Ты забудешь меня, когда я уеду.

Долль

Ей-богу, ты доведешь меня до слез, если будешь говорить такое. Чтобы я хоть раз нарядилась до твоего возвращения! Ну давай дослушаем до конца.

Фальстаф

Эй, Франсис, хересу!

Принц Генрих и Пойнс

(приближаясь)

Сейчас, сейчас, сэр.

Фальстаф

Ба! Ты, должно быть, незаконный сын короля! А ты не брат ли Пойнса?

Принц Генрих

Ах ты, карта греховных земель, какую жизнь ты ведешь?

Фальстаф

Получше твоей. Я дворянин, а ты трактирный слуга, который только и делает, что таскает бутылки.

Принц Генрих

Верно, сэр, и потому я оттаскаю тебя за уши.

Хозяйка

Да хранит господь вашу светлость! Добро пожаловать в Лондон! Благословение господне на вашу драгоценную голову! Господи боже мой, это вы из Уэльса воротились?

Фальстаф

(кладя руку на голову Долль)

Клянусь бранным телом и зараженной кровью этого создания, я рад тебя видеть, непотребный и безумный отпрыск царственного древа.

Долль

Что такое, жирный дуралей? Плевать я хочу на тебя!

Пойнс

Милорд, он увильнет от наказания и обратит все в шутку, если вы не отколотите его сгоряча.

Принц Генрих

Ах ты, грязная куча сала! Что за пакости ты говорил обо мне при этой честной, добродетельной, благовоспитанной даме?

Хозяйка

Да благословит вас господь за вашу доброту! Она и в самом деле такая.

Фальстаф

Разве ты слышал?

Принц Генрих

Да, и ты, конечно, узнал меня, как и в тот раз, когда бежал от меня в Гедсхиле. Ты знал, что я стою у тебя за спиной, и говорил все это нарочно, чтобы испытать мое терпение.

Фальстаф

Нет-нет, ничего подобного: я не подозревал, что ты все это слышишь.

Принц Генрих

Я заставлю тебя сознаться, что ты умышленно оскорбил меня, и тогда — я уж знаю, как с тобой поступить.

Фальстаф

Я тебя не оскорблял, Хел; клянусь честью, и не думал оскорблять.

Принц Генрих

Как! Разве ты не говорил, что я эконою, что я гожусь лишь на то, чтобы резать хлеб, и еще бог знает что?

Фальстаф

Я не оскорблял тебя, Хел.

Пойнс

Как это так — не оскорблял?

Фальстаф

Не оскорблял, Нед, уверяю тебя; вовсе не оскорблял, достойный Нед. Я говорил о нем дурно при падших созданиях, чтобы эти падшие создания не вздумали его полюбить. Делая это, я поступал как заботливый друг и верноподданный, и твой отец должен быть благодарен мне за это. Никакого оскорбления, Хел, никакого, Нед, уверяю вас, дети мои.

Принц Генрих

Сознайся, что сейчас только из страха, единственно лишь из трусости ты оскорбляешь рту достойную даму, чтобы примириться с нами! Это она-то падшее создание? И твой паж

тоже падшее создание? И честный Бардольф, у которого нос так и пылает рвением, тоже, по-твоему, падшее создание?

Пойнс

Отвечай, гнилой пень, отвечай.

Фальстаф

Дьявол отметил Бардольфа неизгладимой печатью, и лицо его служит Люциферу плитой для поджаривания пьяниц. Что касается пажа, то, хотя ангел-хранитель еще не совсем его покинул, дьявол порядком его одолевает.

Принц Генрих

Ну, а женщины?

Фальстаф

Одна из них уже давно в аду и поджаривает там бедных грешников. Что касается другой, то я ей задолжал и не знаю, попадет ли она за это в ад.

Хозяйка

Ручаюсь, что нет.

Фальстаф

Да, я тоже думаю, что нет: я полагаю, что ты за это и так достаточно поплатилась. Но за тобой водится другой грех: ты противозаконно кормишь своих посетителей мясом; за это, я думаю, тебе придется-таки повывть.

Хозяйка

Да ведь все трактирщики так поступают. Великое дело — одна или две бараньи лопатки за весь пост!

Принц Генрих

Вы, сударыня...

Долль

Что скажете, ваша светлость?

Фальстаф

Его светлость хочет сказать такое, против чего возмущается вся его плоть.

Стук в дверь.

Хозяйка

Кто это там стучит так громко? Посмотри, Франсис.

Входит Пето.

Принц Генрих

Какие вести, Пето?

Пето

В Уэстминстере король, родитель ваш.

До двадцати измученных гонцов

Примчались с севера; а по дороге

Я обогнал десяток капитанов:

Без шапок, все в поту, они стучатся

В трактиры и питейные дома

И всюду ищут, где сэр Джон Фальстаф.

Принц Генрих

Мне стыдно, Пойнс, что я теряю даром

Здесь время драгоценное, когда

Гроза восстанья собралась над нами.

Как тучи, что приносит южный ветер.

И дождь вот-вот застигнет нас врасплох.

Мой плащ и шпагу. — Доброй ночи, Джек.

Принц Генрих, Пойнс, Пето и Бардольф уходят.

Фальстаф

Перед нами самый лакомый кусочек ночи, и нам надобно уходить, не отведав его!

Стук в дверь.
Опять стучат.
Входит Бардольф.
Бардольф
Вас требуют сейчас же ко двору;
Ждут у дверей с десятков капитанов.
Фальстаф
(пажу)

Заплати музыкантам, малый. — Прощай, хозяйка. — Прощай, Долль. Вот видите, мои милые, как гоняются за достойными людьми. Человек недостойный может себе спокойно спать, а дельных людей сразу же — за бока. Прощайте, милые бабенки. Если меня не отправят тотчас же, я еще повидаюсь с вами.

Долль
Говорить невмочь... Сердце так и разрывается... Ну, прощай, дорогой Джек, смотри береги себя.

Фальстаф
Прощайте, прощайте.
Фальстаф и Бардольф уходят,
Хозяйка
Ну, счастливого тебе пути. Когда зазеленеет горох, исполнится двадцать девять лет, как я с тобой знакома. Уж такой честный, верный человек... Ну, счастливого тебе пути.

Бардольф
(за сценой)
Миссис Тершит!
Хозяйка
Что там такое?
Бардольф
(за сценой)
Скажите миссис Тершит, чтобы она шла к моему хозяину.
Хозяйка
О беги, Долль, беги! Беги со всех ног, милая Долль!
Долль всхлипывает.
Да идешь ты, что ли, Долль?
Уходят.

АКТ III

СЦЕНА 1

Уэстминстер. Дворец.
Входит король Генрих в ночном одеянии, за ним — паж.
Король Генрих
Позвать мне графов Уорика и Серри.
Но, прежде чем прийти, пусть эти письма
Они прочтут и вникнут в них; спешите.
Паж уходит.
О, сколько подданных моих беднейших
Спокойно спят сейчас! — О сон, о милый сон!
Хранитель наш, чем я тебя испугнул,
Что ты не хочешь мне смежить ресницы?
Зачем охотнее приходишь ты

На жесткую постель в лачуге дымной,
Где дремлешь под жужжанье мух ночных,
Чем в ароматные чертоги знатных,
На ложе пышное под балдахином,
Где сладостные звуки нежат слух?
Божок ленивый, ты приходишь к черни
На грязный одр, а с царственного ложа
Бежишь, как если б сторож колотушкой
Иль колокол набатный гнал тебя.
Зачем над бездной на вершине мачты
Глаза смыкаешь незаметно юнге,
Укачивая в колыбели моря,
Когда хватает ураган свирепый
За гребни разъяренные валы,
Чудовищные головы лохматит
И к облакам вздымает с диким ревом,
Который пробудил бы мертвеца?
Как можешь ты, пристрастный сон, баюкать
Промокшего до нитки юнгу в бурю,
А в тихий, безмятежный час ночной,
Когда к тебе располагает все,
Отказываешь королю в покое?
Счастливый, мирно спи, простолюдин!
Не знает сна лишь государь один.
Входят Уорик и Серри.
Уорик
Привет мой, государь, и с добрым утром.
Король Генрих
Как? Разве утро, лорды?
Уорик
Второй уж час пошел.
Король Генрих
Тогда и вам скажу я: с добрым утром.
Прочли вы письма, что послал я вам?
Уорик
Да, государь.
Король Генрих
Тогда вы поняли, каким недугом
Поражено все тело государства;
Болезнь растет и угрожает сердцу.
Уорик
Но это временное лишь расстройство,
И можно возратить стране здоровье
Советом благотворным и лекарством;
Остынет скоро лорд Нортемберленд.
Король Генрих
О господи, когда б могли прочесть
Мы Книгу судеб, увидеть, как время
В своем круговращенье сносит горы,
Как, твердостью наскучив, материк
В пучине растворится, иль увидеть,
Как пояс берегов широким станет

Для чресл Нептуновых; как все течет
И как судьба различные напитки
Вливает в чашу перемен! Ах, если б
Счастливый юноша увидеть мог
Всю жизнь свою — какие ждут его
Опасности, какие будут скорби,
Закрыв бы книгу он и тут же умер.
Прошло лишь десять лет,
Как с Ричардом дружил Нортемберленд;
С ним пировал он, а спустя два года
Меж ними разгорелась уж война;
Лишь восемь лет назад был Перси мне
Всех ближе, обо мне радел как брат,
Любовь и жизнь к моим ногам слагая;
Пылая рвением, Ричарду в лицо
Он бросил вызов. Кто из вас, милорды,
При этом был?
(Уорику.)
Не вы ль, кузен мой Невиль?
Когда сквозь слезы Ричард, подвергаясь
Злым оскорблениям Нортемберленда,
Слова пророческие произнес:
"Нортемберленд, ты лестница; по ней
Кузен мой Болингброк на трон восходит",
Хоть, видит бог, об этом я не думал,
И, если бы не нужды государства.
Не сочетался б я вовек с величьем.
"Придет пора, — так Ричард продолжал,
Придет пора, когда постыдный грех,
Созревший, как нарыв, прорвется бурно".
Так он предрек непрочность нашей дружбы
И все, что происходит в наши дни.
Уорик
Есть в жизни всех людей порядок некий,
Что прошлых дней природу раскрывает.
Поняв его, предсказывать возможно
С известной точностью грядущий ход
Событий, что еще не родились,
Но в недрах настоящего таятся
Как семена, зародыши вещей.
Их высидит и вырастит их время.
И непреложность этого закона
Могла догадку Ричарду внушить,
Что, изменив ему, Нортемберленд
Не остановится, и злое семя
Цветок измены худшей породит.
А почвой для нее могли служить
Лишь вы один.
Король Генрих
Все это неизбежно?
Так мужественно встретим неизбежность.
Она теперь взывает громко к нам.

Слышал я, тысяч пятьдесят собрали
Граф и епископ.
Уорик
Быть того не может.
Ведь все, чего страшимся мы, молва
Удваивает, словно эхо — голос.
Прошу, прилягте снова, государь.
Клянусь душою, сил, что вы послали,
Достаточно, чтоб усмирить восстанье.
Но, чтобы успокоить вас вполне,
Я сообщу вам верное известье:
Глендаур скончался. Эти две недели
Больны вы были, государь, и вредно
Вам бодрствовать в столь неурочный час.
Король Генрих
Я вашему последую совету.
Скорей бы смуту одолеть, а там
Направим путь, друзья, к святым местам.
Уходят.

СЦЕНА 2

Глостершир. Двор перед домом судьи Шеллоу. Входят с разных сторон Шеллоу и Сайленс, Плесень, Тень Бородавка, Мозгляк и Бычок; в отдалении — слуги.

Шеллоу

Пожалуйте, пожалуйста, пожалуйста, сэр. Дайте мне вашу руку, сэр, дайте вашу руку. Честное слово, вы ранняя пташка. А как вы поживаете, мой добрый кузен Сайленс?

Сайленс

С добрым утром, добрый кузен Шеллоу.

Шеллоу

А как поживает моя кузина, ваша дражайшая половина? И ваша прелестная дочь, моя крестница Элен?

Сайленс

Все такая же дикарка, кузен Шеллоу.

Шеллоу

А вот из моего кузена Вильяма, с позволения сказать, вышел, кажется, отличный студент? Он все еще в Оксфорде, не правда ли?

Сайленс

Да, сэр, и на моем иждивении.

Шеллоу

Пора бы уж ему в адвокатскую школу. Я в свое время учился в Климентовом колледже, и там до сих пор, наверно, вспоминают о сорванце Шеллоу.

Сайленс

Тогда вас называли "весельчаком Шеллоу", кузен.

Шеллоу

Боже милостивый, как только меня не называли! И каких только штук я не вытворял, да еще как ловко-то! Там учился вместе со мной маленький Джон Дойт из Стаффордшира, и черный Джордж Барнс, и Франсис Пикбон, и Уилл Скуил из Котсолда. Таких четырех головорезов не сыскать было во всех колледжах. Смею вас уверить, уж мы-то знали, где раки зимуют, и к нашим услугам были всегда самые лучшие женщины. Был там еще Джек Фальстаф, ныне сэр Джон; в то время он был еще мальчишкой и служил пажом у Томаса

Маубрея, герцога Норфолка.

Сайленс

Тот самый сэра Джон, кузен, что приехал к нам вербовать солдат?

Шеллоу

Тот самый сэра Джон, тот самый. Помню, как он на моих глазах проломил голову Скогану у ворот школы, когда был еще вот таким малышом. В тот самый день я еще дрался с Самсоном Стокфишем — фруктовщиком на задворках Греевского колледжа. Ах господи Иисусе, веселое было времечко! И подумать только, сколько моих старых приятелей уже умерло!

Сайленс

Все там будем, кузен.

Шеллоу

Разумеется, разумеется, совершенно верно, совершенно верно. Смерть, как сказал псалмопевец, есть удел каждого: все мы умрем. А в какой цене пара добрых волов на Стемфордской ярмарке?

Сайленс

Право, кузен, не знаю; я там не был.

Шеллоу

Да, от смерти не уйдешь. А что, жив еще старик Дебл, ваш земляк?

Сайленс

Умер, сэра.

Шеллоу

Ах, господи Иисусе, умер! Он отлично стрелял из лука. И вдруг умер... Да, отменный был стрелок. Джон Гант очень его любил и, бывало, ставил на него большие заклады. Умер!.. Он попадал в цель с двухсот сорока шагов, а легкую стрелу пускал с двухсот семидесяти; поглядеть на него — душа радовалась. А почему теперь овцы?

Сайленс

Смотря по товару. Два десятка добрых овец идут за десять футов.

Шеллоу

Так старик Дебл умер?

Сайленс

Вот идут, кажется, двое из отряда сэра Джона Фальстафа.

Входит Бардольф с одним из солдат.

Бардольф

С добрым утром, почтенные джентльмены. Будьте добры сказать, кто из вас судья Шеллоу.

Шеллоу

Я Роберт Шеллоу, сэра, скромный эсквайр здешнего графства и королевский мировой судья. Чем могу служить?

Бардольф

Мой капитан, сэра, свидетельствует вам свое почтение. Мой капитан, сэра Джон Фальстаф — видный дворянин, клянусь небом, и отважный полководец.

Шеллоу

Благодарю за поклон. Я знал его как славного рубаку. Как поживает добрейший рыцарь? Осмелюсь спросить, как здоровье миледи его супруги.

Бардольф

Простите, сэра, но солдату предпочтительнее обходиться без жены.

Шеллоу

Хорошо сказано, честное слово, сэра. В самом деле хорошо сказано. Предпочтительнее обходиться без жены? Превосходно! Да, так оно и есть. Отличные изречения всеми ценятся и всегда ценились. «Предпочтительнее» ведь это происходит от слова «почтительнее». Отличное изречение.

Бардольф

Прошу прощения, сэр, это словцо мне доводилось слышать. «Изречение», говорите вы? Клянусь дневным светом, я не знаю никаких «изречений». Но, что касается слов, сказанных мною, я готов своим мечом доказать, что это истинно солдатские слова, под стать любому командиру, клянусь небом! «Предпочтительнее» — это значит, когда человек, как говорится, предпочитает... Или когда человек находит, что он предпочитает... или, еще вернее, думает, что предпочитает, — а это самое главное.

Шеллоу

Совершенно верно.

Входит Фальстаф.

А вот и добрейший сэр Джон! Вашу руку, вашу почтенную руку, сэр. Честное слово, у вас отличный вид, и вы молодо выглядите для своих лет. Добро пожаловать, добрейший сэр Джон!

Фальстаф

Очень рад видеть вас в добром здоровье, дорогой мистер Роберт Шеллоу. Мистер Шуркард, если не ошибаюсь?

Шеллоу

Нет, сэр Джон, это кузен Сайленс, мой сослуживец.

Фальстаф

Добрейший мистер Сайленс, вам весьма к лицу такая мирная должность, как мирового судьи.

Сайленс

Благодарю покорно вашу милость.

Фальстаф

Фу, какая жара! Ну что же, господа, приготовили вы мне с полдюжины годных рекрутов?

Шеллоу

Разумеется, приготовили, сэр. Не угодно ли вам присесть?

Фальстаф

Покажите мне, пожалуйста, рекрутов.

Шеллоу

Где список? Где список? Где список? Дайте взглянуть, дайте взглянуть. Так, так, так, так. Да, сэр, именно так. Релф Плесень. Я буду их выкликать, и пусть они выходят, пусть выходят, пусть выходят. Посмотрим. Где же Плесень?

Плесень

Я здесь, с вашего разрешения.

Шеллоу

Что скажете, сэр Джон? Парень недурно сложен, молодой, крепкий и из хорошей семьи.

Фальстаф

Тебя зовут Плесень?

Плесень

Да, с вашего разрешения.

Фальстаф

Так пора тебя встряхнуть.

Шеллоу

Ха-ха-ха! Превосходно, ей-богу! Ведь вещи покрываются плесенью, когда залежатся. Замечательно! Честное слово, прекрасно сказано, сэр Джон, отлично сказано.

Фальстаф

(к Шеллоу)

Отметьте его.

Плесень

Довольно уже меня метили, пора бы меня оставить в покое. Моя старуха без меня совсем пропадет. Разве ей одной управиться с хозяйством да со всей работой? Нечего вам меня метить, найдутся молодцы более пригодные для этого дела, чем я.

Фальстаф

Ну, помалкивай, Плесень. Мы тебя забираем. Пора тебя встряхнуть, Плесень.

Плесень

Встряхнуть!

Шеллоу

Молчи, приятель, молчи! Стань в сторонку. Или ты позабыл, где находишься? — Перейдем к следующему, сэр Джон. Посмотрим, посмотрим... Симон Тень!

Фальстаф

Черт возьми, хорошо бы сейчас посидеть к тени. Думается мне, из него выйдет хладнокровный солдат.

Шеллоу

Где Тень?

Тень

Здесь, сэр.

Фальстаф

Тень, чей ты сын?

Тень

Моей матери, сэр.

Фальстаф

Сын своей матери? Это весьма вероятно. И к тому же тень своего отца: ведь сын женщины есть тень мужчины, а не его подобие. Да, частенько так бывает.

Шеллоу

Как он вам нравится, сэр Джон?

Фальстаф

Тень пригодится летом: отметьте его. У нас уже немало теней в списках.

Шеллоу

Томас Бородавка!

Фальстаф

Где он?

Бородавка

Здесь, сэр.

Фальстаф

Тебя зовут Бородавкой?

Бородавка

Да, сэр.

Фальстаф

Ты, я вижу, препаршивая бородавка.

Шеллоу

Отметить и его, сэр Джон?

Фальстаф

В этом нет надобности; ведь одежда висит на нем, как на шесте, и ноги у него как две черточки, — он и так смахивает на отметку в списке.

Шеллоу

Ха-ха-ха! Славная шутка, сэр, славная шутка! Браво, браво! — Франсис Мозгляк!

Мозгляк

Здесь, сэр.

Фальстаф

Ты каким ремеслом занимаешься. Мозгляк?

Мозгляк

Я женский портной, сэр.

Шеллоу

Отметить и его, сэр?

Фальстаф

Отметьте. Но, будь он мужской портной, он бы сам разметил нас мелом. Что, сделаешь ты в неприятельских рядах столько прорех, сколько наделал в женских юбках?

Мозгляк

Изо всех сил постараюсь, сэр. Уж будете мною довольны.

Фальстаф

Хорошо сказано. Молодец, женский портной! Хорошо сказано, храбрый Мозгляк. Ты будешь столь же отважен, как разъяренный голубь или доблестная мышь. Отметьте женского портного, мистер Шеллоу, да получше, покрепче.

Мозгляк

Хотелось бы мне, чтобы и Бородавку забрали.

Фальстаф

Хотелось бы мне, чтобы ты был мужским портным, тогда бы ты его починил и сделал годным для маршировки. Я не могу сделать простым солдатом того, кто ведет за собой целую армию. Удовлетворись этим, грозный Мозгляк.

Мозгляк

Понял, сэр.

Фальстаф

Благодарю тебя, почтеннейший Мозгляк. — Кто следующий?

Шеллоу

Питер Бычок с лужка.

Фальстаф

Ну, посмотрим на Бычка.

Бычок

Здесь, сэр.

Фальстаф

Ей-богу, видный парень! — Отметьте Бычка, пока он не заревел.

Бычок

О господи! Добрейший господин капитан!..

Фальстаф

Как! Тебя еще не отметили, а ты уже ревешь?

Бычок

О господи! Я больной человек, сэр!

Фальстаф

Какая же у тебя болезнь?

Бычок

Проклятая простуда, сэр; кашель, сэр. Я схватил его на королевской службе — в день коронации, сэр, когда звонил на колокольне.

Фальстаф

Ладно, ты отправишься на войну в халате. Мы выгоним из тебя простуду, я распоряжусь, чтобы твои друзья звонили по тебе. — Все теперь?

Шеллоу

Я вызвал на два человека больше, чем вам требовалось, вам надобно только четырех, сэр. — А теперь прошу ко мне отобедать.

Фальстаф

Я готов выпить с вами, а обедать мне некогда. Честное слово, я рад был свидеться с вами, мистер Шеллоу.

Шеллоу

О сэр Джон, помните, как мы с вами провели ночь на ветряной мельнице на Сент-

Джорджских лугах?

Фальстаф

Лучше не вспоминать об этом, добрейший мистер Шеллоу, лучше не вспоминать.

Шеллоу

Веселая была ночка! А что, Дженни Ночная Пташка еще жива?

Фальстаф

Жива, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Никак ей не удавалось сладить со мной.

Фальстаф

Никак. Она, бывало, говорила: "Терпеть не могу мистера Шеллоу".

Шеллоу

Клянусь мессой, я умел бесить ее. Славная была бабенка. Ну что, она еще держится?

Фальстаф

Постарела, сильно постарела, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Понятно, что постарела. Да как же ей не быть старой? Ведь у нее уже был сын Робин Найтуэрк от старого Найтуэрка, прежде чем я поступил и Климентов колледж...

Сайленс

Это было пятьдесят пять лет назад.

Шеллоу

Да, кузен Сайленс. если б ты только знал, что мы перевидали с этим джентльменом на своем веку! Верно я говорю, сэр Джон?

Фальстаф

Да, частенько мне приходилось слышать, как бьет полночь, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Приходилось, приходилось, сэр Джон, ей-богу, приходилось. Нашим лозунгом было: "Не зевай, ребята!" Ну, идемте обедать, идемте обедать. Господи, вот славное было времечко! Идемте, идемте.

Фальстаф, Шеллоу и Сайленс уходят.

Бычок

Добрейший господин капитан Бардольф, замолвите за меня словечко, и вот вам за это четыре монеты по десяти шиллингов французскими кронами. Честное слово, сэр, для меня идти на войну — все равно что на виселицу. О себе самом, сэр, я и хлопотать бы не стал, но потому как мне больно неохота, и уж очень мне желательно с друзьями остаться; не будь этого, сэр, я бы нипочем не стал о самом себе хлопотать.

Бардольф

Ладно, отойди в сторонку.

Плесень

Добрейший господин капрал-капитан, ради моей старухи замолвите за меня словечко. Ежели я уйду, то некому будет по хозяйству работать, а она у меня старенькая и сама не может управиться. Я дам вам сорок шиллингов, сэр.

Бардольф

Ладно, отойди в сторонку.

Мозгляк

Ей-богу, мне все нипочем: смерти не миновать. Ни и жизнь не стану труса праздновать. Суждено умереть — ладно, не суждено — еще лучше. Всякий должен служить своему государю, и, что бы там ни было, а уж тот, кто помрет в этом году, застрахован от смерти на будущий.

Бардольф

Хорошо сказано. Ты молодец.

Мозгляк

Ей-богу, не стану я труса праздновать.

Входят Фальстаф, Шеллоу и Сайленс.

Фальстаф

Ну, сэр, кого же из них мне забирать?

Шеллоу

Четверых, по вашему усмотрению.

Бардольф

(тихо, Фальстафу)

Сэр, на два слова. Я получил три фунта, с тем чтобы освободить Плесень и Бычка.

Фальстаф

Ладно, пусть будет так.

Шеллоу

Ну, сэр Джон, кого же вы выберете?

Фальстаф

Выбирайте вы за меня.

Шеллоу

Хорошо. Возьмите Плесень, Бычка, Мозгляка и Тень.

Фальстаф

Плесень и Бычка? Ты, Плесень, оставайся дома, пока не придешь в полную негодность.

А что до тебя, Бычок, то тебе еще надо подрасти для службы. Вы оба мне не нужны.

Шеллоу

Сэр Джон, сэр Джон, вы действуете в ущерб себе. Эти двое — самые лучшие, а мне хотелось, чтобы у вас были под началом отборные солдаты.

Фальстаф

Уж не собираетесь ли вы, мистер Шеллоу, учить меня, как выбирать солдат? Велика важность — сложение, сила, статность, рост, осанка! Мне важен дух солдата, мистер Шеллоу! Возьмите Бородавку. С виду — совсем жалкий оборванец. Но поверьте, он будет заряжать и разряжать ружье быстрее, чем кузнец бьет молотом; он будет напирать и ломить вперед с быстротой малого, что катит бочку с пивом. А этот тощий парень Тень — вот каких солдат мне нужно. Неприятелю никак в него не попасть: это все равно что целиться в лезвие перочинного ножа. А в случае отступления — как шибко побежит этот Мозгляк, женский портной! О, подавайте мне неприглядных рекрутов — и я не взгляну на рослых! — Бардольф, дай-ка Бородавке мушкет.

Бардольф

Держи, Бородавка. Шагом марш! Так, так, так,

Фальстаф

Посмотрим, как ты управляешься с мушкетом. Так, очень хорошо... Продолжай... Очень хорошо... Отлично... О, подавайте мне плюгавых, тощих, старых, сморщенных, лысых стрелков! Здорово, Бородавка, ей-богу! Ты славный прыщ. Вот тебе шесть пенсов.

Шеллоу

А все-таки он не мастер своего дела; еще не наострился. Помню, когда я был еще в Климентовом колледже и изображал на Артуровых играх в Майленд-Грине сэра Дагонета, там был один маленький ловкий человечек, — вот уж здорово палил из мушкета! Повернет его и так и этак, и туда и сюда, а потом прицелится — пиф-паф, трах-тарарах! — и отскочит назад, а потом опять — и туда и сюда... Этакого ловкача мне больше никогда не увидеть.

Фальстаф

Эти молодцы мне подходят, мистер Шеллоу. — Да хранит вас бог, мистер Сайленс; не буду тратить с вами лишних слов. — Прощайте, господа. Благодарю вас. Мне еще до ночи надо сделать добрых двадцать миль. — Бардольф, выдай новобранцам мундиры.

Шеллоу

Да благословит вас господь, сэр Джон! Да поможет он вам во всех делах ваших! Да пошлет нам бог мирные времена! На обратном пути заезжайте ко мне. Возобновим старое

знакомство. Может статься, я отправлюсь с вами ко двору.

Фальстаф

Видит бог, я бы очень хотел этого, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Ладно. Уж как сказано, так и будет сделано. Да хранит вас бог.

Фальстаф

Прощайте, благородные джентльмены.

Сайленс и Шеллоу уходят.

Бардольф, уведи солдат.

Бардольф и рекруты уходят.

Фальстаф

На обратном пути уж я постригу этих судей! Насквозь нижу этого Шеллоу. Боже ты мой, до чего мы, старые люди, подвержены пороку лжи! Этот дохлый судья только и делал, что хвастал передо мной своей разгульной молодостью и своими подвигами на Торнбульской улице, и каждое третье слово было ложью, которую он подносил слушателю аккуратнее, чем платят дань турку. Я его помню в Климентовом колледже; он похож был на человечка, вырезанного в конце ужина из корки сыра. Голый он был точь-в-точь как раздвоенная редька с вырезанной наверху смешной рожей. Он был так тощ, что близорукому его нипочем бы не разглядеть. Это был настоящий призрак голода; и притом похотлив, как мартышка, так что женщины звали его мандрагорой. Вечно он плелся в хвосте у моды и распевал обтрепанным потаскушкам песни, которые подслушивал у извозчиков, да еще при этом клялся, что сам сочинил эти романсы и серенады. И теперь эта шутовская рапира стала эсквайром и развязно говорит о Джоне Ганте, как если бы тот был ему названным братом. А я готов поклясться, что он видел его всего раз в жизни в Тильт-Ярде, когда Гант проломил ему голову за то, что он затесался в свиту лорд-маршала, Я присутствовал при этом и сказал Джону Ганту, что он отколотил свое собственное прозвище. Ведь его со всей его одежей можно было запрятать в шкурку угря; в футляре от гобоя ему было бы просторно, как в каком-нибудь дворце. А теперь у него и поместье и рогатый скот... Непременно заведу с ним дружбу, когда вернусь, и будь я не я, если не сделаю себе из него два философских камня. Если старая щука глотает молодую плотву, то, по закону природы, у меня все основания проглотить судью. Дайте срок, и все будет в порядке. (Уходит.)

АКТ IV

СЦЕНА 1

Йоркшир. Лес Голтри.

Входят архиепископ Йоркский, Маубрей, Хестингс и другие.

Архиепископ

Как этот лес зовется?

Хестингс

Голтрийский лес, коль вам угодно знать.

Архиепископ

Здесь остановимся и разошлем

Разведчиков — узнать число врагов.

Хестингс

Они уже отправлены.

Архиепископ

Прекрасно.

Друзья мои, собратья по оружию,

Я должен вам сказать, что получил
Письмо недавно от Нортемберленда,
Холодное по тону и по смыслу:
Хотел бы, пишет, к нам примкнуть, но с войском,
Достойным имени его и сана.
Такого не собрав, он удалился
В Шотландию, чтоб дать созреть удаче.
В конце письма возносит он молитву,
Чтоб выдержало наше начинанье
Опасности и страшный бой с врагом.
Маубрей
Так рухнули надежды на него,
Разбившись в прах.
Входит гонец.
Хестингс
Ну что, какие вести?
Гонец
В порядке стройном с запада подходит
К нам неприятель; он от нас лишь в миле,
И, судя по пространству, что он занял,
В его рядах должно быть тысяч тридцать,
Маубрей
Как раз мы столько и предполагали.
Так двинемся и в поле встретим их.
Входит Уэстморленд.
Архиепископ
Кто этот рыцарь в боевых доспехах?
Маубрей
Я полагаю, это Уэстморленд.
Уэстморленд
Вам шлет привет, желает вам здоровья
Наш полководец герцог Джон Ланкастер.
Архиепископ
Так с миром говорите, Уэстморленд:
Чем вызван ваш приход?
Уэстморленд
Я речь свою
К вам обращаю, ваше преподобье.
Когда бы в образе своем восстанье
Явилось к нам — толпой презренной, гнусной
Мальчишек, попрошайек, оборванцев,
Под предводительством юнцов свирепых,
Под знаком ярости, — я говорю,
Когда б мятеж проклятый нам предстал
В своем природном, подлинном обличье,
То вы, святой отец, и вы, милорды,
Своей прекрасной честью не прикрыли б
Уродливую наготу кровавой
И мерзкой смуты. Лорд архиепископ,
Вы, чей престол храним гражданским миром,
Чья борода в дни мира поседела,
Чью мудрость и ученость мир вскормил,

Чье облаченье белое — эмблема
И голубиной чистоты и мира,
Зачем вы переводите себя
С благословенного наречья мира
На грубый, яростный язык войны,
В могилы превращая ваши книги,
Чернила — в кровь и перья ваши — в копыя,
А вдохновенный голос ваш — в трубу,
Гремящую суровый клич войны?
Архиепископ
Спросили вы: зачем я сделал так?
Вот краткий вам ответ; мы все больны;
Излишествами и развратной жизнью
Себя мы до горячки довели,
И нужно кровь пустить нам. Заразившись
Той хворью, Ричард, наш король, погиб.
Однако, благородный Уэстморленд,
Не а качестве врача сюда я прибыл
И не как враг спокойствия и мира
Вступил в ряды бойцов. Нет, лишь на время
Я принимаю грозный вид войны,
Чтоб воздержаньем души излечить,
Пресыщенные счастьем, от застоя
Очистить кровь, готовую свернуться.
Теперь я выскажусь яснее. Взвесил
Я справедливо, на одних весах,
Восстанья зло и зло, какое терпим,
И перевесили страданья наши
Предполагаемый ущерб. Мы видим,
Куда течет поток времен, и нас
Событий бег из мирной сферы вырвал.
Мы перечень подробный всех обид.
Нам причиненных, в должный час предъявим.
Давно его представить мы хотели,
Но не добились доступа к монарху.
Когда желали перечислить мы
Свои обиды, нас не допускали
Те лица, что чинили нам обиды.
Опасности едва минувших дней,
Чей след еще не высохшею кровью
Начертан на земле родной, примеры,
Что каждый миг встречаем в наше время,
Принудили нас меч поднять — хоть это
И чуждо нам — не с тем, чтоб мир нарушить.
Иль ветвь его хотя б одну сломить,
Но чтобы мир нам подлинно упрочить
Не только на словах, но и на деле.
Уэстморленд
Когда король не принял ваших жалоб?
Чем оскорбил он вас? Какие пэры
Вас обижали по его приказу?
Что побудило ваше преподобье

Восстанья свиток дерзкий и кровавый
Скрепить своей божественной печатью
И освятить раздора ярый меч?
Архиепископ
Хоть государство всем нам брат, — оно
Сейчас мне лютый враг из-за расправы,
Постигшей моего родного брата.
Уэстморленд
Во мстителе здесь нет нужды, поверьте;
А будь она, — вам не пристало мстить!
Маубрей
А почему бы не пристало нам?
Ведь в памяти у нас еще свежи
Удары дней былых, а в настоящем
Мы терпим гнет несправедливой руки,
Что душист нашу честь!
Уэстморленд
Добрейший лорд,
Постигнув роковую неизбежность
Событий наших дней, вы убедитесь,
Что ваш обидчик — время, не король.
Но все ж мне кажется, что лично вам
Ни наше время, ни король не дали
Ни на волос для жалоб оснований.
Иль вам не возвратили всех владений,
Которые имел родитель ваш,
Достойный, благородный герцог Норфолк?
Маубрей
Да разве мой отец права утратил
И должен был я снова в них вступить?
Король, его любивший, должен был
Лишь силой обстоятельств, против воли
Его изгнать. В тот миг, когда отец
И Болингброк, привстав на стременах.
Коней ретивых шпорой горяча,
С копьем наперевес, спустив забрала,
Сверкали взорами сквозь сталь решетки
И подала труба сигнал к сраженью,
Тогда, тогда что удержать могло бы
Отца от смертоносного удара?
Но бросил жезл свой государь, не зная,
Что жизнь его на том жезле висела,
В тот миг он бросил жизнь свою и жизни
Всех тех, кто от меча иль по доносам
В правленье Болингброка принял смерть.
Уэстморленд
Пустое говорите вы, лорд Маубрей!
В те времена граф Херифорд считался
Одним из самых доблестных бойцов.
Как знать, кому бы счастье улыбнулось?
Но если бы отец ваш победил,
Из Ковентри не вынес бы он славы,

Затем что вся страна единодушно
Его хулила, а молитвы всех
За графа Херифорда возносились,
Которого боготворил народ
И чествовал превыше короля.
Однако отклонился я от цели.
Сюда я послан царственным вождем
Узнать, чем недовольны вы, а также
Сказать, что вас он выслушать согласен,
И, коль законны требованья ваши.
Готов он их исполнить, устранив
Все то, что возбудило в вас вражду.
Маубрей
Он вынужден вступить и переговоры;
И движет им расчет, а не любовь.
Уэстморленд
В вас говорит, лорд Маубрей, самомнение.
Не страх таится и предложенье нашем,
А милость. Вот пред вами наше войско:
Оно, готов поклясться я, надежно,
И мысль о страхе допустить нельзя.
У нас в рядах имен блестящих больше,
И воины искусней в ратном деле,
Оружье лучше, выше цель, — должны
Мы и храбрее быть. Не говорите ж,
Что вынуждено предложенье наше.
Маубрей
Не допустил бы я переговоров.
Уэстморленд
Так, значит, стыдно вам своих поступков:
Не выдержит гнилье прикосновения.
Хестингс
Уполномочен ли принц Джон вести
Переговоры от лица монарха.
Принять решение и условия мира?
Уэстморленд
Со званьем полководца неразлучны
Все полномочья: празден ваш вопрос.
Архиепископ
Тогда, милорд, возьмите этот свиток;
В нем перечень всех требований наших.
Пусть все условия по статьям исполнят,
Сторонники все наши — здесь и всюду
Оправданы пусть будут по закону,
Пускай подпишет принц свое согласие
Желанья наши выполнить — и тотчас
Мы в берега покорности вернемся,
Рукою мира мощь свою сковав.
Уэстморленд
Ваш свиток принцу я вручу. Милорды,
Мы на глазах у наших войск сойдемся
И, если будет воля божья, миром

Закончим это дело, если ж нет,
Тогда пускай мечи на поле брани
Решат наш спор.
Архиепископ
Да будет так, милорд.
Уэстморленд уходит.
Маубрей
Мне говорит какой-то тайный голос,
Что прочным этот мир не может быть.
Хестингс
Не бойтесь. Если мир мы заключим
На основанье тех определенных,
Пространных требований, что мы ставим,
Мир будет каменной скалы прочней.
Маубрей
Да, но мы будем на таком счету,
Что всякий вздорный и ничтожный повод,
Нелепый, незначительный предлог
Напомнит государю о восстанье;
И, будь мы в верности своей готовы
Идти на жертву за него, нас будут
Провеивать таким суровым ветром,
Что легче станут зерна, чем мякина,
И в нас добра не отличат от зла.
Архиепископ
Нет, нет, милорд. Заметьте, государь
Устал от вздорных и досадных распрей.
Он увидал, что, умертвив врага,
В наследниках двух новых наживаешь,
И потому захочет, без сомненья,
Он со своих табличек все стереть,
Наветчиков из памяти изгнав,
Чтоб не будили в нем воспоминаний
О прежних неудачах. Он ведь знает:
В стране не выплоть всех сорных трав,
Как подозрительность его хотела б;
Его друзья с врагами так сплелись,
Что, если вырвет с корнем он врага,
Тем самым нанесет ущерб и другу.
Страна подобна женщине сварливой,
Что до побоев мужа довела,
Когда же он занес над ней кулак,
Дитя протягивает, чтобы этим
Карающую руку удержать.
Хестингс
К тому ж король переломал все розги
О прежних оскорбителей своих;
Теперь недостает орудий казни,
И мощь его, как лев, когтей лишенный,
Грозить лишь может, не терзать.
Архиепископ
Вы правы,

И потому поверьте мне, лорд-маршал,
Что если мы поладим с ним, то мир,
Как сломанная кость, что вновь срослась,
Прочней лишь будет впредь.
Маубрей
Да будет так!
Вот возвращается лорд Уэстморленд.
Входит Уэстморленд.
Уэстморленд
Принц приближается. Угодно ль вам
С ним встретиться, милорды, меж войсками?
Маубрей
Идемте с богом, ваше преподобье.
Архиепископ
Приветнесите принцу. Мы идем.
Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.
Входят с одной стороны — Маубрей, архиепископ, Хестингс
и другие, с другой — принц Джон Ланкастерский, Уэстморленд,
офицеры и свита.
Принц Джон
Добро пожаловать, кузен мой Маубрей.
Приветствую вас, лорд архиепископ,
И вас, лорд Хестингс, как и всех других.
Вам несравненно больше подобало б,
Милорд архиепископ, быть средь паствы,
Собравшейся на колокольный звон
И проповеди внемлющей смиренно,
Чем в этот грозный час в стальной броне
Воспламенять крамольников толпу
Под грохот барабанов, превращая
Слова в мечи, а жизнь благу в смерть.
Тот, кто владеет сердцем государя,
Созрев под солнцем милости его,
Коль обратит во зло его доверье,
Ах, сколько бед он может натворить
Под сенью королевской! Так и вы,
Милорд архиепископ. Как глубоко
Вы вникли в слово божье! Это было
Известно всем. И были вы для нас
Господнего парламента оратор;
Для нас вы были голосом господним,
Глашатаем, посредником усердным
Меж благодатью, меж святыней горней
И грешной суетой. Кто б мог поверить,
Что вы свой сан во зло употребите,
Воспользуетесь благодатью неба,
Как пользуется низкий фаворит
В делах бесчестных именем монарха?

Под лживою личиною божьей воли
Вы наших подданных вооружили
На божьего наместника — монарха
И мир небесный и земной нарушив,
Собрали полчища.
Архиепископ
Добрейший принц,
Мы не пришли нарушить мир земной
Но, как сказал я лорду Уэстморленду,
Година смуты нам велит, сплотившись,
Прибегнуть к столь чудовищному средству,
Чтоб оградить себя. Я предъявил
Вам перечень обид, нам причиненных,
С презреньем был отвергнут он двором,
И это породило гидру войн,
Чей грозный взор вы усыпить могли бы,
Законные исполнив наши просьбы.
Тогда покорность, сбросив гнет безумья,
К монаршим кротко склонится стопам.
Маубрей
А нет — мы до последней капли крови
Сражаться будем.
Хестингс
Если ж мы падем,
Союзники подхватят наше знамя;
Тех перебьют — другие сменят их,
И будет зло плодиться; станет распря
Переходить из рода в род, доколе
В стране рождаться будут поколенья.
Принц Джон
Вы чересчур, лорд Хестингс, близоруки,
Чтоб в даль веков грядущих прозревать.
Уэстморленд
Угодно ль высказать вам, ваша светлость,
Как смотрите вы на условия их?
Принц Джон
Я одобряю все, и принимаю,
И честью рода нашею клянусь,
Что ложно поняли монарха волю
И что иные из придворных наших
Употребили власть его во зло.
Милорд, исправлено все будет скоро,
Клянусь душою. Если вы довольны,
Своих солдат по графствам распустите;
Поступим так же мы. И меж войсками
Мы выпьем вместе, дружески обнявшись,
Чтоб всякий подтвердил, придя домой,
Что восстановлены приязнь и мир.
Архиепископ
Мне ваше слово, принц, порукой служит.
Принц Джон
Даю охотно слово и сдержу,

Я за здоровье ваше пью сейчас.
Хестингс
(одному из офицеров)
Ступайте, возвестите мир войскам;
Пускай заплатят им и всех распустят;
Им это будет в радость. Поспешите.
Офицер уходит.
Архиепископ
Я пью за вас, достойный Уэстморленд.
Уэстморленд
А я, милорд, за вас. Когда б вы знали,
Каких трудов мне стоит этот мир,
Охотней пили б вы. Я полагаю,
В моей любви вы скоро убедитесь.
Архиепископ
Не сомневаюсь в ней.
Уэстморленд
Душевно рад.
Здоровье ваше пью, кузен лорд Маубрей.
Маубрей
Мне вовремя желаете здоровья:
Внезапно стало как-то худо мне.
Архиепископ
Перед напастью люди веселы,
А тяжесть в сердце предвещает счастье.
Уэстморленд
Так будьте веселы; порыв печали
Внушает вам, чтоб радости вы ждали.
Архиепископ
Поверьте, у меня легко на сердце.
Маубрей
Тем хуже, если правильна примета,
За сценой крики.
Принц Джон
Объявлен мир. Вы слышите — ликуют?
Маубрей
Услышать бы победы ликованье!
Архиепископ
С победою одной природы мир:
В нем обе стороны покорены,
Но без потерь.
Принц Джон
Ступайте, Уэстморленд,
И наше войско также распустите.
Уэстморленд уходит.
Милорд, давайте мы солдатам нашим
Прикажем здесь пройти, чтоб увидеть
Противников недавних.
Архиепископ
Пусть, лорд Хестингс,
Пред тем как разойтись, пройдут пред нами.
Хестингс уходит.

Принц Джон
Надеюсь, ночь мы вместе проведем?
Входят Уэстморленд.
Что ж наша армия стоит недвижно?
Уэстморленд
Вы им стоять велели — не уйдут,
Пока от вас приказа не получат.
Принц Джон
Они свой знают долг.
Входит Хестингс.
Хестингс
Милорд, рассеялось все наше войско:
Как распряженные быки — спешат
На юг, на север, запад и восток;
Как школьники, которых отпустили,
Стремятся кто домой, кто на забавы.
Уэстморленд
Весть добрая; в награду за нее
Вас арестую, Хестингс, за измену,
А также вас, епископ и лорд Маубрей.
Маубрей
Достойно ль, честно ли так поступать?
Уэстморленд
А заговор честней?
Архиепископ
Где ж верность слову?
Принц Джон
Не давал я слова;
Лишь обещал я сделать улучшения,
Каких вы требовали, и клянусь
Я все исполню свято. Что до вас,
Изменники, готовьтесь встроить кару
За действия свои и за восстанье.
Мятеж был вздорен: глупо было рать
Вести на нас, безумно — распускать.
Бить и барабан, преследовать ораву!
Не нам, а господу победы слава!
До плахи их сберечь; на ложе том
Измена дух испустит со стыдом.
Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть леса.
Шум битвы. Стычки.
Встречаются Фальстаф и сэр Джон Кольвиль.
Фальстаф
Как ваше имя, сэр? Скажите, пожалуйста, какого вы звания и откуда родом?
Кольвиль
Я рыцарь, сэр, и зовут меня Кольвиль из Долины.
Фальстаф
Ну, хорошо: имя ваше — Кольвиль, звание — рыцарь, а место жительства долина. Имя

Кольвиль останется и впредь за вами, но отныне ваше звание будет изменник, а место жительства — тюрьма; там достаточно глубокие подвалы, так что вы по-прежнему будете Кольвилем из Долины.

Кольвиль

Не вы ли сэра Джон Фальстаф?

Фальстаф

Кем бы я ни был, сэра, я не хуже его. Что же, сдаются вы, сэра, или мне придется потеть из-за вас? Если так, то капли моего пота станут слезами ваших близких, оплакивающих вашу смерть. Итак, повергнись в страх и трепет и умоляй меня о пощаде.

Кольвиль

Мне думается, вы сэра Джон Фальстаф, и потому я сдаюсь вам.

Фальстаф

У меня в утробе целая куча языков, и они всем и каждому выбалтывают мое имя. Будь у меня брюхо хоть сколько-нибудь обыкновенных размеров, я был бы самым проворным малым во всей Европе. Моя утроба губит меня. — А вот и ваш полководец.

Входят принц Джон Ланкастерский, Уэстморленд, Блент и другие.

Принц Джон

Жар миновал. Погоню прекратить;

Трубить отбой велите, Уэстморленд.

Уэстморленд уходит.

Фальстаф, где были вы все это время?

Когда все кончено, вы появились.

Клянусь, проделки эти вас заставят

У виселицы проломить хребет.

Фальстаф

Странно было бы, милорд, если бы этого не случилось. Известно, что хула и попреки всегда служат наградой за доблесть. Что же я, по-вашему, ласточка, стрела или пушечное ядро? Разве я, несчастный старик, могу мчаться с быстротой мысли? Я спешил сюда сломя голову, загнал больше ста восьмидесяти почтовых лошадей, прискакал сюда и, хоть весь еще в дорожной пыли, тут же проявил высокую геройскую доблесть, взяв в плен сэра Джона Кольвиля из Долины, бешеного рыцаря и доблестного противника. По мне это нипочем! Он увидел меня и сдался, так что я, по чести, могу сказать вместе с крючконосым римским молодцом: "Пришел, увидел, победил".

Принц Джон

Вы обязаны этим скорее его учтивости, чем своей доблести.

Фальстаф

Но я знаю только одно. Вот он, я вам его передаю и прошу вашу милость записать мой подвиг наряду с другими деяниями сегодняшнего дня, а не то, клянусь богом, я велю сложить особую балладу, а над заглавием изобразить Кольвиля, целующего мой ноги. Если вы меня к этому принудите, то, клянусь словом дворянина, вы все покажетесь рядом со мной позолоченными грошами и мне удастся на ярком небе славы затмить вас, как полная луна затмевает небесные светила, которые кажутся по сравнению с ней булавочными головками. Поэтому воздайте мне должное, и пусть доблесть будет превознесена.

Принц Джон

Твоя доблесть слишком тяжела, чтобы ее возносить.

Фальстаф

Так пусть она воссияет.

Принц Джон

Она слишком мутна, чтобы сиять.

Фальстаф

Делайте с ней что угодно, добрейший принц, называйте ее как хотите, лишь бы мне это

послужило на пользу.

Принц Джон

Так ты зовешься Кольвиль?

Кольвиль

Да, милорд.

Принц Джон

Ты, Кольвиль, всем известный бунтовщик.

Фальстаф

А в плен его взял всем известный верноподданный.

Кольвиль

Таков же я, как и мои вожди,

Приведшие меня; будь я начальник,

Дороже обошлась бы вам победа.

Фальстаф

Не знаю, за сколько они себя продали, но ты, добрый малый, отдался мне даром, за что я и приношу тебе благодарность.

Входит Уэстморленд.

Принц Джон

Прекращена погоня?

Уэстморленд

Бьют отступенье, кончилась расправа.

Принц Джон

И Кольвиля и присных всех его

Отправить в Йорк и там казнить немедля.

Вам поручаю, Блент, его стеречь.

Кольвиль под стражей и Блент уходят.

Мы ко двору отправимся, милорды.

Слышал я; тяжело болен государь;

Весть о победе пусть опередит нас.

(Уэстморленду.)

Кузен, еенесите королю,

Чтобы его утешить и ободрить,

А мы за вами следом поспешим.

Фальстаф

Милорд, позвольте мне направить путь

Чрез Глостершир, а возвратясь домой,

Меня не обойдите похвалой.

Принц Джон

Прощайте, сэр. Мне сан велит о вас

Дать лучший отзыв, чем вы заслужили.

(Уходит.)

Фальстаф

Дай бог, чтобы у тебя хватило на это ума; это было бы почище твоего герцогства. Клянусь честью, этот рассудительный юнец недолюбливает меня. Его ни за что на свете не рассмешишь; да это и не удивительно: ведь он не пьет вина. Из таких благонаправленных юношей никогда не получается толку. Легкие напитки и пристрастие к рыбным блюдам до того охлаждают им кровь, что они впадают в какую-то мужскую бледную немочь, а когда женятся, то производят на свет одних девчонок. Большей частью они дураки и трусы. Пожалуй, некоторые из нас недалеко бы от них ушли, если бы не прибегали к горячительным напиткам. Добрый херес производит двойное действие: во-первых, он ударяет вам в голову и разгоняет все скопившиеся в мозгу пары глупости, мрачности и грубости, делает ум восприимчивым, живым, изобретательным, полным легких, пылких,

игривых образов, которые передаются языку, от чего рождаются великолепные шутки. Второе действие славного хереса состоит в том, что он согревает кровь; ведь если она холодная и неподвижная, то печень становится бледной, почти белой, что всегда служит признаком малодушия и трусости; но херес горячит кровь и гонит ее по всему телу. Она воспламеняет лицо, которое, как сигнальный огонь, призывает к оружию все силы человека, этого крохотного королевства; и вот полчища жизненных сил и маленькие духи собираются вокруг своего предводителя — сердца, и оно, раззадорившись и гордясь такой свитой, отваживается на любой подвиг, — и все это от хереса. Таким образом, военное искусство — ничто без хереса, ибо он приводит его в действие, а ученость — не более как золотой клад, оберегаемый дьяволом, пока херес не выведет ее на свет и не пустит в ход и оборот. Поэтому-то и храбр принц Гарри, что холодную кровь, унаследованную им от отца, он, словно тощую и бесплодную почву, утучнил, оросил и обработал усердными выпивками, вливая в себя кружку за кружкой благодатного хереса. Вот почему он горячий и храбрый. Будь у меня хоть тысяча сыновей, я первым долгом внушил бы им следующее жизненное правило: избегать легких напитков и пить как можно больше хересу.

Входит Бардольф.

Ну что, Бардольф?

Бардольф

Войско распущено, и все разошлись по домам.

Фальстаф

Пускай себе! Я отравлюсь через Глостершир и там навещу мистера Роберта Шеллоу, эсквайра. Я уже порядком размял его между пальцами и скоро буду запечатывать им письма. Идем.

Уходят.

СЦЕНА 4

Уэстминстер. Иерусалимская палата.

Входят король Генрих, Кларенс, Глостер, Уорик и другие.

Король Генрих

Коль даст господь со смуту покончить,

Что кровью обагрят наш порог.

Мы юношество наше поведем

На те поля, где нам пристало биться,

И обнажим лишь освященный меч,

Наш флот готов, и собраны войска;

Избрали мы заместников себе;

Благоприятно все желанья нашим;

Лишь сил телесных нам недостает,

Да надо подождать, пока повстанцы

Не подпадут ярму законной власти.

Уорик

Здоровье и победа, государь,

Придут к вам скоро.

Король Генрих

Сын мой Хемфри Глостер,

Где принц, твой старший брат?

Глостер

Мне говорили,

Отправился он в Виндзор на охоту.

Король Генрих

А с кем?
Глостер
Не знаю, добрый государь,
Король Генрих
Не с братом Кларенсом поехал он?
Глостер
Нет, государь, брат Кларенс перед вами.
Кларенс
Чего желает государь отец мой?
Король Генрих
Тебе добра, мой сын. Но почему
Не с братом ты? Тебя он очень любит,
А ты меж тем пренебрегаешь им.
Всем братьям он тебя предпочитает.
Ты должен дорожить его любовью;
И братьям много принесешь добра.
Когда меня не станет, — как посредник
Меж ними и величьем королевским.
Так не чуждайся брата, не теряй
Всех преимуществ милости монаршей,
Холодным равнодушьем к братней воле
В его груди не притупляй любви.
Он добр, когда внимательны к нему,
И слезы жалости легко роняет:
Как день, его рука щедра на благо.
Но в гневе он становится кремнем,
Суров и необуздан, как зима,
Порывист, словно ветер леденящий,
Что налетает на пороге дня.
С характером его считаться нужно;
За промахи почтительно кори,
И лишь тогда, когда в нем кровь играет;
Но если он угрюм, оставь его,
Пока, набушевавшись, не замрут
В нем страсти, как на берегу морском
Кит издыхает. Томас, помни это
И станешь для друзей щитом, а братьев
Ты свяжешь, словно обруч золотой.
Чтоб не дал течь сосуд с их общей кровью,
Куда примешан будет неизбежно
Со временем наветов лютый яд.
Пусть выдержит сосуд — будь яд сильней,
Чем аконит, губительней, чем порох.
Кларенс
Внимателен и ласков буду с братом.
Король Генрих
Так почему ж не в Виндзоре ты с ним?
Кларенс
Там нет его: он в Лондоне сегодня
Обедает.
Король Генрих
А с кем? Тебе известно?

Кларенс

Да, государь, с ним Пойнс и все любимцы.

Король Генрих

На тучной почве сорняки обильны;

Он, юности моей прекрасный образ,

Опутан ими: потому я с грустью

В грядущее бросаю взгляд пред смертью.

Кровавыми слезами плачет сердце,

Лишь я представлю гнусную пору,

Гнилые времена, что к нам нагрянут,

Едва усну я с предками моими.

Когда разгул не будет знать узды,

Когда лишь гнев и пыл дружить с ним станут.

Когда войдет его распутство в силу,

О, как помчится он на крыльях страсти

К опасностям и страшному паденью!

Уорик

Вы судите о нем, король, превратно;

Товарищей своих он изучает.

Лишь как язык чужой: чтоб овладеть им,

Необходимо заучить порою

И самые нескромные слова.

В дальнейшем, как известно, с отвращеньем

Их избегают. Так и принц наш бросит

Со временем, как площадную брань,

Своих друзей; о них воспоминанье

Ему послужит образцом и меркой,

Чтобы судить верней о прочих людях;

Былое зло пойдет ему на пользу.

Король Генрих

Нет, пчелы редко покидают пададь,

Где мед их сложен.

Входит Уэстморленд.

Кто там? Уэстморленд?

Уэстморленд

Здоровья вам и много дней счастливых

Вдобавок к тем вестям, что я привез!

Принц Джон, ваш сын, целует руку вам;

Епископ, Маубрей, Хестингс и другие

Подверглись каре вашего закона,

Крамолы меч в ножны надежно вложен,

И всюду расцвела олива мира.

О том, как все произошло, прочтете

Подробно в донесенье, государь.

Король Генрих

Ты птица вешняя, мой Уэстморленд,

Что на исходе зимних бурь вещает

Рожденье дня.

Входит Харкорт.

А вот еще известья.

Харкорт

Храни вас небо от врагов, король!

Когда ж они восстанут, пусть падут,
Как те, о ком пришел я сообщить.
Узнайте: разгромил шериф Йоркширский
Объединенные войска шотландцев
И англичан, которых в бой вели
Нортемберленд могучий и лорд Бардольф.
О том, как битва шла, благоволите
В посланье этом, государь, прочесть.
Король Генрих
Что ж худо мне от радостных вестей?
Иль не приходит никогда Фортуна
С руками, полными даров, и пишет
Каракулями дивные слова?
Она дает здоровье беднякам,
Лишая их еды, а богачей
Пирами дразнит, наградив болезнью:
От избылья не дает вкусить.
Мне радоваться бы известьям добрым,
Но меркнет взор, и голова кружится...
О, подойдите! Мне нехорошо.
Глостер
Крепитесь, государь!
Кларенс
Отец державный!
Уэстморленд
Глаза откройте, государь, очнитесь!
Уорик
Не бойтесь, принцы: с государем часто
Случаются подобные припадки.
Все отойдите. Воздуху побольше!
Сейчас оправится король.
Кларенс
Нет, нет:
Не выдержит он долго этих мук.
Заботы, напряженье сил духовных
Разрушили души его ограду.
И жизнь вот-вот сквозь бреши улетит.
Глостер
Народные меня пугают толки
О порожденьях страшных, о младенцах,
Зачатых без отцов. Природы строй
Нарушен — словно год перескочил
Чрез месяцы, их спящими застав.
Кларенс
В реке прилив был трижды без отлива,
И — хроника живая — старики
Толкуют, что подобное явленье
Случилось перед тем, как Эдуард,
Наш предок, тяжело заболел и умер.
Уорик
Потише, принцы; государь очнулся.
Глостер

Боюсь, удар сведет его в могилу.
Король Генрих
Прошу меня поднять и отнести
В другой покой, но только осторожней.
Уходят.

СЦЕНА 5

Другая комната но дворне.
Король Генрих в кровати; Кларенс, Глостер, Уоррик
и другие.
Король Генрих
Любезные друзья, не надо шума,
Но пусть ласкает нежная рука
Чуть слышной музыкой мой дух усталый.
Уоррик
Позвать в покой соседний музыкантов.
Король Генрих
Корону положите на подушку.
Кларенс
Глаза ввалились. Как он изменился!
Уоррик
Потише.
Входит принц Генрих.
Принц Генрих
Кто видал, где герцог Кларенс?
Кларенс
Я здесь, мой брат, и в горести большой.
Принц Генрих
Как? Дождь под кровом, а не на дворе?
Что с государем?
Глостер
Из рук вон плохо.
Принц Генрих
Знает про победу?
Скорей ему скажите.
Кларенс
Ему при этой вести стало худо.
Принц Генрих
Когда от радости он занемог,
Бог даст, оправится и без лекарства.
Уоррик
Милорды, тише! — Принц, умерьте голос.
Родитель ваш как будто задремал.
Кларенс
В другую комнату уйдемте все.
Уоррик
Угодно ль, принц, нам с вами удалиться?
Принц Генрих
Нет, я останусь возле короля.
Все, кроме принца Генриха, уходят.
Зачем лежит корона на подушке,

Такая беспокойная подруга?
Тревоги блеск! Забота золотая!
Как часто двери сна ты держишь настежь
Бессонной ночью — и с тобой он спит!
Но не таким здоровым, сладким сном,
Как тот, кто в грубом колпаке ночном
Храпит себе до утра. О величье!
Чью голову сдавил венец, тому
Ты — как роскошный панцирь знойным днем,
Что, охраняя, жжет. Лежит пушинка
У врат его дыханья, но не дрогнет.
Когда б дышал он, стала б шевелиться
Пушинка легкая. Король! Отец мой!
Да, крепок этот сон; он разлучил
С короной много королей английских.
По праву ты получишь от меня
Дань горьких слез и тягостной печали:
Тебе, отец, ее заплатят щедро
Моя природа, нежность и любовь.
По праву получу я от тебя
Венец, как твой прямой наследник. Вот он!
(Надевает корону.)
Да сохранит его на мне господь!
Пускай все силы мира соберутся
В одной руке чудовищной — не вырвать
Ей у меня наследственного сана;
Оставлю сыну своему венец,
Как ты его оставил мне, отец.
(Уходит.)
Король Генрих
(очнувшись)
Лорд Уорик! Глостер! Кларенс!
Входят Уорик, Глостер, Кларенс и другие.
Кларенс
Вы звали, государь?
Уорик
Вам лучше, государь? Что вам угодно?
Король Генрих
Зачем меня покинули вы, лорды?
Кларенс
Здесь, государь, остался принц, мой брат.
Он собирался сторожить ваш сон.
Король Генрих
Принц Генрих? Где он? На него взглянуть бы!
Его здесь нет.
Уорик
Открыта дверь; ушел он.
Глостер
Чрез покой,
Где мы сидели, он не проходил.
Король Генрих
Корона где? Кто взял ее с подушки?

Уорик
Лежала здесь, когда мы уходили.
Король Генрих
Принц взял ее. Позвать его скорей!
Иль так не терпится ему, что принял
Мой сон за смерть?
Его пришлите, Уорик, побранив.
Уорик уходит.
Проступок принца наряду с болезнью
Ускорит смерть мою. — О сыновья!
Как быстро, целью золото избрав,
Встает природа на дыбы!
Вот для чего в заботах неразумных
Отцы терзают думою свой сон,
Заботой — мозг, трудами — кости;
Вот для чего накапливают груды
Червонцев, что достанутся другим;
Вот для чего детей мы обучаем
Наукам и военному искусству!
Мы, как пчела, из каждого цветка
Собрав сладчайший сок
И крылья воском облепив, рот — медом,
Летим обратно в улей — и как трутней
За труд нас убивают. Эту горечь
Пред смертью должен испивать отец.
Входит Уорик.
Где тот, кто ждать не стал, пока болезнь,
Союзница его, со мной покончит?
Уорик
В соседней комнате нашел я принца.
Струились слезы по щекам прекрасным;
Так искренне он предавался горю,
Что, глядя на него, насилье злое,
Весь век свой упивавшееся кровью,
Омыло б нож слезами. К нам идет он.
Король Генрих
Но почему он взял с собой корону?
Входит принц Генрих.
А вот и он. — Ко мне приблизься, Гарри.
Уйдите все, оставьте нас одних,
Уорик и прочие уходят.
Принц Генрих
Не думал я ваш голос вновь услышать.
Король Генрих
Желание — отец той мысли, Гарри:
Я слишком зажился, тебе я в тягость.
Ужель так жаждешь ты занять мой трон,
Что мой венец спешишь надеть до срока?
О юность глупая! К величью рвешься,
Не зная, что оно тебя раздавит!
Но потерпи: лишь чуть заметный ветер
Подъемлет облако моей державы,

Мой день померк: оно прольется скоро.
Похитив мой венец, который стал бы
И так твоим чрез несколько часов,
Ты пред моим концом скрепил печатью
Предположенья горшие мои.
Вся жизнь твоя доказывала ясно,
Что ты меня не любишь, и хотел ты.
Чтоб в смертный час я в этом убедился.
На сердце каменном своем в мечтах
Ты наточил уж тысячу кинжалов,
Чтоб полчаса моей похитить жизни.
Как! Полчаса не мог ты потерпеть?
Тогда ступай и вырой мне могилу.
Вели звонить в колокола, вещая
Не смерть мою — твое лишь воцаренье.
Те слезы, что на мой прольются гроб,
Елеем станут, чтоб тебя помазать.
Смешай меня скорее с бренным прахом;
Жизнь давшего тебе отдай червям.
Слуг прогони моих, нарушь указы,
Пришла пора глумиться над порядком.
На троне — Генрих Пятый! Встань, тщеславье!
Прочь, мудрые советники! Прочь, слава!
К английскому двору со всех сторон
Беспутные собирайтесь обезьяны!
Соседи, извергайте прочь подонки!
Коль есть у вас бездельник, что бранится,
Пьет, кутит ночью, грабит, убивает,
Грехи отцов творит на новый лад,
Возрадуйтесь — он нам не будет в тягость:
Ведь Англия его тройною мерзость
Двойною позолотою покроет
И даст ему почет, и власть, и должность.
Намордник, сдерживающий распутство,
Сорвет король, и разъяренный пес
Всех, кто безвиновен, ринется терзать.
О бедный край, больной от войн гражданских!
Я не сберег тебя от смут заботой,
Что ж будет, коль заботой станет смута?
О, снова превратишься ты в пустыню,
Где будут волки лишь бродить, как встарь!
Принц Генрих
О государь, меня простите! Если б
Не слезы — влажная словам преграда,
Прервал бы я урок благой, хоть горький.
Вам не сказать бы этих скорбных слов,
Мне ж — не внимать так долго... Вот венец ваш!
Да сохранит надолго вам его
Небесный венценосец! Если он
Дороже мне, чем ваша честь и слава,
Пусть навсегда останусь на коленях,
В смиренном положении, что внушил

Мне дух, исполненный любви и долга.
Лишь знает бог, как больно сжалось сердце,
Когда, войдя, застал вас бездыханным.
Коль притворяюсь, пусть умру бесславно,
И мир, доверью чуждый, не увидит
Той перемены, что замыслил я.
Придя взглянуть на вас, я счел вас мертвым,
И, полумертвый сам от этой мысли,
С укором обратился я к короне.
Как если бы сознание было в ней:
"Заботы, сопряженные с тобою,
Все соки вытянули из отца.
Хоть высшей пробы золото твое,
Но для меня нет худшею на свете;
Другое, низшей пробы драгоценней,
Затем что исцеляет от недугов,
Ты ж, хоть прекрасно, славно, погубило
Носившею тебя!" С таким укором
Надел корону я, отец державный,
Чтоб с нею, как с врагом, что предо мной
Родителя убил, вступить в борьбу,
Как долг велит наследнику престола.
Но если радостью она растлила
Мне кровь, вселила в душу мне гордыню
И если суетной, мятежной мыслью
Я ринулся с приветом ей навстречу,
Пусть бог навек лишит меня короны
И превратит в ничтожного вассала,
Что в страхе перед ней колени гнет!
Король Генрих
О сын мой!
Господь внушил тебе корону взять,
Чтобы в отце твоём любовь усилить
Разумным оправданием твоим!
Поди сюда, сядь у моей кровати
И выслушай, как думается мне,
Последний мой совет. Известно богу,
Каким путем окольным и кривым
Корону добыл я; лишь мне известно,
С какой тревогой я носил ее.
К тебе она спокойней перейдет,
При лучших обстоятельствах, законней
Все, чем запятнан я в борьбе за власть,
Сойдет со мною в гроб. На мне корона
Казалась символом захватной власти;
В живых немало оставалось лиц,
Что помогли мне ею завладеть,
И это вечно порождало смуту,
Кровопролитья, рая мир непрочный.
Всем этим страхам я навстречу шел,
Своей рискуя жизнью, как ты видел.
В мое правление была страна

Ареной бурных драм. Но смерть моя
Изменит в корне все: что захватил я,
Теперь по праву перейдет к тебе
Наследственный венец носить ты будешь.
Хоть будешь тверже ты стоять, чем я,
Все ж твой непрочен трон: свежи обиды.
Мои друзья, что стать должны твоими,
Зубов и жал лишились лишь недавно
С их помощью кровавой стал я править
И мог страшиться, что меня их мощь
Низринет вновь. Опасность отвращая,
Я многих истребил и собирался
Вести в Снятую землю остальных
Чтоб не дали им праздность и покой
В мои права внимательней всмотреться.
Веди войну в чужих краях, мой Генри,
Чтоб головы горячие занять;
Тем самым память о былом изгладишь.
Еще сказал бы, но дышать мне трудно
И говорить нет сил. Прости, о боже,
Мне путь, которым к власти я пришел,
И сыну в мире сохрани престол!
Принц Генрих
Он вами, государь,
Был добыт, сохранен и мне вручен:
Незыблемы мои права на трон.
Отстаивать их стану неуклонно
Пред всей вселенною и борьбе законной.
Входит принц Джон Ланкастерский.
Король Генрих
Смотри, смотри, идет мой Джон Ланкастер!
Принц Джон
Здоровья, мира, счастья вам желаю!
Король Генрих
Ты мир и счастье мне несешь, здоровье ж
На крыльях юности, увы, умчалось
От голого, иссохшего ствола.
Тебя увидел — и мой труд земной
Теперь закончен. Где лорд Уорик?
Принц Генрих
Уорик!
Входит Уорик.
Король Генрих
Не носит ли особого названья
Покой, где мне сегодня стало хуже?
Уорик
Милорд, зовется он Иерусалим.
Король Генрих
Хвала творцу! Там должен жизнь я кончить.
Мне предсказали много лет назад,
Что я окончу жизнь в Иерусалиме,
И полагал я — что в Святой земле.

В ту комнату меня снесите; там,
В Иерусалиме, небу дух предам.
Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Глостершир. Комната в доме Шеллоу.

Входят Шеллоу, Фальстаф, Бардольф и паж.

Шеллоу

Клянусь петухом и сорокой, я не отпущу вас сегодня, сэ. — Эй, Деви!

Фальстаф

Прошу извинить меня, мистер Роберт Шеллоу...

Шеллоу

Не извиню; никак не могу извинить; не принимаю никаких извинений; никакие извинения вам не помогут; не должно быть никаких извинений. — Эй, Деви!

Входит Деви.

Деви

Здесь, сэ.

Шеллоу

Деви, Деви, Деви, Деви... Пстой, Деви... Пстой, Деви, пстой... Ах да, позови повара Уильяма. — Сэр Джон, я не принимаю ваших извинений.

Деви

Слушаю, сэ. А повесток ваших я так и не мог вручить. Да, вот еще, сэ, чем же мы засеем ту большую пашню — пшеницей?

Шеллоу

Да, красной пшеницей, Деви. Но позови повара Уильяма... Есть у нас молодые голуби?

Деви

Да, сэ. А вот счет кузнеца за ковку лошадей и за плуги.

Шеллоу

Проверь счет и заплати. — Сэр Джон, я не принимаю ваших извинений.

Деви

А еще, сэ, надо бы купить новую цепь к ведру. Да, вот еще, сэ: прикажете вычесть из жалованья Уильяма за мешок, который он потерял на днях на рынке в Хинкли?

Шеллоу

Он должен возместить убыток. — Несколько штук голубей, Деви, да парочку цыплят, да ножку баранины, да еще чего-нибудь хорошенького, вкусенького. Растолкуй это повару Уильяму.

Деви

А военный господин останется у нас на ночь, сэ?

Шеллоу

Да. Деви. Надо его угостить на славу. Друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке. Угости как следует и его людей, Деви; ведь они отъявленные негодяи и в случае чего станут трепать мое имя.

Деви

Положим, у них самих довольно-таки обтрепанный вид, сэ; белье на них страсть какое грязное.

Шеллоу

Хорошо сказано, Деви. Но принимайся за дело, Деви.

Деви

Очень прошу нас, сэры, поддержите Уильяма Уайзора из Уипкота против Климента Перкса из Хилля.

Шеллоу

На Уайзора поступило много жалоб, Деви. По-моему, этот Уайзор отъявленный плут.

Деви

Вполне согласен с вашей милостью, что он плут, но, видит бог, надо же когда-нибудь и плуту получить поблажку по просьбе приятеля. Честный человек, сэры, может сам за себя постоять, а плут не может. Я служу вашей милости верой и правдой вот уже восемь лет, и если мне нельзя раз или два в полгода поддержать плута против честного человека, значит, у вашей милости ко мне совсем мало доверия. Ведь этот плут — мой честный друг, сэры; поэтому я очень прошу вашу милость решить дело в его пользу.

Шеллоу

Ну, хорошо; я его не обижу. А теперь ступай, Деви.

Деви уходит.

Где вы, сэры Джон? Скорей, скорей снимайте сапоги. — Вашу руку, мистер Бардольф.

Бардольф

Я рад видеть вашу милость.

Шеллоу

Благодарю тебя от всей души, добрейший Бардольф. (Пажу.) Добро пожаловать, великан. — Идемте, сэры Джон.

Фальстаф

Сейчас иду, добрейший мистер Роберт Шеллоу.

Шеллоу уходит.

Бардольф, присмотри за нашими лошадьми.

Бардольф и паж уходят.

Если бы меня распилили на части, то вышло бы четыре дюжины таких бородатых монашеских посохов, как мистер Шеллоу. Удивительное дело, до чего духовно уподобились друг другу хозяин и слуги: имея его всегда перед глазами, они стали смахивать на придурковатого судью, а он, постоянно разговаривая с ними, стал походить на лакея с ужимками судьи. Благодаря постоянному общению их мысли настроились на один лад и жмутся друг к другу, как стадо диких гусей. Имей я нужду в мистере Шеллоу, я постарался бы подольститься к его слугам, намекнув на их близость к хозяину; нуждайся я в их услугах, я бы польстил мистеру Шеллоу, сказав, что никто не управляет слугами лучше, чем он. Известно, что как умное поведение, так и дурацкие повадки заразительны подобно болезням, — поэтому надо выбирать себе приятелей весьма осмотрительно. Я сделаю этого Шеллоу мишенью для своих шуток и буду забавлять принца Генриха, пока не сменятся шесть мод, что равняется продолжительности четырех судебных сроков или двух процессов, — и он будет хохотать без и_н_т_е_р_в_а_л_о_в. О, как сильно действует выдумка, приправленная клятвой, или шутка, сказанная с мрачным видом, на молодчика, еще не испытавшего, что такое ломота в плечах! Вот увидите, принц будет хохотать до тех пор, пока его лицо не сморщится, как промокший, скомканный плащ!

Шеллоу

(за сценой)

Сэры Джон!

Фальстаф

Иду, мистер Шеллоу, иду. (Уходит.)

СЦЕНА 2

Уэстминстер. Зал во дворце.

Входят с разных сторон Уорик и верховный судья.

Уорик

А, это вы, милорд? Куда идете?
Верховный судья
Как чувствует себя король?
Уорик
Прекрасно: кончились его тревоги.
Верховный судья
Надеюсь, жив?
Уорик
Ушел он в путь последний,
И в нашем мире больше нет его.
Верховный судья
Зачем король не взял меня с собою?
За то, что верно я ему служил.
Теперь обидам буду предоставлен.
Уорик
Да, молодой король не любит вас.
Верховный судья
Я знаю и порядки новых дней
Во всеоружии хочу я встретить.
Действительность не может быть ужасней
Того, что мне фантазия рисует.
Входят принц Джон Ланкастерский, Глостер, Кларенс,
Уэстморленд и другие.
Уорик
Вот Генриха умершего потомство
Скорбящее. Будь у живого Гарри
Характер худшего из младших братьев,
Как много бы осталось здесь дворян.
Что спустят парус перед грубым сбродом!
Верховный судья
Увы, боюсь, что все пойдет вверх дном.
Принц Джон
Привет, кузен мой Уорик! С добрым утром.
Глостер и Кларенс
Привет, кузен!
Принц Джон
Мы словно разучились говорить.
Уорик
Владеем речью мы, но так печален
Ее предмет, что нас лишает слов.
Принц Джон
Так мир тому, кто вызвал нашу скорбь!
Верховный судья
Мир нам! Спаси нас бог от горшей скорби.
Глостер
Добрейший лорд, вы потеряли друга.
Готов поклясться, на лице у вас
Не маска грусти — истинная скорбь.
Принц Джон
Хоть не уверен в милости никто,
Но вам прием холодный обеспечен.
Как грустно! Если б все иначе было!

Кларенс

Да, вам придется угождать Фальстафу,
Идя наперекор своей природе.

Верховный судья

Все, что я делал, принцы, делал честно,
Руководимый беспристрастным духом.

Я милости выпрашивать не стану
У короля по-нищенски, с позором.

Коль не помогут правота и честь,
К усопшему отправлюсь государю
И расскажу, кем прислан я к нему.

Уорик

Вот принц идет.

Входит король Генрих Пятый со свитой.

Верховный судья

Да сохранит вас бог, мой государь!

Король Генрих

В наряде новом, пышном, что зовется
Величеством, не так удобно мне,
Как думаете вы. Я вижу, братья,
К печали вашей примешался страх.
Здесь английский, а не турецкий двор.
Не Амурат — преемник Амурата,
А Генрих — Генриха. Но все ж печальтесь.
О братья добрые, вам грусть пристала.

Так царственно являете вы горе.

Что вас возьму за образец, и траур

Носить я стану в сердце. Да, печальтесь,
Но в меру, помня, что должны мы бремя
Все сообща нести. Что до меня,

Клянусь, я буду вам отцом и братом.

Вы лишь отдайте мне свою любовь,

А я уж сам возьму заботы ваши.

Вы плачете о Генриха кончине.

И плачу я. Но Гарри жив, который

В дни счастья эти слезы превратит.

Принц Джон и другие

Мы, государь, не ждем от вас другого.

Король Генрих

Все как-то странно смотрят на меня.

(Верховному судье.)

В особенности вы: ведь вы, конечно,

Уверены, что вам я враг.

Верховный судья

Уверен,

Что если взвесить здраво, то у вас

Нет оснований для вражды ко мне.

Король Генрих

Нет?

Иль может принц с призваньем столь высоким

Забывать, как оскорбляли вы его?

Как! Отчитать, бранить, в темницу бросить

Наследника? Иль этого вам мало?
Иль это можно в Лете утопить?
Верховный судья
Я действовал от имени монарха,
Власть вашего отца являл собою.
И вот, когда я исполнял закон,
Радея лишь о благе всех сограждан,
Угодно было вам забыть свой сан,
Закона мощь, величье правосудья,
Монарха образ, воплощенный мной
В судейском кресле, — и меня ударить;
И вас за оскорбленье короля
Я, смело пользуясь мне данной властью,
Под стражу взял. Коль поступил я дурно,
Теперь, когда надели вы корону,
Не возражайте, если ваш наследник
Нарушит приговор ваш, правосудье
Прогонит со скамьи его священной,
Прервет закона ход, притупит меч,
Что ваш покой блюдет и безопасность,
Нет, больше: если образ ваш растопчет,
Над вашим представителем глумясь.
Вы царственный свой разум спросите,
Представьте, что случилось это с вами,
Что вы отец и что у вас есть сын,
Который так попрали величье ваше,
Так все законы грозные презрел,
Так надругался дерзостно над вами;
Потом представьте, что, за вас вступившись,
Я вашей властью принца усмирил.
Обдумав это, обо мне судите.
Как государь, скажите беспристрастно,
В чем я свои нарушил полномочья
Иль верность властелину моему.
Король Генрих
Милорд, вы правы: взвешено прекрасно;
Так сохраняйте же весы и меч.
Желал бы я, чтоб, возрастая в славе,
Вы дожили до дня, когда мой сын,
Вас оскорбив, подобно мне смирится.
Тогда я повторю слова отца:
"— Я счастлив, что есть подданный бесстрашный
Который принца осудить дерзнул;
И счастлив я, что у меня есть сын,
Который отдал в руки правосудья
Свое величье". Вы меня к тюрьме
Приговорили, — я приговорю вас
Носить и впредь тот меч, который с честью
Вы до сих пор носили. Обращайтесь
С ним так же смело, честно, как в тот раз,
Когда он был направлен на меня.
Вот вам рука моя. Отцом мне будьте:

Что вы шепнете мне, я вслух скажу
И волю подчиню свою смиренно
Советам вашим мудрым и благим.
И я прошу вас всех поверить, принцы,
Что в гроб с отцом сошло мое беспутство,
С ним страсти все мои погребены,
И строгий дух отца воскрес во мне,
Чтоб ожиданья обмануть людские,
Всех посрамить пророков, истребить
Дурное мненье, что меня клеймит
За внешние былые проявления.
Кровь гордая, что до сих пор ко мне
Текла разгульно, свой изменит ход
И устремится в океан, где, слившись
С волнами царственными, заструится
Спокойно, величаво. Мы теперь же
Парламент наш высокий созовем
И изберем советников надежных,
Чтоб Англия ни и чем не уступала
Тем странам, где правленье совершенно;
Чтоб и война и мир иль оба вместе
Привычны и знакомы были нам.
Во всем, отец, вам будет первый голос.
Короновавшись, тотчас созовем,
Как я упомянул, весь наш Совет.
Когда ж по воле неба стану править,
Ни принц, ни пэр не пожелает ввек.
Чтоб сократился мой счастливый век.
Уходят.

СЦЕНА 3

Глостершир. Сад при доме Шеллоу.
Входят Фальстаф, Шеллоу, Сайленс, Бардольф,
паж и Деви.

Шеллоу

Нет, вы непременно должны осмотреть мой сад, и там в беседке мы с вами отведаем прошлогодних яблок моей собственной прививки; съедем тарелочку варенья с тмином и еще что-нибудь. — Идемте, кузен Сайленс. — А потом в постель.

Фальстаф

Ей-богу, у вас славное поместье, очень богатое.

Шеллоу

Пустырь, пустырь, пустырь. Мы нищие, нищие, сэр Джон. Только и хорошего, что воздух. — Накрывай, Деви! Накрывай, Деви! Так, хорошо.

Фальстаф

Этот Деви у вас мастер на все руки — и слуга и управляющий.

Шеллоу

Хороший слуга, хороший слуга, превосходный слуга, сэр Джон. Клянусь мессой, я выпил за ужином слишком много хереса. Да, хороший слуга. А теперь садитесь, садитесь. — И вы, кузен, тоже.

Сайленс

Ну, господа, давайте теперь, как говорится: (Поет.)

"Гулять, пировать всю ночь напролет,
Хвалить небеса за удачливый год.
Всюду мясо в котлах, спрос на девок растет,
Пляшет, поет счастливый народ.
Эй, веселей!

Говорю вам, друзья: веселей!"

Фальстаф

Вот весельчак! — Добрейший мистер Сайленс, сейчас выпью за ваше здоровье.

Шеллоу

Поднеси-ка вина мистеру Бардольфу, Деви.

Деви

Добрейший сэра, садитесь. Я сейчас буду к вашим услугам. Садитесь, добрейший сэра. —
Господин паж, любезный господин паж, садитесь. Ваше здоровье! Если не хватит чего
съестного, мы вознаградим себя выпивкой. Уж не взыщите: чем богаты, тем и рады.
(Уходит.)

Шеллоу

Веселей, мистер Бардольф! — И ты тоже, мой маленький воин, будь веселей.

Сайленс

(поет)

"Веселей, веселей! Жена-ерунда;
Коротка ль, высока ль — баба дрянь всегда.
Пир горой, когда с бородой борода.
Да здравствует праздник веселый!
Веселей, друзья, веселей!"

Фальстаф

Никак не думал, что мистер Сайленс такой молодец.

Сайленс

Кто? Я? Мне уже случалось в жизни повеселиться разок-другой.

Возвращается Деви.

Деви

Вот вам блюдо яблоч. (Ставит блюдо перед Бардольфом.)

Шеллоу

Деви!

Деви

Что прикажете, ваша милость? (Бардольфу.) Сейчас буду к вашим услугам. —
Стакан вина, сэра?

Сайленс

(поет)

"Кубок с вином блещет огнем.
Выпью за ту, что в сердце моем.
Кто весел, всех долговечней!"

Фальстаф

Славно, мистер Сайленс!

Сайленс

Будем веселиться. Перед нами еще самая приятная часть ночи.

Фальстаф

Ваше здоровье, мистер Сайленс! Много лет вам здравствовать!

Сайленс

(поет)

"До дна я выпью кубок мой,
Будь он хоть в миллю глубиной!"

Шеллоу

Достойный Бардольф, за твое здоровье. Если тебе чего-нибудь хочется и ты не требуешь, пеняй на себя. — Твое здоровье, мой маленький плутишка, твое здоровье. — Пью за здоровье мистера Бардольфа и всех лондонских кавалеров.

Девы

Я еще надеюсь на своем веку побывать в Лондоне.

Бардольф

Очень бы хотел увидеть тебя там, Девы...

Шеллоу

Бардольф? Клянусь мессой, вы там осушите вдвоем добрую кварту. Хе-хе! Не правда ли, мистер Бардольф?

Бардольф

Совершенно верно, сэр, — пинты в четыре.

Шеллоу

Отлично сказано, черт возьми! Этот плут не отстанет от тебя, будь спокоен. Уж он не отступится, он мастер по этой части.

Бардольф

Да и я тоже не отстану от него, сэр.

Шеллоу

Вот слова, достойные короля. Будьте как дома, веселитесь!

Стук в дверь.

Посмотрите, кто там пришел. Эй, кто там?

Девы входит.

Фальстаф

(Сайленсу, который выпил стакан до дна)

Так, теперь вы оказали мне честь.

Сайленс

(поет)

"Окажите мне честь

Меня в рыцарский сан возвесть,

Саминго!" Так ведь?

Фальстаф

Так.

Сайленс

Вот видите. Согласитесь, что и старый человек иногда еще кое на что пригодится.

Возвращается Девы.

Девы

С позволения вашей милости, там пришел какой-то Пистоль; он привез вести из дворца.

Фальстаф

Из дворца? Пусть войдет.

Входит Пистоль.

Что скажешь, Пистоль?

Пистоль

Да хранит вас бог, сэр Джон!

Фальстаф

Какой ветер занес тебя сюда, Пистоль?

Пистоль

Не тот злой ветер, который не приносит ничего доброго. Милейший рыцарь, ты теперь одна из самых веских персон в королевстве.

Сайленс

Клянусь святой девой, он самый увесистый, если не считать моего кума Пуфа из Барсона.

Пистоль

Пуф?

"Пуф" тебе в зубы, гнусный, подлый трус!

Сэр Джон, я твой Пистоль, твой верный друг.

Я сломя голову сюда примчался

И радостную весть тебе привез

Бесценные известья, дни золотые.

Фальстаф

Выкладывай их скорее, да только говори по-человечески.

Пистоль

Плевать мне на весь свет и всех людишек!

Я речь веду об Африке золотой!

Фальстаф

Презренный ассириец, что за вести?

Король Кофетуа знать правду хочет.

Сайленс

(поет)

"И Робин Гуд, и Джон, и Скарлет".

Пистоль

Допустят ли дворняг на Геликон,

Чтоб лаяли на царственные вести?

Тогда, Пистоль, пади в объятия фурий!

Шеллоу

Почтенный джентльмен, я не знаю, из каких вы будете.

Пистоль

Тогда скорби об этом.

Шеллоу

Прошу прощенья, сэр. Если, сэр, вы прибыли с вестями из дворца, я полагаю, нам остается одно из двух — или выложить их, или же хранить при себе. Знайте, сэр, что король облек меня некоторой властью.

Пистоль

Какой король? Ответь, прохвост, иль сгибнешь!

Шеллоу

Генрих.

Пистоль

Какой? Четвертый или Пятый?

Шеллоу

Генрих Четвертый.

Пистоль

К черту же твой сан!

Сэр Джон, стал королем твой кроткий агнец.

Он — Генрих Пятый. Правду говорю.

Когда солгал я, покажи мне фигу,

Как гордые испанцы.

Фальстаф

Как! Старый король умер?

Пистоль

Он мертв, как гвоздь дверной.

Сказал я правду.

Фальстаф

Скорей, Бардольф! Седлай моего коня! — Мистер Роберт Шеллоу, выбирай какую хочешь должность в государстве — она твоя. — Пистоль, я осыплю тебя почестями!

Бардольф
Счастливым день!
Он мне дороже рыцарского званья!

Пистоль
Что? Вести хороши?

Фальстаф

Отнесите мистера Сайленса в постель. — Мистер Шеллоу, лорд Шеллоу, будь чем хочешь: я — наместник Фортуны, Надевай сапоги, мы будем скакать всю ночь. — О драгоценный мой Пистоль! — Живо, Бардольф!

Бардольф уходит.

Ну, Пистоль, расскажи мне еще что-нибудь; да придумай для себя что-нибудь хорошенькое. — Надевайте сапоги, мистер Шеллоу! Я знаю, молодой король тоскует по мне... Возьмите первых попавшихся лошадей: законы Англии мне подвластны. Счастье всем моим друзьям, и горе лорду верховному судье!

Пистоль

Пусть коршуны ему терзают печень!
"Куда ты скрылось, счастье?" — так поется.

Оно вот здесь! Привет блаженным дням!
Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Улица.

Входят полицейские, которые тащат хозяйку Куикли
и Долль Тершит.

Хозяйка

Ах ты, отпетый негодяй! Починный бог, я готова помереть, лишь бы мне увидеть тебя на виселице! Ты вывихнул мне плечо!

Первый полицейский

Констебли передали ее мне. Пусть не сомневается: мы угостим ее кнутом на славу. Из-за нее было недавно убито два человека.

Долль

Врешь, живодер окаянный, врешь! Пусти, говорю тебе, проклятая постная твоя рожа! Если я выкину дите, что сейчас ношу, лучше бы тебе пришибить родную мать, поганец ты этакий, испытав харя!

Хозяйка

О господи, если бы только сэр Джон был здесь! Уж он бы учинил тут над кем-нибудь кровавую расправу. Молю бога, чтобы она выкинула плод своего чрева.

Первый полицейский

Что ж, тогда у тебя будет опять дюжина подушек; а сейчас их у тебя только одиннадцать. Да ну же, ступайте за мной. Человек, которого вы избили вместе с Пистолем, умер.

Долль

А я тебе говорю, плюгавый человечиска с курильницы, тебя самого за это здорово выпорют. Ах ты, синяя навозная муха! Ах ты, грязный оголодавший палач! Если тебя не выпорют, не носить мне больше короткого платья.

Первый полицейский

Ну ты, странствующий рыцарь в юбке, идем.

Хозяйка

Господи боже мой, неужто п_р_а_в_д_а одолеет с_и_л_у? Ну, да мы еще посмотрим!

Долль

Идем, негодяй ты этакий, идем. Веди меня к судье.

Хозяйка
Идем, голодный пес.
Долль
Ах ты, ходячая смерть!
Хозяйка
Скелет ты этакий!
Долль
Идем, сухарь, идем, негодяй!
Первый полицейский
Ладно, идем.
Уходят.

СЦЕНА 5

Площадь перед Уэстминстерским аббатством.
Входят два служителя, посыпая площадь тростником.
Первый служитель
Не жалея тростника, не жалея тростника!
Второй служитель
Уже два раза трубили.
Первый служитель
Раньше двух часов они не вернутся с коронации. Живей, живей!
Служители уходят.
Входят Фальстаф, Шеллоу, Пистоль, Бардольф и паж.
Фальстаф
Станьте возле меня, мистер Роберт Шеллоу. Уж я добьюсь у короля для вас всяческих благ. Я подмигну ему, когда он будет проезжать мимо нас, — вы увидите, как он со мной обойдется.
Пистоль
Да укрепит господь твои легкие, добрый рыцарь.
Фальстаф
Поди сюда, Пистоль; стань позади меня. (К Шеллоу.) Как жаль, что я не успел заказать всем нам новое платье, — охотно бы выложил тысячу фунтов, что занял у вас! Впрочем, не беда; ваш скромный наряд как нельзя более кстати он доказывает, как я спешил увидеть короля.
Шеллоу
Вот именно.
Фальстаф
Он доказывает мою искреннюю привязанность.
Шеллоу
Вот именно.
Фальстаф
Мою преданность...
Шеллоу
Вот именно, вот именно, вот именно.
Фальстаф
Сразу видно, что я скакал день и ночь и совсем позабыл... даже в голову не пришло — терпения не хватило переодеться...
Шеллоу
Именно так.
Фальстаф
Вот я стою здесь, весь в пыли, весь в поту, сгорая от желания его увидеть, бросив все

свои дела, как будто у меня нет другой заботы, как только увидеть его.

Пистоль

Это *semper idem*, ибо *absque hoc nihil est* — все, как говорится, одно к одному.

Шеллоу

Так оно и есть.

Пистоль

Мой рыцарь, разожгу и тебе я печень

И благородный гнев:

Прекрасная твоя Елена, Долль,

В оковах тяжких, в мерзостной тюрьме;

И ввержена туда

Презренною и грубою рукой.

Отмщенье, встань из черных бездн,

Обвитое змеей Алекто страшной!

В темнице Долль! Пистоль сказал лишь правду.

Фальстаф

Я дам свободу ей!

За сценой радостные клики и трубные звуки.

Пистоль

Не море ли шумит? Я слышу рокот труб.

Вводит король Генрих Пятый со свитой: в числе других верховный судья.

Фальстаф

Храни тебя господь, король мой Хел!

Пистоль

Пусть небо сохранит сей дивный отпрыск славы!

Фальстаф

Храни тебя господь, мой милый мальчик!

Король Генрих

(верховному судье)

Милорд, ответьте этому безумцу.

Верховный судья

В уме ль вы, сэр? С кем говорите вы?

Фальстаф

(королю Генриху)

С тобой! Король! Юпитер! Жизнь моя!

Король Генрих

Старик, с тобой я незнаком. Покайся!

Седины вовсе не к лицу шутам.

Мне долго снился человек такой

Раздувшийся от пьянства, старый, грубый,

Но я проснулся, и тот сон мне мерзок.

Впредь о душе заботься, не о теле.

Обжорство брось: знай, пред тобой могила

Зияет — поглотить тебя готова.

Дурацкой шуткой мне не отвечай.

Не думай, что такой же я, как прежде.

Известно богу — скоро мир увидит,

Что я от прошлого навек отрекся

И отрекусь от всех, с кем знался раньше.

Когда услышишь, что я вновь таков,

Как прежде, приходи ко мне и будешь

Моим руководителем в распутстве.

До той поры тебя я изгоняю,
Как всех прогнал, кто совращал меня.
Под страхом смерти вам запрещено
Теперь к особе нашей приближаться
На десять миль. Вам средства к жизни дам,
Чтобы нужда на зло вас не толкала;
И, если вы исправитесь, дадим
Вам должность в меру ваших сил и знаний.
Милорд судья, я поручаю вам
Дать неотложный ход моим словам.
Идем.

Король со свитой уходит.

Фальстаф

Мистер Шеллоу, я должен вам тысячу фунтов.

Шеллоу

Да, сэр Джон, и я прошу вас вернуть мне их сейчас же: я еду домой.

Фальстаф

Это едва ли возможно, мистер Шеллоу. Но не огорчайтесь; скоро меня позовут к ному тайком. Видите ли, он должен был так обойтись со мной при всех. Не сомневайтесь в своем повышении: я все же придам вам весу.

Шеллоу

Не знаю, как вы это сделаете, — разве что только наденете на меня свой камзол и набьете его соломой. Очень прошу вас, добрейший сэр Джон, отдайте мне хоть пятьсот фунтов из тысячи.

Фальстаф

Не сомневайтесь, я сдержу свое слово. То, что вы сейчас видели, не более как маска.

Шеллоу

Боюсь, что эту маску не снимут до самой вашей смерти, сэр Джон.

Фальстаф

Не бойтесь масок. Идемте со мной обедать. — Идем, лейтенант Пистоль; идем, Бардольф. За мной еще пришлют сегодня же вечером.

Входит принц Джон, верховный судья и стража.

Верховный судья

Взять сэра Джона Фальстафа; немедля

Свести во Флит — и всех друзей его.

Фальстаф

Милорд, милорд!..

Верховный судья

Нет времени. Все скажете вы после.

Ведите их.

Пистоль

Se fortuna mi tormenta,

Lo sperare mi contenta.

Все, кроме принца Джона и верховного судьи, уходят.

Принц Джон

Мне по душе поступок государя;

Намерен прежних спутников своих

Он обеспечить, но их всех изгнал

И не вернет, пока не убедится

В их скромном и разумном поведенье.

Верховный судья

Да, это так.

Принц Джон
Король созвал парламент свой, милорд?
Верховный судья
Созвал.
Принц Джон
Готов ручаться; не пройдет и года,
Как наш король огонь и меч пошлет
Во Францию. Об этом птичка пела
И, кажется, пленить его сумела.
Идем, милорд.
Уходят.

ЭПИЛОГ

(Произносится Танцовщиком)

Я появляюсь перед вами прежде всего со страхом, затем с поклоном, и, наконец с речью. Страшусь я вашего неудовольствия, кланяюсь по обязанности, а говорю, чтобы просить у вас прощения. Если вы ждете от меня хорошей речи, то я пропал, — ведь то, что я имею сказать, сочинил я сам, а то, что мне следовало бы вам сказать, боюсь, испорчено мною. Но к делу, — я все-таки попробую. Да будет вам известно (впрочем, вы это и сами знаете), что недавно я выступал здесь перед вами в конце одной пьесы, которая вам не понравилась, и просил у вас снисхождения к ней, обещав вам лучшую. Признаться, я надеялся уплатить вам свой долг вот этой пьесой. Если же она, как неудачное коммерческое предприятие, потерпит крах, то я окажусь банкротом, а вы, мои любезные кредиторы, пострадаете. Я обещал вам явиться сюда — и вот я пришел и поручаю себя вашей снисходительности. Отпустите мне хоть часть долга, а часть я заплачу и, подобно большинству должников, надаю вам бесконечных обещаний.

Если мой язык вымолит у вас оправдание, не прикажете ли вы мне пустить в ход ноги? Правда, это было бы легкой расплатой — отплясаться от долга. Но чистая совесть готова дать любое удовлетворение, и я на все пойду. Все дамы, здесь присутствующие, уже простили меня; если же кавалеры не простят, значит, кавалеры не согласны с дамами — вещь, совершенно невиданная в таком собрании.

Еще одно слово, прошу вас. Если вы еще не пресытились жирной пищей, то ваш смиренный автор предложит вам историю, в которой выведен сэр Джон, и развеселит вас, показав прекрасную Екатерину Французскую. В этой истории, насколько я знаю, Фальстаф умрет от испарины, если его еще не убил ваш суровый приговор; как известно, Олдкасл умер смертью мученика, но это совсем другое лицо. Язык мой устал, а когда мои ноги так же устанут, я пожелаю вам доброй ночи. А затем я преклоню колени, но лишь для того, чтобы помолиться за королеву.

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Действующие лица. Шеллоу, Сайленс, деревенские судьи. — В Англии того времени такие судьи, избравшиеся из числа местных помещиков, были довольно значительными административными лицами, в обязанности которых входило наблюдение за общественным спокойствием и за исполнением королевских приказов.

Уоркуорт — город и замок того же имени, находящиеся в графстве Нортемберленд.

Молва — образ из моралите (в средневековом аллегорическом театре), нередко выводившийся на сцену во времена Шекспира.

...и шпора Перси юного остыла. — Намек на прозвище Перси — Хотспер (Горячая Шпора).

И этот пастырь узами двойными теперь связал приверженцев своих. Мортон говорит о двойной власти архиепископа Йоркского: духовной и светской.

Он кровью Ричарда кропит повстанцев, соскобленную с помфретских камней... — Помфрет — замок, где был заточен и убит Ричард II.

Ах ты, поганый корешок мандрагоры! — Существовало мнение, что корень мандрагоры (растение, встречающееся в Греции и на Гималайских горах) имеет сходство с фигурой человека.

...человечек ростом с агат на перстне. — На агатах, вставлявшихся а перстни, нередко вырезывались человеческие фигурки.

Ахитофель — имя одного из бесов.

...у него на лбу — рог изобилия. — Рогом изобилия Фальстаф называет в шутку «рога» обманутого мужа.

Смитфилд — центральный скотный двор в Лондоне; недобросовестность смитфилдских барышников вошла в поговорку. Фальстаф намекает на поговорку: "Не выбирай жену в Уэстминстере, слугу в соборе святого Павла и лошадь в Смитфилде, не то получишь шлюху, мошенника и клячу".

Гален — знаменитый греческий врач II в. н. э., труды которого очень ценились в эпоху Возрождения.

...дурной ангел легковесен... — Игра слов: "злой ангел", по суеверным христианским представлениям, всегда следящий за человеком и толкающий его на все дурное, и "дурной ангел" — монета дурной чеканки, то есть неполновесная.

...пусть мне никогда больше не плевать белой слюной! — Считалось, что у пьяниц слюна отличается особенной белизной.

Грот — старинная монета стоимостью в четыре пенса.

Немецкая охота — так называлась охота на кабанов.

...все твои голландские запасы — запасы голландского полотна, из которого изготовлялось белье.

Он... окликнул меня, милорд, через красную оконную решетку. Отличительным признаком таверн были красные решетки на окнах.

...поэтому я и называю его сном Алфеи. — Алфея (миф.) — жена этолийского царя Энея. Здесь смешаны два античных предания: об Алфее, которая, разгневавшись на своего сына Мелеагра, бросила в огонь головню, от сохранения которой зависела его жизнь, и о троянской царице Гекубе, которой перед рождением Париса (погубившего Троя) приснилось, что она родила пылающую головню.

Иафет. — Согласно библии, у Ноя, спасшегося от потопа вместе с семьей, было три сына — Сим, Хам и Иафет, которые стали родоначальниками человечества.

С эфесцами, милорд, людьми старого закала. — Поскольку жители древнегреческого города Эфеса слыли любителями всякой роскоши и увеселений, во времена Шекспира эфесцами в шутку называли гуляк.

Ирина — героиня утраченной трагедии современника Шекспира Пиля "Турецкий Магомет и прекрасная гречанка Ирина".

Вот шутка, нечего сказать! и т. д. — пародийно измененная цитата из трагедии современника Шекспира Марло "Подвиги великого Тамерлана".

...держают с каннибалами равняться... — С каннибалами — вместо "с ганнибалами".

...и царь их Цербер... — Цербер был не царем, а псом, охранявшим вход в подземное царство Плутона.

Ешь и толстей, моя Калиполида — пародийно измененная цитата из другой трагедии Пиля — "Битва при Алькасаре".

Иль мы не любовались с тобою вместе Большой Медведицей? — то есть не проводили ночи вместе в кутежах.

Знаем мы этих галлоуэйских кляч. — Галлоуэй — область на юго-западе Шотландии, где разводятся пони.

Атропос — имя одной из трех Парок.

...в десять раз лучше всех девяти героев. — На маскарадах и в живых картинах того времени нередко изображалась "процессия девяти героев" или "девяти мужей славы", состоявшая из следующих фигур: три иудея — Иисус Навин, Давид) Иуда Маккавей; три язычника — Александр Македонский, Гектор, Юлий Цезарь: три христианина — король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский.

Мертвая голова — одна из вздорных выдумок тогдашней магии: искусственная человеческая голова, которая должна была верно отвечать на все вопросы и предсказывать будущее.

...ест морских угрей с укропом. — Морские угри с укропом — любимая закуска тогдашних пьяниц.

Сатурн нынче в соединении с Венерой. Что говорит на этот счет календарь? — Помимо мифологического смысла (встреча старика Фальстафа с жрицей любви Долль) это выражение содержит астрологический смысл: схождение в небе двух светил (в данном случае — планет Сатурна и Венеры), как могущее оказать определенное влияние на судьбы человеческие, отмечалось в тогдашних календарях.

Посмотрите, как этот огненный Тригон... шепчется со старой счетной книгой своего хозяина... — Тригон (буквально — треугольник) — старинное название одной из частей Зодиака. Огненным Тригоном здесь назван Бардольф за багровый цвет его лица. Счетная книга Фальстафа — миссис Куикли, которая все время записывает его долги.

Джон Дойт, Джордж Барнс, Франсис Пикбон, Уилл Скуил — все эти имена, а также упоминаемые дальше Стокфиш, Шуркард, Дебл и Найтуэрк — смысловые: Дойт значит — грошик, Пикбон — блюдолиз, Скуил — пискун, Стокфиш — вяленая треска; Шуркард — играющий в карты наверняка (то есть шулер), Дебл двуличный, Найтуэрк — ночная работа.

Томас Маубрей — покойный отец выведенного в этой пьесе лорда Маубрея.

Псалмопевец — царь Давид, о котором рассказывается в библии, что он слагал и пел псалмы.

Джон Гант — герцог Ланкастерский, покойный отец Болингброка, ставшего королем Генрихом IV.

У нас уже немало теней в списках — то есть "мертвых душ" (фиктивно числящихся).

Целая армия — паразиты, кишачие в лохмотьях.

Я вызвал на два человека больше, чем вам требовалось... — Небрежность Шекспира или ошибка в счете со стороны Шеллоу. На самом деле только одним больше, так как на сцену перед этим было выведено пять рекрутов, а не шесть.

Добрейший господин капрал-капита н... — Плесень от волнения смешивает два разных чина.

Артуровы игры (названные так по имени легендарного короля Британии Артура, при дворе которого жили будто бы особенно доблестные и искусные в военном деле рыцари) — состязания в стрельбе из лука, устраивавшиеся в Майленд-Грине (поляна близ Лондона), причем их участники принимали имена персонажей «артуровских» романов.

Сэр Дагонет — имя шута легендарного короля Артура.

...хвастал передо мной... своими подвигами на Торнбульской улице. — На Торнбульской улице в Лондоне находилось множество притонов.

...женщины звали его мандрагорой. — Плоды мандрагоры считались возбуждающим средством.

Тильт-Ярд — поле для турниров в Уэстминстере.

...сказал Джону Ганту, что он отколотил свое собственной прозвище. Имя Гант (герцогский титул, происходящий от названия города Гента во Фландрии) созвучно английскому слову «gaunt» — тощий, исхудалый.

...и будь я не я, если не сделаю себе из него два философских камня. Алхимики пытались изготовить два состава, которые они называли двумя видами "философского камня": один из них должен был обладать способностью обращать все металлы в золото,

другой — исцелять от всех болезней.

...из-за расправы, постигшей моего родного брата. — Брат архиепископа Йоркского, лорд Скруп, граф Уилтшир, был казнен Генрихом IV (см. первую часть этой трагедии, акт I, сцена 3).

Граф Херифорд — титул Болингброка, будущего короля Генриха IV.

"Пришел, увидел, победил" — слова Юлия Цезаря,

Двери сна — глаза.

Надевает корону. — Согласно старинному английскому обычаю, когда король был при смерти, рядом с ним клали его корону, которую после смерти короля тут же надевал на себя его наследник.

...другое, низшей пробы, драгоценной, затем что исцеляет от недугов. В состав некоторых лекарств того времени входило золото, которое было более низкой пробы, чем золото королевской короны.

Не Амурат — преемник Амурата... — Намек на события, происходившие при турецком дворе незадолго до написания этой пьесы. В 1574 г. султан Амурат, взойдя на престол, умертвил всех своих братьев как возможных соперников. После его смерти, в 1596 году, его сын, также называвшийся Амуратом, сделал, взойдя на престол, то же самое,

Саминго — искажение имени Сан-оминго, то есть святого Доминика, считавшегося покровителем пьяниц.

Пуф из Барсона — великан из города Барсона (иначе Барстона); его показывали за деньги на ярмарках.

Плевать мне на весь свет... — Здесь и дальше в речах Пистоля — пародия на напыщенный стиль некоторых английских трагедии того времени. Фальстаф отвечает в тон Пистоллю.

Король Кофетуа — персонаж популярной народной баллады, неоднократно упоминаемый Шекспиром.

Робин Гуд, Джон, Скарлет — персонажи старинных английских баллад.

Геликон — горная цепь в Греции, считавшаяся обиталищем бога искусств Аполлона.

Гвоздь дверной- большой гвоздь во входной двери, в который ударяли подвешенным около него молотком, что заменяло современный звонок.

Пусть коршуны ему терзают печень! — Намек на миф о Прометее, которого Зевс (Юпитер) приковал к скале, велел коршуну каждую ночь выклевывать ему печень, за день вырастающую снова.

...тогда у тебя будет опять дюжина подушек; а сейчас их у тебя только одиннадцать — Полицейский хочет сказать, что хозяйка дала одну из своих подушек Долль, которая привязала ее к животу, симулируя беременность. Смысл этой хитрости в том, что беременных женщин избавляли от суровых наказаний.

Ах ты, синяя навозная муха! — Полицейские носили синие куртки.

Неужто правда одолеет силу" — Одна из обмолвок хозяйки, которая хочет сказать: "неужто сила одолеет правду?"

Алекто — имя одной из фурий; согласно преданию, голова ее была увита змеями.

Идем, лейтенант Пистоль. — Пистоль — лишь прапорщик, но Фальстаф, рассчитывая на свое влияние при дворе, мысленно производит его уже в лейтенанты.

Флит — название тюрьмы в Лондоне.

...развеселит вас, показав прекрасную Екатерину Французскую. — В пьесе Шекспира "Генрих V", написанной через год или два после окончания "Генриха IV", изображаются победы Генриха V во Франции, а затем его брак с французской принцессой Екатериной.

...как известно Олдкасл умер смертью мученика, но это совсем другое лицо. — См. послесловие к "Виндзорским насмешницам".

А. Смирнов